

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-2 (47)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-2 (47), 2020

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-2 (47)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-2 (47), 2020

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Candidate of History *A.H. Borov*;
Doctor of Philology *A.M. Gutov*; Doctor of History *A.G. Kazharov*;
Candidate of History *Z.M. Kesheva*; Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Алоев Т.Х.</i> Маргъушей («Маргушевский аул») – locus majoris Кабарды в период ермоловского наступления (1819–1822)	7
<i>Дзуганов Т.А.</i> О питейном деле в Нальчикском (Кабардинском) округе	14
<i>Кожев З.А.</i> Кабардино-русские отношения в конце XVIII – нач. XIX вв.: модели инкорпорации в имперское пространство	21
<i>Варивода Н.В.</i> Землевладение и землепользование в хозяйственной деятельности терских казаков в пореформенный период	30
<i>Прасолов Д.Н.</i> Съезды доверенных кабардинцев и балкарцев в земских проектах начала XX в.	38
<i>Жанситов О.А.</i> Нальчикский округ в период Февральской и Октябрьской революций: формирование новой администрации и борьба за власть ...	47
<i>Кармов А.Х.</i> Создание машинно-тракторных станций и их роль в укреплении колхозного строя в Кабардино-Балкарии	55
<i>Гугова М.Х.</i> Труд женщин Кабардино-Балкарии в создании тыла и оказании помощи фронту в годы Великой Отечественной войны	66
<i>Тетуев А.И.</i> Малгобекская оборонительная операция битвы за Кавказ в исторической памяти: проблемы формирования и сохранения	72
<i>Такова А.Н.</i> Некоторые аспекты борьбы с «вредными» пережитками прошлого в советской Кабардино-Балкарии (на примере борьбы с обычаем умыкания невест)	80

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>БиццIo Б.Ч., Шэру Н.Г.</i> Мыхъуныгъэ категорэр адыгэбзэм кызырэрыщыхъу Iэмал нэхъыщхъэхэр	87
<i>Гузеланы Ж.М., Махийланы Л.Х.</i> Къарачай-малкъар тилни жазмасыны тарыхы	96
<i>Шэрджэс З.В.</i> ЩытыкIэгъэлыагъуэ плъыфэцIэхэм я грамматикэ нэщэнэхэр	101
<i>Мусуков Б.А.</i> Лексико-семантические и синтагматические особенности слова ала в тюркских языках (На материале казахского и карачаево-балкарского языков)	108
<i>Быхъурэ М.Ф.</i> Эпическэ лIыхъужьхэм теухуа адыгэ псысэ класэхэр	116
<i>Гергокова Л.С.</i> Мифологические сюжеты и образы в карачаево-балкарском фольклоре	125
<i>Бетуганова Е.Н.</i> Кризис самоидентификации героев в романе М. Хакуашевой «Возвращение домой»	131
<i>Хагожеева Л.С.</i> Изучение фольклора адыгов как части духовной культуры этноса	139

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Aloev T.Kh.</i> Margushei («Margushevsky aul») – locus majoris of Kabarda during the Yermolovs offensive (1819–1822)	7
<i>Dzukanov T.A.</i> On the drinking business in the Nalchik (Kabardian) district ...	14
<i>Kozhev Z.A.</i> Kabardian-russian relations at the end of 18 th – beginning of the 19 th century: models of incorporation into the imperial space	21
<i>Varivoda N.V.</i> Land ownership and land use in the economic activity of the terek cossacks in the post-reform period	30
<i>Prasolov D.N.</i> Conventions of trusted Kabardinians and Balkars in zemstvo projects of the early twentieth century	38
<i>Zhansitov O.A.</i> Nalchik district during the February and October revolutions: the formation of a new administration and the struggle for power	47
<i>Karmov A.Kh.</i> Creation of machine and tractor stations and their role in strengthening the collective system in Kabardino-Balkaria	55
<i>Gugova M.Kh.</i> The work of women of Kabardino-Balkaria to create the rear and assist the front during the Great Patriotic war	66
<i>Tetuev A.I.</i> Malgobek defensive operation of the battle for the Caucasus in historical memory: problems of formation and preservation	72
<i>Takova A.N.</i> Some aspects of the fight against the «harmful» remnants of the past in Soviet Kabardino-Balkaria (using the example of the fight against the custom of washing brides)	80

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Bizhiov B.Ch., Sherieva N.G.</i> Basic ways of formation of negative form in the kabardino-cherkess language	87
<i>Guzeev Zh.M., Makhieva L.H.</i> The history of the karachay-balkar writing	96
<i>Cherkesova Z.V.</i> Grammatic signs qualitative adjectives in kabardino-circassian language	101
<i>Musukov B.A.</i> Lexico-semantic and syntagmatic features of the word ala in the Turkic languages (Based on the material of the Kazakh and Karachai-Balkarian languages)	108
<i>Bukhurov M.F.</i> Adyghe late fairy tales about epic bogatyrs	116
<i>Gergokova L.S.</i> Mythological subjects and images in karachay-balkarian folklore	125
<i>Betuganova E.N.</i> The crisis of self-identification of heroes in M. Hakuasheva's roman «Return to home»	131
<i>Hagozheeva L.S.</i> Studying the folklore of the adyges as a part of the spiritual culture of ethnos	139

УДК 94 (470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-713

МАРГЪУЩЕЙ («МАРГУШЕВСКИЙ АУЛ») – LOCUS MAJORIS КАБАРДЫ В ПЕРИОД ЕРМОЛОВСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ (1819–1822)

Алоев Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

Разворачивавшаяся на протяжении более шестидесяти лет хаджретская эпопея составила целую эпоху и образовала «особый профиль» в черкесском Сопротивлении в годы Кавказской войны. Всестороннего изучения фактологической ткани столь масштабного и многомерного феномена и его надлежущего концептуального осмысления на данном этапе не достигнуто. В настоящей работе предпринята попытка рассмотрения процессов, определявших существенные черты хаджретского движения в переломный для Большой Кабарды период 1819–1822 гг. сквозь призму хорографической перспективы. Исследовательское внимание сосредоточено на позиции хаджретского села Маргъушей, обособившегося на кубанском левобережье еще в начале столетия в актуальной военно-политической конфигурации, определявшей положение ведущего восточночеркесского княжества. Изначально предполагался лишь историко-локальный фокус рассмотрения положения вотчины черкесских джыжьныгъуэ Маргуш с презумпцией периферийности связанных с ней сюжетов. Однако плотность, характер и динамика событий, соотносимых с маргушевским присутствием в Восточном Закубанье данного периода обусловили правомерность помещения этой сюжетной линии в центр хаджретского нарратива.

Ключевые слова: Маргъушей, Маргушевский аул, хаджреты, Кабарда, Кавказская линия, Черкесия, военное противостояние, Восточное Закубанье.

В одном из документов, относящихся к первой половине XIX в. упоминается поход российских войск и разорение за Кубанью «Маргушевского аула» в 1819 г. Ранее, рассуждая над сюжетами, имевшими отношение к этому событию, мы посчитали, что речь идет об анахронизме, допущенном в источнике [Алоев 2019: 24]. Основанием для такого заключения явились некоторые его особенности. Документ, в котором содержалось упоминание о событии, датируется 1842 г., т.е. временной промежуток между «фактом» и его фиксацией составляет без малого четверть столетия. Возможно поэтому в нем допущена, к примеру, заведомая ошибка, когда утверждается, что предприятие 1819 г. за Кубанью было осуществлено «под начальством главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанта Ермолова» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 12–13]. Мысль о возможности допущения банальной небрежности при занесении тех или иных заслуг (речь шла о типизированном документе – «послужном списке») в ведомственный документ во многом также представлялась не лишеной здравого смысла. Если же иметь ввиду, что позднее Маргъушей действительно становился объектом пристального внимания со стороны российского командования, и он, не единожды подвергался сокрушительным ударам в поворотный для Кабарды

период нескольких месяцев конца 1821 – середины 1822 г., то гипотеза о вероятной аберрации ретроспективного чиновничьего взгляда из конкретной временной точки 1842 г. обретала большую убедительность.

Однако при внимательном взгляде на общую картину событий становится возможной и иная линия рассуждений. Следуя ей обнаруживается, что упомянутое сообщение вполне вписывается в актуальный исторический контекст ситуации на Линии и производит впечатление достоверного события. Это видно из следующих обстоятельств. В мае 1818 г. русские войска по личному указанию Ермолова сожгли расположенное недалеко от Константиногорской крепости черкесское село Трам(а). Рассуждая по этому поводу В.А. Потто сначала артикулирует фактор «беглых кабардинцев» [Потто 1904: 23], а затем приводит одну из явно нежелательных издержек этого нападения, вызвавшего у его инициатора с трудом скрываемое чувство острого беспокойства. Так, Ермолов, адресуясь к «князю-валию» Жанхотуко Кушуку, пишет: «Доходят до меня слухи, что жители Трамова аула хотят переселиться за Кубань для того, чтобы делать разбои в границах наших... Я надеюсь, что вы удержите их от сего бессмысленнаго намерения, ибо они разбоем не приобретут того, что могу я им доставить если останутся спокойными жителями в Кабарде. Я раз наказал неприязненные их поступки, и не один раз могу быть им полезным, ежели воздержатся они от шалостей» [Потто 1904: 24]. Значимость данного пассажа повышается если учесть, что генерал четко осознавал и обозначал «закубанский» фактор в кабардинских делах и до этого эксцесса [Потто 1904: 20]. Принимая во внимание устоявшуюся позицию «Маргушевской деревни» с середины первого десятилетия XIX в. в системе взаимодействия политических игроков региона [Алоев 2020], очевидно, что ее присутствие в Восточном Закубанье правомерно рассматривать как важную компоненту устойчивости «закубанского» фактора, рассматривавшегося российским командованием в качестве серьезного вызова. Ознакомившись осенью 1818 г. с ситуацией на месте, Ермолов не замедлил с мерами, направленными на исправление «распушенности пограничного населения, и оплошности передовой стражи, не всегда умевшей справляться с храбрым противником». Безотлагательно последовало кадровое решение – командующий войсками на Кавказской линии пожилой и безынициативный И.П. Дельпоццо, «который, по выражению Ермолова, свою чрезмерную слабостью развил в кабардинцах самую склонность к разбоям и преступлениям» был снят с должности. Его сменил генерал-майор Сталь, приступивший к своим обязанностям в марте 1819 г. [Потто 1904: 27]. От аттестованного как человека «цициановской школы», командовавшего при Глазенапе целым полком офицера определенно ожидалась большая активность нежели от отставленного начальника. Показательно, что и полномочия ему были даны соответствующие. Он приступил к исполнению своих обязанностей в условиях, когда, в отличие от предыдущих нескольких лет, российским войскам было разрешено «переходить Кубань и преследовать хищников в их собственных землях» [Потто 1904: 96]. Немаловажно учесть, что именно в это время (1819) «слабые полки» – Суздальский и Вологодский были сменены Тенгинским и Навагинским [Потто 1904: 94]. Одним из проявлений активизации «линейного» начальства связанной со сменой командующего и дополнительным штрихом, иллюстрирующим полученный Сталем карт-бланш в отношении черкесских оппонентов предстает то обстоятельство, что именно в это время (1819) генерал предпринимает попытку устранения одного из влиятельных политических фигур в Кабарде Хатокшоко Талостана через подсылку убийцы [Потто 1904: 107]. В свете этих обстоятельств сообщение источника об «отрядах наших (российских. – Т.А.) вторгавшихся в землю неприятельскую 1819 года под начальством главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанта Ермолова при разорении за Кубанью Маргушевскаго аула и изгнании хищников» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Лл. 12–13] вполне конгруирует

с военно-политическими реалиями рассматриваемого времени. Более того, в контексте их динамики в последующие несколько лет Маргъуцей предстает как стойкий *petra scandalis* и неустрашимый источник турбулентности, осложнявший возможности имперского продвижения в регионе. Поэтому не случайно и не удивительно, что задачи нейтрализации «разбойничьего притона всех мятежных князей» [Потто 1904: 58] приобретают в глазах командования приоритетный характер.

Осенью 1821 г. генерал Ермолов возвращался из России с четким планом предстоящих действий против Кабарды. Более того, можно сказать, что командующий российскими войсками на Кавказе приступил к осуществлению задуманного *modus operandi* еще не прибыв на Кавказ. Косвенно об этом может свидетельствовать мнение Потто о последовательности действий генерала в это время. «В сентябре 1821 года Ермолов вернулся, наконец, из Петербурга; сооружение Сунженской линии приходило уже к концу, и ничто более не мешало энергическим действиям в верховьях Малки и Кубани. Остановившись на несколько дней в Георгиевске, чтобы видеться со Сталем, Ермолов условился с ним о мерах к полному и окончательному покорению кабардинцев [Потто 1904: 34]. Завязку сюжета с началом очередного натиска на Кабарду бытописатель Кавказской войны отразил вполне адекватно. Однако генерал вернулся в войска не ранее конца октября [Ермолов 2014: 264]. Резонно предположить, в этой связи, что историку, работавшему с канвой первоисточников по данному вопросу, встречались документы, позволявшие рассматривать сентябрь 1821 г. в качестве отправной точки масштабных мероприятий имперского командования.

Как бы то ни было к этому времени в диспозиции сторон, как выше отмечено с 1818 г., отличавшейся устойчивой повышенной напряженностью явственно стали проступать черты нарастающей эскалации. «Большая часть кабардинцев, предвидевших грозу, спешила удалиться в горы, где почитала себя в большей безопасности от наших нападений и рассчитывала встретить ближайшую поддержку со стороны закубанских народов», – отмечается при ретроспективном взгляде на сложившееся положение [Потто 1904: 34]. Данное обстоятельство, по-видимому, не смутило российского генерала: «Требуйте, – писал он К. Сталю, – чтобы все, желающие переселиться в горы, удалились отсюда до весны, а земли, покидаемые ими на плоскости предоставьте линейным казакам и Кабардинскому пехотному полку для бесплатных сенокосений. Чем менее жителей останется на прежних местах тем лучше, ибо менее будет мошенников в соседстве» [Потто 1904: 34]. Некритически восприняв старательно выстраиваемое самопозиционирование (через обильный эпистолярный, ведомственные документы и мемуары) Ермолова в качестве неумолимого бичевателя «мошенников» и бескомпромиссного проводника линии по устранению всякой двусмысленности в поведении упорствующих в «непостоянстве» черкесских визави подобный отклик можно расценить как проявление последовательности со стороны российского генерала. Однако сообщение, адресованное черкесам, главным элементом которого стало указание на предстоящую «весну» как на подразумеваемое время начала решительных действий, было всего лишь банальной уловкой. Предоставление временного люфта своим противникам в намерения генерала не входило.

О том, что между риторическими упражнениями, обращенными вовне, и реальной целеустановкой, определявшей приоритеты командования, прослеживалась слабая связь, можно судить по последовавшим указаниям Ермолова. Вскороности он приказал ввести в центральную Кабарду войска. Как отмечается в источнике, они «не должны были иметь нигде постоянного местопребывания, а быстрыми переходами появляться то здесь, то там, чтобы держать кабардинцев в страхе и недоумении» [Потто 1904: 35]. В предписании от 28 ноября 1821 г. им указывалось «поставить главнейшею целью не сражения или сшибки с кабардинцами, но лишение их стад и табунов, которых, конечно, они укрыть не могут, ибо

в горах, не менее жестокости времени, грозит им неприязнь утесненных народов...» [Потто 1904: 35].

Решение поставленных задач, по замыслу командования, обеспечивалось через привлечение к операции трех отдельных отрядов. Первый и самый крупный, Ермолов приказал составить из батальона Кабардинского полка в тысячу штыков, двух сотен линейных казаков и пяти орудий, под начальством подполковника артиллерии Коцарева. Со стороны военно-грузинской дороги должен был выступить отряд под начальством «чеченского пристава» есаула Чернова [Потто 1904: 35]. Одновременно в Константиногорске была сформирована особая подвижная колонна, состоявшая из двух рот Тенгинского полка, трех сотен линейных казаков и двух орудий под командованием майора Курило. К этому времени уже «создавший себе славу известного партизана» он характеризовался как «старый кавказец» владевший «приемами горской войны». Его отряд первым и совершил рейд против черкесов.

Для начала майоры Курило и Тарановский, высланные «с кабардинскими ротами из Екатеринограда, успели отогнать между Баксаном и Чегемом несколько стад, принадлежавших владельцам, удалившимся в горы». Следом Сталь поставил перед колонной майора Курило более серьезную задачу – нападение на «Маргушевскую деревню». Согласно Потто, это решение было принято с тем, «чтобы сразу отнять у закубанских племен охоту вмешиваться в наши дела с кабардинцами, а кабардинцам показать, что никакие союзники не предохранят их от ударов русского оружия» [Потто 1904: 38]. Артикуляция этой идеи обнаруживает бесспорную оценку Маргъушей со стороны российского командования если и не как доминантного фактора, определявшего весь спектр угроз из-за Кубани, то, по крайней мере, в качестве одного из его ключевых элементов, а в тогдашней конкретной обстановке противоборства на Линии он был опознан, как и наиболее опасный.

«Верстах в 50-ти от нашей границы, в конце долины, называемой Кардон-Тхали, у подножия высоких гор, приютился аул Моргушева, одного из знатнейших узденей Большой Кабарды, ранее других ушедшего к верховьям Кубани. Его то Сталь и обрек на истребление», – интонационно проявляя значимость этого замысла, писал Потто.

Далее последовательность действий против черкесов изложена следующим образом. «Несмотря на далекий путь (более ста верст), несмотря на дожди, туманы и плохие дороги, заставившие нас бросить даже орудия, Курило настолько умел скрыть движение колонны, что прошел это пространство никем незамеченный. Он уже приближался к аулу, когда несколько кабардинцев, случайно проезжавших по дороге, открыли отряд и предупредили жителей. «Уже за версту от деревни, – пишет Сталь в своем донесении, – слышен был ужасный вопль спасающихся женщин». Курило послал вперед казаков, и те, ворвавшись в аул, принялись рубить направо и налево; подоспевшая пехота довершила поражение, и аул был превращен в развалины. Отсюда Курило пошел к Каменному мосту на Малке, и все, что встречалось ему на пути: коши, аулы, хлеба и сено беспощадно предавалось огню. Солдаты буквально шли в облаках чёрного дыма и острили между собой: «Ну, наш Курило закурил и теперь не скоро уймется». В верховьях речки Урдо отряд захватил до пяти тысяч овец и с этой добычей вернулся в линию» [Потто 1904: 39].

В канве таких перипетий (несмотря на лаконичность зарисовки) просматривается авторская установка на соответствие образцам трехчастного драматургического повествования с соответствующими опорными точками. Однако представленная фактология сюжета очевидно нуждается в некоторых замечаниях. Пожалуй, уместно указать, что явному недоразумению с обозначением сначала 50-ти, а затем и 100-верстного расстояния «героически» преодоленного российскими

войсками на пути к Маргъущей под стать допущенный в авторских сентенциях паралогизм об успешной маскировке похода. Нельзя утверждать, что она была сохранена, если на подходе к объекту удара войска были обнаружены. Собственно, это и предопределил фактический провал операции; то что у жителей села эвакуация шла полным ходом, когда («слышен был ужасный вопль спасающихся женщин») войска еще были на расстоянии одной версты от него, уже опровергает «упакованную» автором в браваурную риторику картину штурма «Маргушевской деревни». Это значит, что маргушевские жители были извещены о надвигавшейся опасности еще тогда, когда русский отряд был на расстоянии существенно более значительном чем одна верста. По сути данное обстоятельство лишало нападавших преимущества эффекта внезапности. В этом случае с трудом можно представить, как три сотни казаков (в лучшем случае) без артиллерийской подготовки, в условиях пересеченной местности и нарушенного строя успешно атаковали изготавившихся к обороне обитателей аула. Не говоря о том, что село скорее всего было обнесено палисадом, и оно в это время, по степени концентрации профессиональных воинов на один населенный пункт, возможно не имело равных во всей Черкесии; одних князей в это время там числилось пять. Поэтому, ничего конкретного, кроме вполне художественных и мало обязывающих живописаний казачьей рубки «направо и налево» и превращения аула в руины в тексте представлено не было. Впрочем, насчет руин можно и согласиться: черкесы редко до последней возможности защищали атакуемые врагом села, когда их жителей удавалось эвакуировать. Возможность ускоренного и беспрепятственного оставления жилищ в условиях штурма к этому времени давно стала важнейшим критерием при выборе мест поселений у черкесов. Локализация вблизи или же в смежности с лесным массивом в наибольшей мере отвечала такому требованию и скорее всего Маргъущей не был исключением. Отсутствие пленных и последовавший форсированный марш в район «Урдо» для отбития скота могли быть вызваны только неудачей, постигшей российский отряд при попытке погрома Маргъущей. О том, что нанесенный маргушевцам урон никак не купировал их вредоносную с точки зрения командования активность можно судить по последовавшим событиям.

Так, вскоре трое черкесских князей – «Атажук Магометов, Хамурза Джембулатов и Карачай Казиев, поселившиеся в разоренном ауле Маргушова, собрали у себя до пятисот закубанских наездников и 31-го января 1822 года перешли Кубань у Каменного моста. Отсюда, сделав огромный переход, они в тот же день перенеслись к верховьям Кумы и без труда увели с собою за Кубань, как всех абазинцев, недавно наказанных майором Курило, так и два кабардинские аула Джантемирова и Трамова. Воспрепятствовать этому побегу мы не могли: на Куме у нас не было войск, а стянуть сюда все тенгинские роты, разбросанные по селениям Ставропольского уезда, было бы мерой крайне рискованной, так как партия, предводимая такими отчаянными разбойниками, не преминула бы броситься на самую селения» [Потто 1904: 44].

Не без удивления Потто сообщает и о следующем. «Еще донесение об этом происшествии не успело дойти до Сталя, как та же партия 4-го февраля вторично появилась в окрестностях нынешней Баталпашинской станицы и в глухом овраге, между постами Тамлыцким и Кумским, встретила казачьего офицера, ехавшего в сопровождении одного драбанта. Драбант был убит, но офицер, соскочив с коня, успел укрыться в кустах. Между тем выстрелы были услышаны, и к месту тревоги поскакали с одной стороны донские посты, и к месту тревоги поскакали с одной стороны донские посты, под личною командою командира полка подполковника Тарасова, с другой, – конный резерв Кубанскаго казачьяго полка с сотником Кузнецовым. Собралось около 90 казаков. В эту минуту по ту сторону балки, где скрывались хищники, показался скакавший на тревогу во весь опор Кумский пост из 10-ти казаков при уряднике Вагине; он быстро спустился в овраг, но более из

него уже не показывался. Несколько выстрелов, крики, шум рукопашной схватки – и все смолкло. Тарасов и Кузнецов, видя опасность, которой подвергся малочисленный пост, с редким самоотвержением бросились на выручку, но в эту минуту черкесы сами поднялись из балки – и целой массой ударили в шашки. Казаки, слабейшие числом, не могли устоять и были опрокинуты, оставив на месте боя 12-ть тел и одного раненого». В результате Кумский пост был уничтожен [Потто 1904: 45].

Активность маргушевцев на этом не прекратилась и очередной рапорт извещал, что по прошествии всего лишь нескольких дней, те же князья, в третий раз «ворвавшись в наши пределы, угнали с р. Невинки, верстах десяти от Кубани, табуны ногайского владельца Азамат-Гирея. Но и после этого партия не разошлась по домам; она расположилась в верховьях Большого Зеленчука и стала высылать отсюда мелкие разбойничьи шайки, проникавшие даже до самого Ставрополя. Лазутчики передавали, что князья Мисостовы и Атажукины часто ездят на Зеленчук к этому сборищу и ведут деятельные переговоры о том, чтобы перевести за Кубань подвластные им аулы» [Потто 1904: 45]. Последнее сообщение ориентирует в сторону выяснения роли «маргушевского» фактора в подготовке и обеспечении инфраструктуры успешной эвакуации многих тысяч мигрантов в условиях военных действий из центральной Кабарды на кубанское левобережье в 1822 г. Во всяком случае следует обратить внимание, что очередное нападение на Маргъушей в конце июня 1822 г. стала заключительным аккордом ермоловского вторжения в центральную Кабарду. После завершения военных действий в Баксанском ущелье против Хатокшоко Талостана, сконцентрированный кулак под командованием начальника штаба войск Линии генерал-майора Вельяминова «отправлен был за Кубань к Каменному мосту с целью, во-первых, помешать бежавшим кабардинцам увести свои семьи, а во-вторых, истребить аул Маргъушева». Итог этой операции зафиксирован следующим образом: «После сильной перестрелки аул был сожжен, и стада его захвачены» [Потто 1904: 58]. Однако и этот удар не стал фатальным для Маргъушей. Он еще «долго» оставался неуязвим для противника [Потто 1904: 45].

Источники и литература

1. *Алов Т.Х.* Герой Vice versa: не совладавший с предназначением // Вестник Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований. № 3 (42). 2019. С. 23–33.
2. *Алов Т.Х.* Становление хаджретского палладиума: Маргъушей («Маргушевский аул») в 1804–1819 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного Центра РАН. № 6 (98). 2020.
3. *Ермолов А.П.* Кавказские письма. 1816–1860. СПб., 2014. 830 с.
4. *Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. II. Тифлис, 1904. 590 с.
5. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР).

MARGUSHEI («MARGUSHEVSKY AUL») – LOCUS MAJORIS OF KABARDA DURING THE YERMOLOVS OFFENSIVE (1819–1822)

Aloev Timur Khazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

The Hajret epic, unfolding for more than sixty years, made up an entire era and formed a «special profile» in the Circassian Resistance during the Caucasian War. A comprehensive study

of the factual fabric of such a large-scale and multidimensional phenomenon and its proper conceptual understanding at this stage has not been achieved. In this work, an attempt is made to consider the processes that determined the essential features of the Hajret movement in the crucial period for Greater Kabarda, 1819–1822 through the prism of a chorographic perspective. Research attention is focused on the position of the Khajret village of Margushche, which settled on the Kuban left bank at the beginning of the century in an actual military-political configuration that determined the position of the leading Eastern Cherkess principality. Initially, only a historical and local focus was assumed for considering the position of the fiefdom of the Circassian dyzhnygyue Margush with the presumption of the peripherality of the plots associated with it. However, the density, nature and dynamics of events correlated with Margushev's presence in the Eastern Trans-Kuban region of this period determined the legitimacy of placing this storyline at the center of the Hajret narrative.

Keywords: Margushei, Margushevsky aul, hajrets, Kabarda, Caucasian line, Circassia, military confrontation, Eastern Trans-Kuban region.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-7-13

О ПИТЕЙНОМ ДЕЛЕ В НАЛЬЧИКСКОМ (КАБАРДИНСКОМ) ОКРУГЕ

Дзуганов Тимур Аликович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzughanov@mail.ru

В статье исследуются основные этапы становления и развития питейного дела в Нальчикском округе во второй половине XIX – начале XX вв. Определены характер и особенности его развития в условиях пореформенного периода и складывания рыночных отношений. Установлено, что история возникновения и развития питейного дела в Нальчикском округе тесно связана с установлением русской администрации в регионе. Отмечается, что развитие питейного предпринимательства в Кабарде в начале 50-х гг. XIX столетия сдерживалось в силу естественных причин. Определяющими выступал религиозно-демографический фактор. Делается вывод, что к началу XX в. питейное дело в Нальчикском округе трансформируется, приобретает черты семейного, а подчас и сетевого бизнеса. Все наиболее крупные сегменты алкогольного рынка монополизированы представителями наиболее успешных династий округа и Терской области, в целом.

Ключевые слова: Кабарда, Балкария, Нальчикский округ, питейное дело, алкогольный рынок, виноторговля, патент, доходность.

Проникновение капиталистических отношений на Северный Кавказ, явившееся следствием судьбоносных для всей России реформ второй половины XIX в., дало невиданный доселе толчок к трансформации старых и возникновению новых видов предпринимательства. Возрастающее значения рынка в повседневной экономической жизни горцев обусловило необходимость форсированной интеграции их традиционного хозяйства в общероссийское экономическое пространство. В этих условиях предпринимательские практики выступают в роли одного из важнейших инструментов встраивания в рыночные отношения. Естественно предположить, что не каждый пример экономической инициативы населения был обречен на успех, многое зависело от совокупности исходных факторов и этнополитических и экономических особенностей региона, тем не менее, новые формы предпринимательства активно входят в повседневную жизнь традиционного горского общества.

Особняком, в относительно широком перечне новых для Северного Кавказа форм предпринимательских практик, стоит питейное дело. Как общеизвестно, в России система государственных финансов была тесно связана с винной монополией и доходами с нее. Регулирование в сфере алкогольного предпринимательства к началу XX в. оставалось важнейшим звеном внутренней политики империи. В связи с этим, изучение особенностей функционирования этого института в условиях Северного Кавказа в пореформенный период, по нашему мнению, представляет большой научный интерес.

История возникновения и развития питейного дела в Нальчикском округе тесно связана с установлением русской администрации в регионе. Первые подобные учреждения возникали в непосредственной близости от военных постов и

армейских гарнизонов, впоследствии, с появлением русских переселенцев и учреждением военного поселения Нальчик, кабаки и духаны открываются уже в населенных пунктах края. Вместе с тем, развитие питейного предпринимательства в Кабарде в начале 50-х гг. XIX столетия сдерживалось в силу естественных причин. Определяющими выступал религиозно-демографический фактор. К сожалению, точной статистики по данному периоду на сегодняшний момент выявить не удалось, но имеющиеся источники с определенной долей уверенности позволяют предположить, что общая численность населения вряд ли превышала 70 тысяч человек. Общее число расквартированных солдат и переселенцев не превышало, по нашему мнению, 7–10 тысяч. Кабузан В.М., считает что в 1858 г. численность кабардинцев составляла 51 тыс. человек, балкарцев – 8,9 тыс. [Кабузан 1996: 145]. Эти данные свидетельствуют в пользу нашего предположения.

Как известно, подавляющее большинство населения округа исповедовало Ислам, запрещающий употребление вина. Количество же переселенцев и расквартированных солдат было весьма незначительно и также мало способствовало росту оборотов виноторговли. Это обстоятельство, в определенной мере, сдерживало развитие данного вида предпринимательства, по крайней мере, 23 июня 1850 г. начальник Внутренней Кабардинской Линии полковник Туганов в своем рапорте на имя князя Эрнстова, доносил, что «желающих взять на себя торговлю с местными и питейными припасами при Каменно-Мостовом укреплении не оказалось» [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 1053. Л. 7]. «Не оказалось желающих», как видно из документов, торговать вином и в других населенных и военных пунктах Кабарды.

Отсутствие объективных условий для развития питейного дела в крае в середине девятнадцатого столетия, тем не менее, не остановило проникновение представителей этого вида предпринимательства. Речь идет о теневой торговле, связанной с оборотом алкогольной продукции и сопутствующих товаров. В ведомости Моздокской карантинной заставы за июнь 1852 г., в перечне вывезенного горцами значатся: стаканов больших – 16000 дюж., штофов – 100 шт., бутылок больших – 9 шт., рюмок – 5000 дюж., вина красного – 40 ведер [Кумыков 2005: 358]. Учитывая, что численность русского населения округа в этот период вряд ли превышала 7–10 тыс. человек, эти цифры вызывают определенное недоумение. Кому могли предназначаться эти товары в таких объемах?! Это тем более странно, т.к. годом ранее, в феврале, через ту же заставу, в Кабарду было ввезено всего 90 шт. стаканов, и 70 рюмок, а алкогольные напитки вообще не провозились [Кумыков 2005: 337]. Куда это все вывозилось, и кто конечный получатель – выяснить не представляется возможным. Ясно одно, по-видимому, не чистые на руку торговцы использовали Моздокский карантин для легализации своей незаконной деятельности.

Приведенный пример отнюдь не является единичным. В ведомости вывезенных «горцами» через Моздокский карантин товаров за июль 1853 г. значатся: стаканов больших – 50000 дюж., малых – 70000 дюж., рюмок больших – 80000 дюж., малых – 90000 дюж. Только цена рюмок, если верить составленному отчету, равнялась 80000 и 45000 рублям соответственно [Кумыков 2005: 432].

В ведомости за октябрь 1853 г. значатся: бутылок больших – 19 шт., стаканов больших – 3000 дюж., малых – 4000 дюж., общей стоимостью на 3000 и 2000 рублей, соответственно. Бокалов больших – 1000 дюж., на 3000 руб.. Разных вин (бутылок) – 205, на 10250 рублей [Кумыков 2005: 439]! Нет никаких сомнений, и это подтверждают имеющиеся документы, что сбыт коллекционного вина на сумму в 10250 рублей в Кабарде, в указанное время, был невозможен, хотя бы в силу финансовых причин. Гипертрофированные объемы данной продукции в десятки раз перекрывали объективные потребности в нем населения округа. Чиновникам местной военной администрации такие покупки были явно не по карману, других платежеспособных адресатов этих поставок в округе не имелось.

К середине 1860-х гг. ситуация с развитием питейного и других видов предпринимательства заметно меняется. В 1866 г. в слободе при укреплении Нальчик имеется уже 19 питейных заведений и 1 трактир [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 11]. Расширение сети питейных заведений наблюдается и в дальнейшем, хотя их распределение по участкам оставалось неравномерным.

В 1876 г. в 1-м участке Пятигорского округа, в состав которого в это время входила Кабарда, проживало 28414 человек. Не считая лавок и проч., здесь уже имелось 22 кабака и духанов [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 8. Л. 8].

Во 2-м участке, именно здесь располагался главный административный центр Кабарды – слобода Нальчик, который, если учитывать прилегающие немецкую и еврейскую колонии, являлся в некоторой степени промышленным, а также торговым центром, числилось всего 11 кабаков и духанов.

В 3-м участке, население которого превышало 26 000 душ обоего пола [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 8. Л. 10], в соответствии с отчетностью того периода, кабаков и духанов фиксируется 13 [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 8. Л. 31].

В конце 80-х годов XIX в. в Нальчикском округе рост числа питейных заведений продолжился. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что для предпринимателей даже получение разрешительных документов на право содержания питейных заведений представляло определенные трудности и большие расходы. По высочайше утвержденным 27 марта 1890 г. земским сметам и раскладкам на трехлетие с 1890 г. по Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областям, определено было взимать на губернские земские повинности с патентов на «для выделки напитков: подлежащих оплате акцизам и изделий из спирта или вина, а равно на заведения для продажи питий по 25 % с уплатой за те патенты в казну...» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 231. Л. 6]. Применительно к Нальчикскому округу, все решения о выдаче таких документов утверждались непосредственно чиновниками Ставропольской Казенной Палаты. В 1892 г. на Нальчикский округ было выдано в общей сложности 14 питейных патентов.

Владельцы питейных заведений с адресами на 1892 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 9].

Имя	Количество	Адрес	Имя	Количество	Адрес
1. Афанасий Семенов	1	Нальчик	8. Хай-Мурза Аминев	3	На торговлю в сел. Хасав-Урт
2. Егор Ходжаев	1	Ново-Павловское	9. Василий Дробышев	1	Нальчик
3. Алексей Шуйский	1	Кол. Александровская	10. Савелий Балахурбетов	2	аул Бабуковский
4. Илья Шуйский	1	Нальчик	11. Израиль Ифраимов	1	аул Бабуковский
5. Михаил Ананьев	1	Нальчик	12. Тамбот Калмыков	2	аул Абукова
6. Василий Зипалов	1	пост Баксанский	13. Варлам Сеферов	2	аул Атажукина
7. Вольф Лидский	1	Нальчик	14. Мухамед Хакимов	1	аул Хасаут

Высокая доходность питейных заведений вкупе с ограничением их общего количества со стороны администрации, неизбежно вызвали рост конкурентной борьбы на этом рынке. Право на патент разыгрывалось на открытых аукционах по месту нахождения заведения, между местными и пришлыми предпринимателями, за право его обладания, шла нешуточная борьба.

Показателен случай, имевший место на торгах, состоявшихся в управе колонии Александровской 30 октября 1896 г. Право на открытие в колонии в 1897 г. духана выиграл проживающий в Александровской «поселянин, собственник Самарской губернии» Егор Буц, предложивший на аукционе «в закрытом конверте» самую большую сумму – 685 р. 25 к. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 359. Л. 33]. На следующий день Буц «право это передал проживающему здесь же дворянину А.И. Сухачеву, взяв залог в 202 рубля» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 8. Л. 33–33 об.]. По-видимому, тут имела место некая, не совсем законная махинация, по крайней мере так считал местный гильдейский купец – Алексей Шуйский, который безуспешно пытался оспорить результаты аукциона.

В этом же году подобный аукцион за право аренды 3-х духанов прошел и в слободе Нальчик. Здесь так же развернулась борьба между коренными «нальчанами» и приезжими коммерсантами. По результатам торгов, патенты получили житель слободы Михаил Ананьев (3250 р. 50 к.), владикавказский мещанин Андрей Перов (2906 р.), третий достался кизлярскому купцу Лазарю Свешникову за 1900 р. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 359. Л. 43].

Администрация округа и слободских правлений также были заинтересованы в интенсивном развитии сети алкогольных учреждений, так как этот бизнес гарантировал стабильно-высокие поступления в казну.

О доходности питейных заведений говорят цифры ежегодных отчетов. В 1899 г. в Нальчике доход с базаров и ярмарок составил 1302 р., а за разрешение питейной торговли и промыслов – 6000 р. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 455. Л. 14]. В 1901 г. в Нальчикском округе доходы с базаров и ярмарок исчислялись в 2863 р., а разрешения питейной торговли принесли в казну – 13592 р. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 538. Л. 41 об.]. В 1903 г. станичные и сельские общественные суммы получили доход с базаров и ярмарок – 3391 р. За разрешение питейной торговли – 1735 р. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 51 об.-52].

Рост числа питейных заведений в округе вызвал недовольство общественного мнения. Начиная с 90-х годов, на страницах областной периодической печати появляются гневные статьи, обличающие пьянство среди местного населения Нальчика. «Наша слобода уже нуждается в таком обществе, потому что пьянство в ней развито сильно: пьют все – и старый, и малый, и мужчины, и женщины» [Казбек 1897: 117]. Однако, пьянство получает распространение не только в русских, но уже и в кабардинских селениях. Вот что писал по данному поводу анонимный автор «Терских ведомостей» в 1897 г.: «в некоторых местах Кабарды (на Баксанском и Черекском постах и других местах), в которых имелось по несколько дворов русского населения, были содержимы питейные заведения, производившие довольно обширную продажу питья, что само собой разумеется, послужило к увеличению числа убийств, поранений, кровных ссор и особенно краж в окрестностях», а коренное население, по словам автора, «кроме постоянной междоусобной войны, кровомщения и краж, ничего не получило, неся между тем громадный материальный ущерб и под пьяную руку внося разгул в пуританский быт своих семейств» [Терские ведомости 1897: 23].

Первыми забили тревогу доверенные кабардинских сельских обществ на окружном съезде в Нальчике. Понимая весь вред такого ненормального положения, разрушающего «здоровые начала мирной жизни, и видя, что народу систематически прививается алкоголизм и с ним вместе чуждые прежде кабардинцам пороки», приговором, состоявшимся около 1875 г., постановили, «чтобы ни в одном туземном селении никогда не были открываемы питейные заведения» [Терские ведомости. 1897: 23]. Приговор этот строго соблюдался до 1897 г., когда первое питейное заведение все же было открыто на территории селения Нальчикско-Клишбиевского. Об этом событии областная газета писала: «И вот ... случилось, что Нальчикское селение якобы единогласно выдало г-ну Z. Приговор на открытие торговли питиями на земле, состоящей в пользовании этого селения.

Заручившись приговором, а потом и патентом, Z. немедленно приступил к устройству собственного дома за рекой Нальчик против казарм, расположенных в слободе войск, с тем расчетом, надо полагать, что нижние чины предпочтут его заведение всем другим, тем более что в селении нет таких полицейских чинов, кроме помощника старшины и десятника, которые могли бы наблюдать за исполнением закона о недопуске нижних чинов в питейные заведения» [Терские ведомости. 1897: 23]. По всей видимости, под «Z.» автор заметки намекает на гильдейского купца Василия Зипалова, исправлявшего до 1893 г. должность нальчикского слободского казначея [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 5290. Л. 12–12 об.], и хозяина одного из наиболее доходных питейных заведений.

К началу XX в. распитие спиртных напитков проникает в повседневность горского населения. Водка становится непременным атрибутом торжеств и даже религиозных праздников. Ермоленко М. описывая празднование Байрама в Кабарде в 1913 г., отмечает: «Взрослое население в лучших костюмах, ходит по гостям к родным, друзьям и знакомым, где их угощают неизменными шашлыками, пастою, бузою (туземный напиток), водкою и пивом.

Так продолжается три дня. Редко эти праздники проходят без кровавых поранений или убийств. Часто лучшие друзья, разгоряченные спиртными напитками, поссорившись из-за пустяков, оканчивают ссору убийством.

Насколько можно заметить, год от года народный напиток буза вытесняется русской водкой, к которой имеют большую склонность кабардинцы» [Ермоленко 1913: 101].

Отдельные газетные публикации и попытка создания местного отделения «Общества борьбы за трезвость» не имели никакого сдерживающего влияния на развитие сети питейных заведений и торговлю спиртным. К началу XX в. питейное дело в Нальчикском округе трансформируется, приобретает черты семейного, а подчас и сетевого бизнеса. Все наиболее крупные сегменты алкогольного рынка монополизированы представителями наиболее успешных династий округа и Терской области, в целом.

В 1901–1902 гг. в слободе Нальчик имелось уже 2 специализированных «буфета», где помимо немудрящей закуски, посетителям предлагали горячительные напитки. Один из них принадлежал Римас С.С., владельцем второго являлся Заветаев П.Н. Примечательно, что среди владельцев винных лавок Нальчика в 1910 г. также указан некто Заветаев П.К., который с большой долей вероятности, является родственником Заветаева – «буфетчика». Среди содержателей духанов в той же слободе, помимо Дармы Ивана Григорьевича, документы фиксируют отца и сына Докшоковых – Кучука Камботовича и Пшемахо Кучуковича – яркий пример интеграции в питейный бизнес представителей кабардинского населения, Шумакова М.Ф. и Шумакова П.Н. [Вся Донская область и Северный Кавказ 1902: 230]. Хозяином духана в точке пост Баксан отмечен Свешников Осип Лазаревич – по-видимому, патриарх целой династии терских духанщиков. Свешников Лазарь Лазаревич содержал сразу три духана в Кизлярском отделе – в сел. Брянское, сел. Таловка и в ст. Черный-рынок. Свешников Осип Лазаревич – в ст. Зольская (Пятигорский отдел). Свешников Лазарь Лукьянович содержал ренсковый погреб в ст. Есентукская. Не остались в стороне и представители известнейшей купеческой династии округа – Шуйские. Шуйский Ф.И. значится арендатором духана в ст. Котляревская (Сунженский отдел), а Шуйский А.И. – в ст. Солдатская.

Схожая картина наблюдается и в среде торговцев пивом. В 1903 г. пивной склад в Нальчике содержал Андриевич Ф.А., в с. Баксанском – Куприянов В.Р. [Вся Донская область и Северный Кавказ 1903: 330] Владелец нальчикского пивного завода указан Ленцигер А.Р., Резаков Р.И. осуществлял продажу пива. [Вся Донская область и Северный Кавказ 1903: 292]. В этот же период некто Ленцигер Г.Р. предлагал свои услуги по продаже пива в Пятигорске и имел небольшой

пивной заводик в Георгиевске. А Ленцигеры А.Р. и Г.Р. занимались непосредственно пивной продажей в том же городе [Вся Донская область и Северный Кавказ 1903: 153]. В 1911 г. торговлю пивом в сел. Муртазово осуществляли Кикнадзе З. и Закаидзе А., в Кучмазукино – Ленцигер Г.Р. Следует отметить, что Кикнадзе З. и Закаидзе А. торговали пивом также и в ст. Есентукская, где, как мы помним, находилась пивная лавка Ленцигера Г.Р. Пивной склад в сел. Муртазово содержал Щастнов Е.Д. [Вся Донская область и Северный Кавказ 1911: 194–195].

В 1908 г. винную лавку в Нальчике держал Дубовик Ш.Я. (наряду с гастрономической). Не позднее 1910 г. свои винные лавки в Нальчике открывают Данилов А.И., Заветаев П.К., Шуйский А.И. [Вся Донская область и Северный Кавказ 19038: 75].

Стартовавший в начале XX столетия процесс превращения слободы Нальчик и окрестностей в курорт, дал новый импульс развитию питейного предпринимательства в округе. Виноторговцы вынуждены были искать новые формы и методы реализации своей продукции. Не позднее 1912 г. в Нальчик к услугам отдыхающей публики был открыт ренсковый погреб – специальный магазин, торгующий алкогольными напитками навынос. Изначально предназначался для торговли зарубежными винами (слово «ренсковый» происходит от рейнских вин), однако со временем была разрешена продажа всяких алкогольных напитков, в том числе пива, портера и мёда. Его владельцем являлся Е.Г. Дубовик.

В 1913 г. только в слободе в Нальчике к услугам прибывавших на курорт «курсовых» имелось 7 трактирных заведений и 2 клуба «с буфетами» и ренсковый погреб [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 76]. Бурному развитию питейного дела, как и другим видам предпринимательства, помешала разразившаяся Мировая война. В условиях военного времени контроль за деятельностью питейных заведений был ужесточен. Поток приезжающих на курорты стремительно сокращался. Революции 1917 г. и последовавшая гражданская война поставили точку в истории питейного предпринимательства в округе.

Таким образом, подводя некоторые итоги исследования, можно утверждать, что история возникновения питейного дела в Нальчикском (Кабардинском) округе непосредственно связана с установлением в крае русской администрации. Первые питейные заведения создавались с целью обслуживания солдат военных гарнизонов и отставников, их низкая доходность сохранялась вплоть до начала 70-х годов XIX в.

Переломным моментов в истории этого вида предпринимательства стал пореформенный период. С этого времени в крае наблюдается устойчивый рост числа питейных заведений, повышается их доходность. Вместе с тем, нельзя не отметить пагубное влияние алкоголизма на гражданское население округа, в том числе, и на горцев. Водка прочно входит в их праздничную и обрядовую культуру.

Высокая доходность питейных предприятий уже в конце XIX – начале XX вв. приводит к диверсификации этого предпринимательского направления, формированию специализации по сегментам алкогольного рынка, значительная часть которого монополизирована отдельными торговыми династиями Терской области. Начавшийся процесс превращения Нальчика и окрестностей в курорт, придал новый импульс развитию питейного дела в округе.

Источники и литература

1. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб., 1996. С. 270.
2. УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.
3. Кумыков Т.Х. Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40–50-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Нальчик, 2005. С. 487.

4. Казбек. 1897. 25 сент. № 117.
5. Терские ведомости. 1897. № 23.
6. *Ермоленко М.* Байрам в Кабарде Нальчикского округа Терской области // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Т. 5. Ставрополь, 1913. С. 101.
7. Вся Донская область и Северный Кавказ: (Учреждения и должностные лица. Промышленные и торговые предприятия). Ростов н/Д., 1899–1911.

ON THE DRINKING BUSINESS IN THE NALCHIK (KABARDIAN) DISTRICT

Dzughanov Timur Alikovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and New History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzughanov @ mail.ru

The article examines the formation and development of the drinking business in the Nalchik district in the second half of the 19th – early 20th centuries. An attempt is made to determine the nature and characteristics of its development in the conditions of the post-reform period and the formation of market relations. It is established that the history of the emergence and development of the drinking business in the Nalchik District is closely related to the establishment of the Russian administration in the region. It is noted that for entrepreneurs, even obtaining permits for the right to maintain drinking establishments presented certain difficulties and high costs. It is concluded that by the beginning of the twentieth century. the drinking business in the Nalchik District is being transformed, acquiring the features of a family business, and under an hour and a network business. All the largest segments of the alcohol market are monopolized by representatives of the most successful dynasties of the district and the Terek region as a whole.

Keywords: Kabarda, Balkaria, Nalchik district, drinking business, alcohol market, wine trade, patent, profitability.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-14-20

КАБАРДИНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧ. XIX ВВ.: МОДЕЛИ ИНКОРПОРАЦИИ В ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кожев Заурбек Анзорович, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zaurbek_k@mail.ru

Рубеж XVIII–XIX вв. это время резкой интенсификации проникновения России на Кавказ. Кабарда, как и другие региональные политии оказалась объектом интегративных интенций имперского правительства. Ее политические элиты пытались выработать стратегии адаптации к кардинально меняющемуся геополитическому контексту. В целях сохранения высокой степени политической автономности, традиционных социокультурных параметров феодального общества, доминирующих позиций на Центральном Кавказе, политические лидеры Кабарды выдвинули две различные модели выстраивания кабардино-русских отношений. Одна из них основывалась на традиционных социальных, политических и этических принципах феодального общества, предполагала максимальное их сохранение в рамках общеимперского дискурса. Ее автор, Хатокшоко Измаил, выражал интересы той части кабардинской аристократии, которая надеялась на выстраивание комплементарных отношений с Российской империей без существенного ущерба для реального объема политической автономии Кабарды и ее места в системе этносоциальных отношений на Северном Кавказе. Альтернативная стратегия, выдвинутая родным братом Хатокшоко Измаила – Адиль-Гиреем и его сторонниками, предполагала кардинальную модернизацию социальных отношений внутри правящего класса Кабарды на основе исламских ценностей, мобилизацию ресурсов и силовое отстаивание политической, административной и судебной автономии княжества.

Ключевые слова: Кабарда, традиционализм, Хатокшоко Измаил, шариатское движение, Хатокшоко Адиль-Гирей, Российская империя, инкорпорация.

Наше исследование посвящено общественно-политической мысли Кабарды конца XVIII – нач. XIX вв. В это время, когда перед Кабардой встала угроза потери независимости и подчинения Российской империи, представители ее политической элиты, преследуя цели сохранения высокой степени автономности кабардинского феодального социума, практически сформулировали два проекта его инкорпорации в общеимперское пространство. Один из них, можно условно назвать традиционалистским. Его основные принципы сформулированы в «Записке о беспорядках на Кавказской линии и способах прекратить оные» [АКАК 1868: 957–958]. Второй проект предполагал существенную модернизацию социокультурных параметров кабардинского общества. Он не оставил никаких программных документов, но по фактической деятельности его авторов и сторонников и косвенным данным синхронных письменных источников мы можем судить о его основных принципах [Ногмов 1994: 161–169; Кажаров 1994: 281–306]. Первый, традиционалистский проект связан с именем Хатокшоко Измаила (в черкесской традиции – *Исмел Псыгъуэ* или *Исмель Стройный*), а второй, получивший в отечественной историографии название *шариатского движения* – с именем его родного младшего брата Адиль-Гирея [История ... Т. 1. 1967: 239–241; Туганов 1972; Кажаров

1994: 281–306; Адыгская ... 2006: 885–886;]. Общественно-политической деятельности Хатокшоко Измаила, прототипа лермонтовского Измаил-бея, шариатскому движению в Кабарде, проблемам кабардино-русских отношений в период подчинения княжества русской администрации посвящена обширная историография [Туганов 1972; Туганов 1998; Кумыков 1991; Кумыков 2002; Кажаров 1994; Дзамихов 2008: 55–70; Россия и народы ... 2018: 223–225; Прасолов 2019: 13–14,8 и др.]. Но, на наш взгляд, детальный сравнительный анализ двух принципиально различных стратегий выстраивания кабардино-русских отношений, сформулированных родными братьями Хатокшоко, ярко иллюстрирует напряженные поиски лучшими представителями политической элиты Кабарды приемлемой для страны модели интеграции в имперское пространство России.

К концу XVIII в. кабардино-русские отношения имели очень солидный и, самое главное, разнообразный бэкграунд. В середине XVI в. – династический союз Иналидов Кабарды с самым знаменитым из русских царей – Иваном IV Грозным (1547–1584) и совместные военные акции с географией от Ливонии до Северного Кавказа [Кожев 2006: 194–232; Кожев 2020: 68–104]. Затем, начиная с Федора Ивановича (1584–1598), – период настойчивых попыток введения практики инвеституры великих князей – *пцыххуэ* Кабарды, путем выдачи им московскими государями жалованных грамот на великое княжение с параллельным включением в полный титул русских царей формулы «...государь кабардинские земли, черкасских и горских князей» [Дзамихов 2001: 81–124]. Отторжение этой практики кабардинцами привело к серии внутривосточных конфликтов с активным вовлечением русского правительства [Кожев 2020: 68–130]. В XVIII в. – военное союзничество в двух русско-турецких войнах (1710–1713 гг., 1735–1739 гг.) с международным признанием нейтрального, де-факто независимого статуса Кабарды по Белградскому мирному договору 1739 г. [Кожев 2006: 250–260; Кожев 2008]. И наконец, с началом демаркации границы Российской империи на Северном Кавказе – семимесячная кабардино-русская война 1779 г. [Бутков. Ч. 2. 1869: 52–62]. Ей предшествовал длительный дипломатический конфликт вокруг основания в 1763 г. Моздокской крепости, расцененного в Кабарде как недружественный акт и русско-турецкая война 1768–1774 гг., по которой Кабарда была объявлена владением Российской империи [КРО. Т. 2. 1957: 218–220, 226–228, 232–233, 235, 238–239, 261, 262–268, 282–299; Кожев 2006: 264–269]. В ходе этой войны правительство России попыталось уладить все спорные вопросы во взаимоотношениях с Кабардой путем выдачи 9 авг. 1771 г. от лица Екатерины II «кабардинским владельцам, узденям и всему народу» именной монаршей грамоты, которая содержала общие декларации и обещания покровительства при сохранении старых обычаев, но не содержала уступок по главным требованиям кабардинцев – снести Моздок, возведенный на территории Кабарды; не принимать в русских владениях беглых крестьян и т.д. [КРО. Т. 2. 1957: 299–304]. Решительная победа над турками в ходе войны развязала имперскому правительству руки в отношении Кабарды. Полноценная демаркация имперской границы на Северном Кавказе в ходе закладки в 1777 г. крепостей и казачьих станиц Азово-Моздокской кордонной линии произошла за счет аннексии северных – степных территорий Кабарды. А после прямого военного конфликта 1779 г. и поражения кабардинцев по условиям капитуляции северная граница Кабарды была ограничена правым берегом Малки и Терека [Бутков. Ч. 2. 1869: 58–62]. Резкое сокращение землепользования кабардинцев, а также связанных с ними народов Центрального Кавказа, делало невозможным традиционное отгонное скотоводство, и, в первую очередь, табунное коневодство – основу экономического благосостояния и военно-политического доминирования Кабарды в регионе. После заключения в 1783 г. Георгиевского трактата с правителем Картли-Кახетинского царства Ираклием II, интеграция Кабарды в общеимперское пространство стала актуальной задачей для русского

правительства, чьи политические притязания перешагнули Кавказский хребет и нуждались в надежных транскавказских коммуникациях. Необходимость адаптироваться к радикально трансформирующейся политической реальности, найти ответ на вопрос – на каких условиях, в каком качестве Кабарда будет интегрирована в состав империи, также ясно осознавалась и кабардинской элитой. В начале 70-х годов XVIII в., как первый шаг по подчинению новых подданных империи, был введен институт приставства – уполномоченных офицеров, осуществлявших надзор над ними. Но *приставы* в лучшем случае могли заниматься сбором информации и активным мониторингом внутривнутриполитической ситуации в регионе. Эффективных рычагов управления и контроля над своими подопечными они не имели.

Трудности реальной инкорпорации Кабарды в состав Российской империи были очевидны обеим сторонам. Разница в социально-политическом строе, правовой и судебной системах, военной культуре, наконец, в экономическом и демографическом потенциалах имела критические значения и осложнялась традиционной межрелигиозной напряженностью. Со стороны русского правительства, в первую очередь, стояли задачи эффективного контроля, управления, обеспечения транскавказских коммуникаций через Дарьяльское ущелье, а по возможности, использования военного потенциала Кабарды в защите и расширении границ империи. Все эти задачи были нетривиальны, а их решение невозможно без установления в Кабарде нового режима управления под контролем царской администрации на Кавказе. А в этом вопросе точки приложения усилий были неочевидны. Кабардинские князья, во всяком случае главы пяти феодальных уделов Кабарды, мыслили себя в качестве феодальных государей, готовых в лучшем случае признать статус младших партнеров в духе сюзеренно-вассальных в отношениях с правящим в России монархом. Собственно многовековые дипломатические и политические связи с русскими государями кабардинские князья трактовали именно в духе собственных воззрений и прямо заявляли представителям царского правительства: «...Они [кабардинцы] подданными российскими никогда не бывали; а со времени царя Ивана Васильевича (т.е. Ивана IV Васильевича Грозного – К.3.) находились в конаках (т.е. *кунаках* или *друзьях/союзниках* – К.3.) российских» [Бутков. Ч. 2. 1969; 51]. Иналиды Кабарды часто сменяемых представителей русской военной администрации на Кавказе, которые к тому же по родовитости были самого разного происхождения, не воспринимали как старших по статусу. И лишь постоянная угроза принуждения военной силой заставляла их подчиняться тем или иным административным мерам.

Что касается военного потенциала Кабарды, то при всей мощи России ее наличные силы на Кавказе были на рубеже XVIII–XIX вв. еще очень незначительны, и 9 тыс. кабардинской конницы, треть которой состояла из дворянской панцирной кавалерии, могла стать или очень важным элементом военно-политического присутствия империи в регионе, или потенциально опасным противником [КРО. Т. 2; 158]. Для сравнения, несколько позднее, в 40–50-х годах XIX в., численность *низама* – постоянного войска имамата Шамиля, который несколько десятилетий выдерживал военное давление постоянно увеличивавшегося Отдельного Кавказского корпуса русской армии, даже в период наивысшего расцвета государства горцев Чечни и Дагестана составляла 5580 всадников и 8870 пехотинцев, [Чеченцы ...1996; 181]. Первые попытки сформировать из кабардинцев иррегулярные подразделения были предприняты еще Г.А. Потемкиным в 1786 г.: «Обе Кабарды должны составлять общество военное, по примеру прочих легких войск. Князьям и узденям отворяется путь к степеням по службе их» [Кудашев 1991: 69]. Предполагалось сформировать шесть сотен в Большой и три сотни в Малой Кабарде и поручить этой коннице «сторожевую и полицейскую службу», но кабардинцы с неохотой приняли это правительственное распоряжение, по мнению В. Кудашева, потому, что «...она налагала на них новую тяжкую повинность» [Кудашев 1991: 69].

Но дело было не в нежелании нести военную службу, а в невозможности отказаться от традиционной феодальной иерархии, связанной с этим этикой, в пользу «сторожевой и полицейской службы» с перспективами служебного роста по российской Табели о рангах. Кабардинская конница пользовалась заслуженной славой лучшей на Северном Кавказе, но это было *войско феодальное*, гордое своим статусом и профессионализмом, то есть проблема управляемости и контроля над этой боевой силой была неразрешима методами простого военного принуждения вне феодального договора и обоюдной заинтересованности сторон.

В 1793 г. правительство Екатерины II попыталось взять под контроль судебно-правовую систему Кабарды путем создания новых судебных органов – *родовых судов* для князей и *родовых расправ* для дворян. Их заседания должны были проходить под контролем представителей царской администрации – военного коменданта крепости Моздок; тяжелые уголовные преступления, связанные с убийством, грабежом, неподчинением властям и т.д. были изъяты из юрисдикции родовых судов и расправ и рассматривались по общеимперским законам. Кроме того, без разрешения новых судебных органов запрещался созыв сословно-представительных собраний – *Хасэ*, которые традиционно выполняли роль высшей законодательной, административной и судебной инстанции [Кажаров 1994: 281–306]. Такие резкие нововведения стали триггером дальнейшего обострения кабардино-русских отношений. Политический класс Кабарды – военно-служилая аристократия *пиши-уорков*, составлявшая до 20% населения, не мог без борьбы принять подобное ограничение своих прав [Материалы Я.М. Шарданова ... 1986; Думанов 1990: 31–35]. Кабардинцы требовали роспуска родовых судов и расправ и введения в Кабарде духовных судов – *мехкеме*, действующих на основе шариата. Для проведения выборов в учрежденные российским правительством судебные органы в Кабарду были введены войска, а наиболее упорные противники нововведений из числа кабардинских князей – братья Измаил и Адиль-Гирей Хатокшоко, Хатокшоко Хамурзин (род Кайтукиных) – были сосланы в Екатеринославль [АКАК 1868: 1127–1128, 1140–1141; АКАК 1869: 637].

После этого политические судьбы двух братьев Хатокшоко резко расходятся. Младший – Адиль-Гирей, в 1798 г. бежал в Кабарду. Измаил тоже вернулся на Родину, но только после амнистии в 1801 г. [Адыгская ... 2006: 885–886]. Адиль-Гирей Хатокшоко и другие сторонники активной борьбы против колониальных методов покорения Кабарды в 1799 г. выступили против проведения очередных выборов в родовые суды и расправы. Когда для обеспечения этих выборов в Кабарду ввели войска, Адиль-Гирей Хатокшоко, эфендий Исхак Абуков и другие духовные лидеры кабардинцев ушли за Кубань. Они обосновались на Малом Зеленчуке, а шариатское движение начало распространяться среди подвассальных Кабарде абазин и карачаевцев. Кроме того, кабардинские владельцы стали активно противодействовать миссионерской деятельности российских властей в Осетии и Ингушетии, восстанавливая свою власть и влияние на Центральном Кавказе [Бутков Ч. 2. 1869: 561–562; Кумыков 2002: 22]. В целях преодоления социальных противоречий внутри социального класса *пиши-уорков* и его консолидации, лидеры шариатского движения выдвинули программу уравнивания в политических правах всех многочисленных категорий кабардинского дворянства. Главный управляющий в Грузии и на Кавказе, астраханский губернатор генерал-лейтенант К.Ф. Кнорринг 5 июля 1799 г. доносил императору Павлу I, что представители кабардинской знати на своем собрании «присягнули на Коране поступать единодушно в сем новом начинании, на тот конец, дабы потом способнее приступить ко введению равенства между владельцами и узденями, разглашая: «Почему де нам онаго между собой не иметь, когда оно существует во Франции»; что многие уздени, обольщаясь сими видами, обещавшими им мнимые выгоды, отходят от своих благонамеренных владельцев и с злоумышленниками соединяются» [РГВИА.

Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 50. Л. 366]. Традиционное право адыгов резко различало социальный статус не только князей Иналидов – *пиши*, но и многочисленных категорий знатного потомственного и незнатного служилого дворянства – *уорк*. Браки между ними не практиковались и рассматривались как явный мезальянс [Сборник ... Т. 1. 2003: 76–95, 171–176, 200–202]. Уравнение их в *политических правах*, при сохранении традиционных межсословных отношений, особенно между военно-служилым классом и зависимыми сословиями, мыслилось лидерами шариатского движения как действенный метод гармонизации социальных практик в Кабарде. Однако этот проект содержал важные внутренние противоречия. Основной массе непривилегированных сословий он не сулил никакой эмансипации. Об этом мы можем судить по нововведениям, принятым в период максимальных успехов шариатского движения и составлявшим «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев» [Ногмов 1994: 161–169]. Несмотря на декларируемый религиозный фундаментализм лидеров шариатского движения, стремление сохранить основные параметры межсословных коммуникаций внутри общества и включение ссылок на актуальный опыт Французской республики в собственный дискурс демонстрируют любопытные особенности традиционного черкесского правосознания – *консерватизм*, устойчивые *светские*, *рационалистические* начала, неоспоримую ценность *прецедента* как источника права. В данном случае, прецедент, созданный Великой французской революцией, фактически соотносился с авторитетом исламской традиции, опирающейся на божественное откровение. Главной целью лидеров шариатского движения было сохранение административной и правовой автономии Кабарды, укрепление ее доминирующих позиций в регионе при номинальном признании российского протектората. Именно поэтому шариатское движение в Кабарде, при всем своем стремлении опереться на исламский универсализм в целях гармонизации общественных отношений внутри Кабарды и этносоциальных, также иерархически выстроенных связей с горцами Северного Кавказа, оказалось не настолько эффективно, как более поздние проекты социально-политического реформаторства в Дагестане и Чечне. Тем не менее, после длительного периода военно-политического противостояния, лидеры шариатского движения в Кабарде вынудили правительство Александра I пойти на уступки и упразднить родовые суды и расправы. Весной и летом 1806 г. во всех феодальных уделах Большой и Малой Кабарды были созданы духовные суды – *мехкеме* и кабардино-русские отношения временно стабилизировались [АКАК 1869: 640; АКАК 1870: 880]. Это была вынужденная уступка, продиктованная сложным внешнеполитическим положением Российской империи в период наполеоновских войн. Уже в период командования на Кавказе генерала П.А. Ермолова в 1821 г. шариатское судопроизводство и самоуправление Кабарды были сломлены военной силой. Часть кабардинцев, «...составляемая более беспокойными, но лучшими воинами, переселилась за р.Кубань к бесленеевцам и другим закубанским черкесам» и уже там продолжила антиколониальную борьбу [Султан Хан-Гирей 2009: 136; Кожев 2006: 282–284].

Проект Измаила Хатокшоко, в отличие от реформаторской деятельности Адиль-Гирея и его сторонников, которые пытались легитимизировать политические и правовые нововведения через солидаризацию общественного мнения, был обращен вовне, хотя безусловно опирался на дискурс традиционного феодального социума Кабарды. Он составлен в форме «Записки о беспорядках на Кавказской линии и способах прекратить оные», адресованной правительству России с расчетом на «высочайшее» монаршее внимание [АКАК 1868: 949, 957–958]. Автор «Записки» предваряет ее неутешительной, но многообещающей для адресата сентенцией: «*Усмирить силую сих горских жителей никогда возможности не будет.* Примеры многих горских народов, кои силую нигде покорены не были, довольным

тому доказательством служить могут. *Но если бы из сих племен первенствующия были в наших видах, то влиянием и силою своею они могли бы много иметь действия на усмирение других.* С некоторою достоверностью полагать можно, что первенство сие имеют кабардинцы (разрядка наша – К.З.)» [АКАК 1868: 957].

Измаил Хатокшоко предваряет свою работу кратким очерком современного состояния народов Западного и Центрального Кавказа, генеалогических преданий правящей в Черкесии династии Иналидов, политических прецедентов, на основании которых строились традиционные иерархические по духу отношения между различными этносоциальными группами, в первую очередь между княжеской элитой Кабарды и феодально зависимыми горцами – абазинами, карачаево-балкарцами, осетинами, ингушами и др. В приводимых автором сведениях можно найти неточности, например он пишет: «Ингуши никогда покорены не были. По покорении следовало бы разделить между трех [княжеских] фамилий Большой Кабарды» [АКАК 1868: 957]. Между тем, вассальная зависимость ингушей и карабулаков от кабардинских князей, детерминированная и экономическими и социально-политическими причинами, подтверждается многочисленными архивными данными и письменными источниками XVIII в. [АКАК 1866; МПИО. Т. 1: 152–152; КРО. Т. 2: 307, 308–309; РОО. Т. 1: 419]. В «Постановлении о сословиях в Кабарде» из приложения к «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова упоминается: «Ингуши, назраны и карабулаки ежегодно платят по очереди кабардинским князьям по рублю серебром с дома, и тот князь, который получит те деньги, должен весь год от обид их защищать и дает для того человека, который состоит на всем довольствии от них с лошадью; притом ему дают несколько платя за охранение» [Ногмов 1994: 160]. Но в целом данные Измаила Хатокшоко по актуальной социально-политической ситуации в регионе в интерпретации кабардинской аристократии вполне репрезентативны; проглядывает явное желание автора «Записок» включить этот важный с точки зрения феодальной элиты Кабарды дискурс в общеимперский, во всяком случае, касающийся кавказской политики. Это желание не было беспочвенным и имело свои прецеденты. Так в середине XVIII в. русская дипломатия считала возможным на международном уровне поддерживать права кабардинских князей на сюзеренную власть над абазинами, проживавшими за Кубанью. Выступая на стороне кабардинцев против притязаний крымского хана на власть над абазинами, российское правительство в начале 1753 г. сделало следующее «изъяснение Оттоманской порте»: «Хотя река Инжик (Большой Зеленчук – К.З.), на которой... абазинцы живут, лежит за рекою Кубаном и впадает во онаю, однако же чрез то принадлежности их к кабардинцам опровергнуть невозможно, ибо напротив того – надлежит взять в разсуждение и реку Терек, о которой известно, что течение имеет в границах Всероссийской империи, и на которой с одной стороны имеются немалые российские жилища, а с другой живут подданные е.и.в. кумыки, андреевцы, аксайцы, брагунцы и чеченцы... А в вершинах оной в горах находятся народы..., которые Всероссийской империи не в подданстве, а... во владении у тех же кабардинских владельцев» [КРО. Т. 2. 1957: 188]. До заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, по которому Кабарда объявлялась владением России, имперское правительство деликатно относилось к владельческим правам кабардинских князей [РОО. Т. 1. 1976: 399]. Даже после 1774 г., обещая свое покровительство всем горским обществам, присягнувшим на верность России, имперское правительство рекомендовало, например, тагаурским алдарам, чтобы они, как вассалы кабардинских князей, «им показывали всякое уважение и ... подать из древности естли платят кабардинцам, отдавали беспрепятственно как бы и сих не встревожить» [РОО. Т. 2. 1984: 265]. То есть Измаил Хатокшоко опирался на давние традиции регионального политического дискурса с прецедентом использования его принципов в качестве аргумента в международном конфликте, что позволяло надеяться на продолжение подобной практики и в

будущем. Автор «Записок» недвусмысленно дает это понять. После заключения Ясского мирного договора 1791 г. Кубань стала официально признанной границей между Османской и Российской империями, что серьезно изменило условия функционирования сюзеренно-вассальных отношений между князьями Большой Кабарды и локальными группами закубанских абазин. Измаил Хатокшоко, описывая последних, специально обращает на это внимание: «Башильбайцы делящиеся на несколько частей, как-то Чигирейцы, Баракайцы и проч. Сии 2 части принадлежали князьям Большой Кабарды, но как в трактате с Портою Оттоманскою о том не выговорено, то они власти их более не признают (разрядка наша – К.З.)» [АКАК 1868: 957]. Общая тональность «Записок» свидетельствует о том, что кабардинская аристократия оценивала свои сюзеренные права, как безусловно легитимные, и считала необходимым учитывать их при заключении русско-турецких договоров и демаркации границы. Поэтому вывод автора «Записок» о причинах беспорядков на Кавказской линии вполне ожидаем. По мысли Измаила Хатокшоко они происходят из-за нарушения сложившихся традиционных социальных и политических практик («обычаев», по терминологии автора) «пограничными командирами», то есть представителями имперской военной администрации: «... Подвластные им (кабардинским князьям – К.З.) народы Осетинцы и Абазинцы, видя их занятыми Россиею, воспользовались случаем отбыть от их власти и они, прервав узы, соединявшие их с ними, пустились во все безобразия ... В случае спора нередко прибегали к нашим пограничным командирам, которые не внемля нужде делать суждения, сообразные их обычаям, часто их нарушали и поддерживали свои суждения военною рукою; а таким образом и укоренили вражду между соседями» [АКАК 1868: 958]. Мерами, способными устранить подобные затруднения, Измаил Хатокшоко считал, во-первых, признание легитимности сложившихся социально-политических практик, а во-вторых, превращение кабардинских князей в полноценных младших партнеров даже не империи, а собственно царствующего монарха. То есть, Измаил Хатокшоко предлагал перевести проблему кабардино-русских отношений в плоскость личных сюзеренно-вассальных отношений между императором России и кабардинскими князьями с исключением из них посредничества, во всяком случае решающего, местной кавказской администрации. Конечно же, этот проект не мог быть одобрен ни Александром I, ни высшими представителями русской администрации в регионе. Наместник на Кавказе князь П.Д. Цицианов, которому для экспертной оценки была передана «Записка», высказал категорическое неприятие этики феодального договора в представленном ему документе: «Заключать ... трактат Государю со своими подданными неприлично и унижительно» [АКАК. Т. 2. 1968: 963]. Кроме того, он отказывался признавать сюзеренные права кабардинских князей над горцами Северного Кавказа, приобретенные силой оружия. Отвергая притязания на политическую власть и право получения феодальной ренты с подвассальных горцев со стороны кабардинских князей П.Д. Цицианов писал им: «...Докажите неоспоримые свои на них права и почему сии народы вам принадлежат: потому ли, что вы их сильнее или что оные издревле от предков еще ваших были в зависимости? В первом случае совершенный вам отказ, а в последнем мое покровительство и приведение их по прежнему в вашу зависимость» [АКАК. Т. 2. 1968: 966]. Логические неувязки в данной сентенции П.Д. Цицианова не волновали. Естественно, вассальная зависимость, как и почти всегда в феодальном обществе, навязывалась силой оружия и давность их установления ничего принципиально в этом механизме не меняла. Но давнее подчинение высшей политической власти кабардинских князей их более слабым в военном отношении соседям, девальвировалось тем обстоятельством, что сама Кабарда по «праву войны» была объявлена частью Российской империи. Согласно феодальной этике, даже поражение в войне и подчинение не лишало полностью *политических прав*, тем более по отношению к своим вас-

салам. Но русское правительство было готово частично признавать имущественные и сословные права кабардинцев, но только не их *политические права*, которыми в империи мог обладать только самодержавный монарх. Еще одним аргументом против принятия проекта, кратко изложенного в «Записке», была степень популярности в Кабарде ее автора и его возможных идеологических сторонников – лоялистски настроенных, связанных с Россией военной службой кабардинских аристократов, каковым являлся Измаил Хатокшоко. В одном из своих рапортов Александру I от 29 авг. 1805 г. князь П.Д. Цицианов оставил характерную оценку их положения среди соотечественников: «...Можно заметить, что кто из кабардинцев побывает в России, а особливо получив какия либо награждения, возвратится в Кабарду, то много теряет уважения от своих собратий» [АКАК 1868: 981]. Обострение кабардино-русских отношений, расхождение дискурсов феодального кабардинского социума и самодержавной Российской монархии на рубеже XVIII–XIX вв. прошло точку невозврата. Комплементарная инкорпорация Кабарды в общеимперское пространство стала невозможной. Многолетняя эпидемия чумы, обескровившая Кабарду в первом десятилетии XIX в., многократно сократившая ее демографический и военный потенциал, сняла для имперского правительства остроту проблемы подчинения Кабарды жесткому административному контролю [Записки ... 1991: 283–284]. Еще раз попытку сформулировать проект мягкого, растянутого во времени, опирающегося на более богатый инструментарий чем простое военное подавление, вхождения в состав империи в масштабе всей Черкесии выдвинул Султан Хан-Гирей [Султан Хан-Гирей 2009: 547–576]. Но и эта последняя попытка не нашла ни социальной поддержки в Черкесии, ни понимания в Петербурге.

Источники и литература

1. АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. 1. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского. 1866.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. 2. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского. 1868.
4. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. 3. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского. 1869.
5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. 4. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского. 1870.
6. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006.
7. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1–3. СПб.: 1869.
8. Записки А.П. Ермолова 1798–1826. М.: Высшая школа. 1991.
9. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. М.: Наука, 1967.
10. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 2001.
11. Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1990.
12. Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. Нальчик: Эльбрус, 2008.
13. КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Издательство Академии наук, 1957.
14. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эльбрус, 1994.
15. Кожев З.А. Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 168–203.
16. Кожев З.А. Канжальская битва и динамика кабардино-русских отношений в первой трети XVIII в. // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. 2008. С. 82–96.
17. Кожев З.А. Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020.

18. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991.
19. *Кумыков Т.Х.* Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1991.
20. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002.
21. *МПИО – Материалы по истории Осетии / сост. Г. Кокиев. МПИО. Т. 1.* Орджоникидзе: Государственное издательство, 1933.
22. *Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века / сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 1986.*
23. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994.
24. *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019.
25. *РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.*
26. *РОО – Русско-осетинские отношения XVIII в. (Сборник документов в 2-х томах). Т. 1.* Орджоникидзе: Ир, 1976.
27. *Русско-осетинские отношения XVIII в. (Сборник документов в 2-х томах). Т. 2.* Орджоникидзе: Ир, 1984.
28. *Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству.* Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018.
29. *Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг. В 2-х томах.* Нальчик: Эль-Фа, 2003.
30. *Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы.* Майкоп: Полиграф-Юг. 2009.
31. *Туганов Р.У.* Измаил-бей. Нальчик: Эльбрус. 1972.
32. *Туганов Р.У.* История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1998.
33. *Чеченцы: история и современность / Составление и общая редакция Ю.А. Айдаева. М.: Мир дому твоему, 1996.*

KABARDIAN-RUSSIAN RELATIONS AT THE END OF 18th – BEGINNING OF THE 19th CENTURY: MODELS OF INCORPORATION INTO THE IMPERIAL SPACE

Kozhev Zaurbek Anzorovich, Candidate of History, Head. Sector of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zaurbek_k@mail.ru

The turn of the 18th and the 19th centuries. this is the time of a sharp intensification of Russia's penetration into the Caucasus. Kasarda, like other regional polities, turned out to be the object of the integrative intentions of the imperial government. Its political elites have tried to develop strategies for adapting to a radically changing geopolitical context. To preserve a high degree of political autonomy, traditional social-cultural parameters of feudal society, and dominant positions in the Central Caucasus, the political leaders of Kabarda put forward two different models of building Kabardian-Russian relations. One of them was based on the traditional social, political, and ethical principles of feudal society, and intended the maximum preservation of them within the framework of the general imperial discourse. Its author, Khatokshoko Izmail, expressed the interests of that part of the Kabardian aristocracy that hoped to build complementary relations with the Russian Empire without significant damage to the real volume of political autonomy in Kabarda and its place in the system of ethnic-social relations in the North Caucasus. An alternative strategy put forward by the brother of Hatokshoko Izmail – Adil-Girey and his supporters, assumed a radical modernization of social relations within the ruling class of Kabarda based on Islamic values, mobilization of resources and forcible defense of the political, administrative, and judicial autonomy of the principality.

Keywords: Kabarda, traditionalism, Hatokshoko Izmail, Sharia movement, Hatokshoko Adyl-Girey, Russian Empire, incorporation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-21-29

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Варивода Наталья Владимировна, научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), variks1@yandex.ru

В статье исследуются изменения, происходившие в землевладении и землепользовании терского казачества в пореформенный период. Сословная замкнутость казачьего землевладения в некоторой мере определяла специфику земельных отношений в Терской области. Обеспечивая казачье сословие экономической основой, источником дохода и благополучия, земель, власти стремились сохранить надежную и постоянную опору в лице казачьих войск. В исследовании показано, что, несмотря на все усилия властей, бывшее единство казачьего сословия и его особое общинное, замкнутое землепользование рушилось под воздействием развивающихся капиталистических отношений. Все большее место в экономической жизни терского казачества занимали новые хозяйственные отношения, в том числе сдача в аренду казачьих земель. Ввиду относительной неразвитости в казачьих областях помещичьего землевладения, товарно-денежные отношения проникали в экономику казачьих станиц после отмены крепостного права относительно активно, чему способствовал и приток пришлого русского иногороднего населения.

Ключевые слова: землевладение, землепользование, хозяйственная деятельность, терские казаки, казачья община, размежевание, станичный надел, войсковой запас, аренда, иногороднее население.

Изучение истории совершенствования форм землевладения и землепользования с учетом специфики пореформенной колонизации в таком уникальном регионе, как Северный Кавказ, безусловно представляет не только научный, но и практический интерес. Лидерство Северного Кавказа в продвижении по пути буржуазных реформ в социально-экономической жизни Российской империи делает изучение исторического опыта и результатов его вхождения в рынок необходимым и обязательным условием успешности современной модернизации региона и России в целом. Исследование данной проблемы может способствовать облегчению проведения земельной реформы в современных условиях.

Реформа 1861 г. обусловила большие изменения в экономической и общественной жизни не только в центре страны, но и на ее окраинах. Значительные перемены происходили и в жизни терского казачества. Учитывая рост буржуазных отношений в казачьих станицах и проводя политику русификации окраин, царизм приспособлял к ним свое законодательство, не ущемляя собственных интересов. Законодательные акты, принятые правительством в отношении Терского казачьего войска во второй половине XIX в., были частью буржуазных реформ 60–70-х годов.

Во второй половине XIX в. в станицах терского казачества получает распространение обычное для русской общины уравнилельное землепользование с регулярными переделами земли. Основные правила земельных отношений казачества были

установлены государством в «Положении о поземельном устройстве в казачьих войсках», принятом в 1869 г. По этому положению все земли, занимаемые казачьими войсками, разделялись на три части: первая часть, получившая название «юртовая земля», отводилась для казаков, живущих в станицах, и которыми непосредственно распоряжалась казачья община, вторая часть – частновладельческие земли, жалованные в полную собственность, и третья часть – земли войскового запаса, находившиеся в ведении казачьих верхов [Омельченко 1991: 161]. На 1 января 1889 г. земельный надел Терского казачьего войска по категориям составлял: станичных – 1 698 969 дес., частновладельческих – 119 673 дес., войскового запаса – 120 701 дес., а всего земли – 1 939 344 дес. [Максимов 1890: 60].

По «Положению о поземельном устройстве в казачьих войсках» станичные юртовые (общинные) наделные земли считались предоставленными в бессрочное общинное наделное пользование станичным (юртовым) обществам и не могли стать собственностью станичников. Эти земли считались принадлежащими всему Терскому казачьему войску. Правительство установило твердую зависимость земельных паев от служебно-должностного положения казаков, утвердило «во владение казакам те земли и леса, которые были заняты при первом переселении на Линию». Количество выделяемых десятин рассчитывалось в пропорции, назначенной в 1797 г.: командирам – 300 десятин, старшинам – 60, рядовым казакам – по 30 десятин земли [Титоренко 2017: 79].

Таким образом, казаки так и не получили права собственности на землю, казачья община сохранялась, но законодательный акт 1869 г. предоставил широкое право каждому общиннику распоряжаться своим наделом, не исключая и сдачи в аренду.

Надел у терских казаков был установлен в 30 десятин на каждую мужскую душу, начиная с 17-летнего возраста [Щеголев 1962: 36]. По закону 1869 г. было предусмотрено: если с увеличением населения отведенной станицам наделной земли «будет причитаться менее 20 дес. на душу, то войсковое начальство приводит ее в нормальную пропорцию» выделением из запасных земель к станичным юртовым наделам недостающей земли [Хасбулатов 2005: 51]. Однако в связи с ростом населения и периодическими переделами наделы постепенно уменьшались. В станичных обществах Терской области накануне революции земельный пай составлял уже в среднем 17,5 дес. [Кемпинский 2003: 322]. Разнообразные темпы заселения районов привели к разному уровню обеспечения землей в отделах. В отдельных станицах средний душевой надел казаков представлял довольно значительные колебания: наименьший средний надел – 9,6 дес. приходился на Сунженский отдел, наибольший – 24,7 дес. на Кизлярский [Гриценко 1972: 66].

Весьма важная черта общинного землевладения – обычай переделов земельных паев. Сроки, на которые выделялась земля в станицах, были неодинаковыми. Как правило, частые переделы (через 1–2 года) бывали в тех станицах, где земли были наиболее плодородными (станицы Волжского и Сунже-Владикавказского полков). В других станицах сроки пользования паями доходили до 4 и более лет [Заседателева 1974: 237].

Одна из особенностей землеустройства казаков заключалась в существовании отдаленных дополнительных станичных наделов. Если учесть, что отдельные станицы имели земельные угодья на расстоянии до 150 верст (Терская, Сунженская, Воронцово-Дашковская) и даже более 250 верст (Петропавловская), то практически указанные станицы отдаленными земельными угодьями не пользовались, а отдавали их в другие руки за бесценок. В 1901 г. дополнительные участки в размере 151766 дес. числились за 31 станицей войска и составляли 21,8% всей земли этих станиц [Денискин 1972: 90].

Частновладельческие земли в терской казачьей общине образовались в результате наделения офицеров и чиновников войска вместо пенсии землей. Генералы

на службе получили от 800 до 1500 дес., штаб-офицеры – 400, обер-офицеры – 200 дес. [Титоренко 2017: 79]. Земли офицеров составляли 6 % всех земель войска. По данным за 1902 г. 672 владельцам было отведено 118437 дес. земли [Максимов 1890: 70]. Офицерам было предоставлено право выбора участков и земли, получаемые ими, располагались недалеко от станиц, рек и были хорошего качества [Гриценко 1963: 29]. В новых условиях, с развитием товарно-денежных отношений лишь незначительное число из них занимались хозяйственной деятельностью, большинство предпочитали продавать свои земельные участки или сдавать их в долгосрочную аренду предпринимателям. Только за 1887 г. в Терской области было продано более 3000 дес. земли [Хасбулатов 2005: 53]. Еще большее распространение получила продажа земель казачьими офицерами и чиновниками к началу XX столетия.

К третьей категории земель относились земли войскового запаса. Они предназначались для наделения новых станиц, под устройство конезаводов, опытных агрономических участков и должны были служить надежным залогом благополучия и обеспеченности казаков. Власти ревностно следили за тем, чтобы земли войскового запаса постоянно пополнялись. Если в 60-е годы XIX в. войсковых запасных земель в Терской области насчитывалось до 100 тыс. дес., то в 1901 г. они достигали 149 574 дес. (150 %) [Хасбулатов 2005: 53].

Как же эксплуатировались земли войскового запаса? 65% земель этой категории во всех казачьих войсках, не приносили дохода, т.е. около 225 тысяч дес. угодий пустовало [Денискин 1972: 92]. Основной доход войско получало за эксплуатацию нефтеносных участков, а большая часть земли сдавалась в аренду за мизерную цену. Одним словом, цель запасного фонда – наделять казачье население землей в связи с естественным приростом его, практически почти не осуществлялась.

Специфика землевладения терского казачества – отдаленные участки станичной земли, пустующие земли войскового запаса, частные офицерские земли, несомненное многоземелье в целом всего войскового населения и сравнительно поздняя гражданская колонизация области – все это создавало благоприятные условия для развития аренды, получившей в Терской области большое распространение.

«Положение о поземельном устройстве в казачьих войсках» 1869 г., вышеупомянутое нами, предоставило широкое право каждому общиннику распоряжаться своим наделом, не исключая и сдачи в аренду. В пореформенный период в той или иной степени все казачьи земли (станичные свободные и наделенные, офицерско-чиновничьи, войскового запаса) оказались вовлечены в арендные отношения. Площади сдаваемых в аренду казачьих земель с каждым годом увеличивались, а арендные цены росли значительно быстрее, чем сдаваемые в аренду земли. Так, с 1889 по 1913 г. площадь сдаваемой в аренду земли станичными обществами в Терской области выросла с 316 250 до 453 781 дес. (144 %), а вырученная сумма за аренду за это время возросла с 128 081 до 959 920 руб. (749,5 %), т.е., если площадь сдаваемой в аренду земли за 24 года выросла в 1,5 раза, то сумма за аренду возросла в 7,5 раза [Хасбулатов 2005: 53].

Для большинства станиц земельные наделы являлись единственным источником общественных доходов, в связи с чем станицы вынуждены были сдавать более или менее значительные участки из своих юртовых наделов в арендное содержание и на вырученные от этой аренды деньги содержать станичные правления, училища, церкви и церковные причты, снаряжать неимущих казаков на службу и удовлетворять прочие общественные потребности. Многим станицам приходилось сдавать в аренду свои дополнительные наделы почти за бесценок, даже несмотря на хорошее качество земли, только лишь из-за значительной удаленности этих наделов от станиц [Караулов 2007: 231]. Так, дополнительный участок станицы Сунженской находился в 130 верстах от станицы и сдавался в аренду за

2000 рублей [Статистические материалы ... 1881: 6]. В общей сложности к 1910 г. в аренде находилось 24,2% всех станичных угодий [Гриценко 1972: 66].

Положением об общественном управлении казачьих станиц от 13 мая 1870 г. разрешалась сдача в аренду иногородним станичных пастбищ с промышленной целью. Делалось это с дозволения станичного общества и за особую плату [Матющенко 1987: 76]. На землях терских казаков преобладала именно предпринимательская аренда со стороны овцеводов-тавричан.

Процесс создания и укрепления частной земельной собственности был объективным следствием развивающихся на территории войска буржуазных отношений, которые подтачивали и разрушали сословное землевладение. Иллюстрацией этого процесса может служить переход офицерских участков в руки различных предпринимателей, нахлынувших в Терскую область. Неприиспособленные к ведению хозяйства, офицеры сразу же продавали свои участки или сдавали их в долгосрочную аренду. Эти земли стали объектом бессовестной наживы в руках «не стеснявшегося ничем воротилы» [Терские ведомости 1892]. В отчете атамана войска за 1897 г. указывалось, что большинство офицерских участков не эксплуатируется и только четвертая часть сдается в аренду под пахоту и под выпас скота [ЦГА РСО-Алания. Ф. 14. Оп. 1. Д. 646. Л. 19–20]. К 1890 году из 562 наделенных участков было продано 219 участков или 38,9% [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 124. Л. 66]. В крае происходило образование крупного землевладения, но владельцами являлись лица неказачьего сословия. Край буквально наводнили крупные собственники, покупавшие в спекулятивных целях землю. Выждав повышение цен, они перепродавали ее втридорога. На почве этой спекуляции развивалась в громадных размерах хищническая деятельность посредников-арендаторов. Тем не менее, земли покупались невзирая даже на такие большие цены. Так, в 1901 г. атаман Кизлярского отдела писал, что ежегодно из внутренних губерний России приезжают в Терскую область, преимущественно в Кизлярский отдел, партии крестьян от 5 до 20 семейств с целью приобрести здесь подходящие для хлебопашества земельные участки и покупают их у частных владельцев. «Особенно наплыв крестьян, – писал он, – стал замечаться в последние 3 года» [Гриценко 1972: 80].

Примером в данном случае может служить и то, что поселок Новополтавский был образован на земле, купленной у полковника Алтудова, Новоивановский – на земле, купленной у подполковника Цугулиева, Кременчуг-Константиновский – на купленной с помощью поземельных банков земле [ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 210. Л. 12; ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 88. Л. 14; ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 498. Т. 2. Л. 242; Ф. И-6. Оп. 1. Д. 473. Л. 4]. В 1903 г. у крестьян во всей Терской области на правах личной собственности было уже 141109 дес. земли [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 8. Д. 5468. Л. 153].

По инициативе возглавлявшего Терскую область С.В. Каханова было предложено открыть отделение Крестьянского банка, который должен был субсидировать приобретение переселенцами земельных наделов. В своём Всеподданнейшем отчёте за 1893 г. он писал: «Наиболее существенное содействие в данном случае мог бы оказать крестьянский банк, как учреждение, образованное с целью облегчения крестьянам всех наименований способов к покупке земель. ... в отчётном году я вошёл, чрез Командующего войсками округа, с ходатайством о возможно скорейшем открытии местного отделения крестьянского банка при Владикавказском отделении государственного банка» [Всеподданнейший отчёт ... 1894: 16].

Завершение вооруженного противостояния в регионе не освобождало казаков от службы, а потому многие из них не успевали сами обрабатывать причитающиеся им паи. Практиковалась сдача их в аренду иногородним крестьянам, которые готовы были платить за право пользования землей [Гранкин 2011: 24].

Войсковые запасные земли, согласно утвержденным правилам, могли сдаваться в аренду частным лицам на следующие сроки: полевые земли – не свыше

12 лет; участки под сады, огороды, каменоломни, для рыбной ловли и пчеловодства – не свыше 24 лет; участки под заводы, фабрики, крупные паровые мельницы – не свыше 99 лет [Гриценко 1972: 68].

Войсковое начальство выгодно сдавало в аренду запасные земли посторонним предпринимателям или тем, кто платил большие арендные деньги. За пределами станиц земли сдавались с торгов крупными массивами богатым людям, внутри станиц – иногородним по 5 копеек за сажень (1 десятина – 120 руб.), что вело к спекуляции. Основной доход традиционно получала казачья верхушка [Титоренко 2017: 80].

Войсковая земля сдавалась, как правило, в аренду большими участками посредникам, которые их уже сдавали более мелкими участками в субаренду. Понимая невыгодность такого положения, войсковое правление само стало дробить земли на более мелкие участки, с целью создать конкуренцию между арендаторами и поднять арендные цены.

Главное управление казачьих войск еще в 80-х годах XIX в. ввело новые правила и порядки сдачи войсковых земель в аренду, а в начале XX в. был создан Терский областной «Комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Власти пытались «упорядочить» арендное дело, устранить или хотя бы ограничить арендаторов-посредников с тем, чтобы выгоду от аренды получало само казачество. Однако в арендном деле оставались посредничество, обман, подкуп, что ложилось тяжелым бременем в первую очередь на плечи арендаторов – русских иногородних крестьян и безземельных горцев [Хасбулатов 2005: 58].

После того как на войсковом участке, арендуемом Ахвердовым, ударил первый нефтяной фонтан и между представителями различных монополий развернулась ожесточенная борьба за право эксплуатировать эти земли, правительство в 1894 г. утвердило «Правила о нефтяных промыслах на землях Терского и Кубанского казачьих войск», согласно которым станичные земли, на которых будет обнаружена нефть, переходили в войсковой запас [Терский календарь ... 1899: 81,82]. Причем основной доход войско получало за эксплуатацию нефтеносных участков. Благодаря лесам, рыболовству и минеральным богатствам земли войскового запаса в конце XIX в. могли давать до 50 000 руб. дохода [Заседателяева 1974: 246].

Высокий уровень аренды земли в пореформенный период объясняется тем, что в регион усилился приток лиц «не войскового сословия». Нужно отметить, что пореформенная колонизация Северного Кавказа была в большей степени вызвана экономическими факторами. Власть была заинтересована в создании здесь условий для хозяйственного роста, а потому привлекала дополнительные трудовые резервы – тем более, что центральные районы страны испытывали избыток населения [Гранкин 2011: 30]. После отмены крепостного права, правительство, вынужденное считаться с потребностями экономического развития страны, законом 29 апреля 1868 г. «во всех без изъятия казачьих войсках русским подданным невойскового сословия» предоставило «право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества, а также покупать не только казачьи усадьбы, но и пустопорожние места под строения и сады в городах и станицах, не причисляясь к казачьим сословиям» [ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 206. Т. 1. Л. 16]. Закон 1868 г. имел целью поднять экономику Кавказского края, находившегося в 60-х гг. еще в состоянии войны и в силу этого сильно пострадавшего. Законом предоставлялись некоторые льготы переселенцам, которые, однако, впоследствии были сокращены. Например, возведение иногородними новых построек на войсковой, городской или станичной земле, бывшие по закону 1868 г. свободными, допускались только с разрешения войскового начальства или согласия городских и станичных обществ [ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 107. Л. 4; ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 5. Д. 294. Л. 96 об.].

Важной предпосылкой аграрной колонизации явились и реформы 60-х гг. XIX в., в результате которых огромные земельные площади перешли в частную собственность. Переселенцев привлекали эти земли, которые можно было довольно легко купить или арендовать. Арендные цены и посаженная плата в Терской области были невысоки [Тхамокова 2000: 37]. Одним из факторов притока русского населения в Терскую область стало строительство в 1875 г. Владикавказской железной дороги. К 1899 г. в Терской области оказалось 103957 иногородних, из них 57597 человек, т. е. более 55% не имело оседлости [Терский календарь ... 1898: 10–11]. В Терской области не было почти ни одной казачьей станицы, в которой не проживали бы «иногородние», арендующие станичные наделы. Казачьи земли нуждались в арендаторах, которыми являлись переселенцы – крестьяне, мещане, отставные солдаты, а большей частью это крупные скотопромышленники, прибывшие из Кубанской области и Ставропольской губернии. Хотя основной процент арендаторов составляли овцеводы-тавричане, в роли арендаторов все чаще выступают зажиточные казаки. В 1902 г. казаками арендовалось в Моздокском отделе 10894 дес., в Кизлярском – 7765 дес., в Пятигорском – 3111 дес., в Сунженском – 3681 дес., а всего – 25451 дес. земли [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 58. Д. 36. Л. 16, 19–21, 23].

Одна из особенностей Терской области, заключалась в том, что здесь проживала основная масса горского и кочевого населения Северного Кавказа. Согнанные со своих насиженных мест, лишённые земли, горцы вынуждены были арендовать ее у зажиточных казаков. Так, источник упоминает, что казаки сдавали в аренду землю «посторонним людям, преимущественно кабардинцам для пастьбы конных табунов и баранов» [Тхамокова 2005: 78].

В конце XIX в. в Терской области появилось много хуторов, где жили иногородние крестьяне. По данным за 1901 г. по войсковой территории насчитывалось 269 хуторов [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 7. Д. 5338. Л. 2–14]. Большинство хуторов располагалось также на арендованных и купленных участках. В целом по Терской области в 1903 г. казаки сдавали в аренду иногородним 334 617 десятин [Великая 2005: 27]. Многие крестьяне-переселенцы жили не только хуторами на арендованной земле, но и в самой станице. Обычно казак сдавал переселенцу часть своей усадьбы на срок от 12 до 60 лет, о чем составлялся форменный документ, который скреплялся станичным правлением [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 7. Д. 5140. Л. 2–3].

Иногородние все более и более сосредотачивали в своих руках казачьи наделы, а казаки, быстро растратив деньги, полученные за продажу или аренду земли, попадали к ним же в кабалу и не имели никакой возможности снарядиться на службу. Некоторые казачьи атаманы указывали на отрицательные последствия складывавшихся в сельском хозяйстве края отношений: арендованные земли истощались и не восполняли потребностей увеличивавшегося населения, казаки за спинами крестьян приучались жить без особого труда, не развивая энергию и трудоспособность земледельца [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 10. Д. 132. Л. 2, 3 об., 5]. В связи с этим последующие узаконения были направлены на сокращение всех предшествовавших льгот, полученных иногородними. По мнению Государственного Совета, утвержденного 13 мая 1883 г., иногородние обязаны были нести все земские повинности, связанные с постоянной оседлостью [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 5. Д. 294. Л. 97]. Были введены ограничения и в пользовании станичными пастбищами и сенокосными местами. Ограничивалось количество скота, которое вправе были пасти иногородние на общественных выгонах.

Арендные отношения устраивали обе стороны лишь на первом этапе массового появления крестьян в регионе (конец 60-х–70-е гг. XIX в.). В дальнейшем отрицательные последствия существующих земельных отношений стали проявляться все заметнее. Из-за перенасыщенности Терской области иногородним населением

арендные цены росли (от 1 руб. 50 коп. в 80-е гг. XIX в. до 8–16 руб. в начале нового столетия) [Ратушняк 1995: 15–16]. Рост арендной платы привел к повышению цен на землю. В 1906 г. в среднем по России одна десятина земли стоила 90 руб., в Терской области цена десятины составляла 98,5 руб. [Титоренко 2017: 80]. Иногородних не устраивало «подвешенное» состояние, положение временщиков, на которое они обрекались. Казаки в свою очередь были не довольны хищническим отношением к земле, как со стороны земледельцев-арендаторов, так и крупных скотовладельцев-тавричан.

Таким образом, формы и размеры землевладения у терских казаков претерпели много различных изменений, которые, в одном случае, диктовались естественным ходом исторического процесса, были связаны с ростом населения, заселением и освоением новых земель, в другом – царское правительство, создавая экономическую базу своей завоевательной политики, насаждало выгодные для себя формы казачьего землевладения. Но несмотря на сословную замкнутость надельного землевладения казаков, капиталистические отношения проникали и сюда. Появление капиталистических форм земельной ренты на землях терских казаков свидетельствует о нарушении «монолитности» сословного казачьего землевладения и зарождении капиталистического фермерства и предпринимательства в земледелии. Необходимо отметить, что аренда была более гибкой формой, при которой приспособление землепользования к рынку происходило проще и легче. В целом суть пореформенной эволюции землевладения состояла в том, что оно принимало все более торговый, предпринимательский характер.

Ввиду относительной неразвитости в казачьих областях помещичьего землевладения, товарно-денежные отношения проникали в экономику казачьих станиц после отмены крепостного права относительно активно, чему способствовал и приток пришлого русского иногороднего населения. Прилив иногородних в Терскую область, увеличив производительность края и изменив его хозяйственный облик, имел своим следствием и другие важные результаты. В частности, наблюдался рост доходов по войсковым арендным статьям и быстрое увеличение станичных запасных капиталов.

Источники и литература

1. *Великая Н.Н.* Арендные отношения в Терской области в конце XIX – начале XX в. // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 4. Пятигорск, 2005. С. 25–32.
2. *Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1893 год.* Владикавказ: Типография Областного правления Терской области, 1894. 113 с.
3. *Гранкин Ю.Ю.* Колонизационное освоение Северного Кавказа в пореформенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 22–33.
4. *Гриценко Н.П.* Горский аул и казачья станица Терка накануне Великой Октябрьской революции. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1972. 277 с.
5. *Гриценко Н.П.* Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 199 с.
6. *Денискин В.И.* О землепользовании в Терском казачьем войске во второй половине XIX в. // ИЧИНИИ. Т.IX. Ч. I. Вып. 1. Грозный, 1972. С. 82–97.
7. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX века). Историко-этнографические очерки. М.: МГУ, 1974. 422 с.
8. *Караулов М.А.* Терское казачество. М.: Вече, 2007. 318 с.
9. *Кемпинский Э.В.* Экономическое развитие Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XX вв. // Сборник русского исторического общества. М., 2003. Т. 6. С. 320–325.
10. *Максимов Е.Д.* Терское казачье войско: Историко-статистический очерк. Владикавказ: Типография Областного правления Терской области, 1890. 167 с.

11. *Матющенко П.П.* Аграрная политика царизма по отношению к иногороднему крестьянству Кубани и Терека (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа. Краснодар, 1987. С. 74–80.
12. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: «Ир», 1991. 301 с.
13. *Ратушняк В.Н.* Некоторые вопросы капиталистического заселения Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 3–18.
14. Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ: Войсковое хозяйственное правление, 1881. 466 с.
15. Терские ведомости. 1892. № 58.
16. Терский календарь на 1899 г. / под ред. Т.А. Вертепова. Владикавказ: Терский областной статистический комитет, 1898. 288 с.
17. Терский календарь на 1900 г. / под ред. Т.А. Вертепова. Владикавказ: Терский областной статистический комитет, 1899. 190 с.
18. *Титоренко М.Ф.* Землевладение в хозяйственной деятельности линейных казаков (XIX-начало XX вв.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 3. Ч. 2. С. 78–82.
19. *Тхамокова И.Х.* Поземельные отношения в терских станицах в XIX – начале XX в. // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. Материалы научно-практической конференции. Нальчик, 2005. С. 71–80.
20. *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-фа, 2000. 238 с.
21. *Хасбулатов А.И.* Землевладение и землепользование терского казачества (вторая половина XIX–XX вв.) // Научная мысль Кавказа. 2005. № 4 (44). С. 50–60.
22. ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики.
23. ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
24. *Щеголев А.И.* Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 140 с.

LAND OWNERSHIP AND LAND USE IN THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE TEREK COSSACKS IN THE POST-REFORM PERIOD

Varivoda Natalya Vladimirovna, Researcher of the Sector of Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), variks1@yandex.ru

The article examines the changes in land ownership and land use of the Terek Cossacks in the post-reform period. Classical isolation of Cossack land ownership to some extent determined the specifics of land relations in the Terek region. Providing the Cossack estate with an economic basis, a source of income and prosperity, primarily land as a means of production, the authorities sought to maintain a reliable and constant support in the face of the Cossack troops. The study shows that, despite all the efforts of the authorities, the former unity of the Cossack class and its special communal, closed land use collapsed under the influence of developing capitalist relations. An increasing place in the economic life of the Terek Cossacks was occupied by new economic relations, including the leasing of Cossack lands. Due to the relative underdevelopment of landowners in the Cossack regions, commodity-money relations penetrated into the economy of the Cossack villages after the abolition of serfdom, relatively actively, which was facilitated by the influx of the new Russian nonresident population.

Keywords: land ownership, land use, economic activity, Terek Cossacks, Cossack community, demarcation, stanichny allotment, military reserve, rent, nonresident population.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-30-37

СЪЕЗДЫ ДОВЕРЕННЫХ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В ЗЕМСКИХ ПРОЕКТАХ НАЧАЛА XX В.

Прасолов Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dmprasolov@gmail.com

Рассматривается политико-культурный опыт интеллигенции народов Терской области, связанный с попытками адаптировать традиции местного самоуправления к предполагаемым земским преобразованиям на Кавказе. В начале XX в. опыт регулярной деятельности Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ был использован в аргументации проектов введения земского самоуправления в Терской области. Главным инициатором продвижения этих идей стал осетинский общественный деятель и публицист Г. Баев. Проанализированы его многочисленные публикации и проекты, в которых он последовательно стремился убедить региональные власти и общественность в возможности организовать местное земское самоуправление на основе съездов доверенных (сборов выборных) от сельских обществ. Публичная репрезентация проектов способствовала формированию в общественном сознании региональной интеллигенции представлений о формах органичной интеграции в социокультурное пространство российского государства. Адаптированный к военно-народному управлению опыт деятельности съездов доверенных был ограничен общественно-политической традицией, обеспечивал достаточный уровень самоуправления во многих вопросах местной жизни, что стало одной из решающих причин отсутствия у кабардинской общественности целенаправленного стремления к введению иных форм земского самоуправления. Для других народов Северного Кавказа регулярная деятельность съездов доверенных стала образцовой моделью желаемого самоуправления. Контролируемая регулярная практика съездов доверенных вполне устраивала и региональные имперские власти, поэтому и с их стороны не было поддержано стремление активистов земского движения придать этой практике симметричный характер в других округах.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Нальчикский округ, Владикавказский округ, Терская область, местное самоуправление, съезд доверенных, земское движение, Г. Баев, Б. Шаханов.

В политической культуре народов Терской области съезды доверенных представляли собой самобытную практику взаимодействия местного населения и коронных властей в рамках, заданных принципами военно-народного управления. В конце XIX в. общественные деятели Северного Кавказа включаются в земское движение, стремившееся к распространению на регион общероссийских принципов местного самоуправления. В качестве возможной модели этого преобразования рассматривались и съезды доверенных (народные сборы, сборы выборных), которые периодически созывались во многих округах.

Ж.А. Калмыков, впервые исследовавший деятельность съездов доверенных в Кабарде [Калмыков 1981], не упоминает их в связи с проектами северокавказского земства. С.А. Айларова дополнила картину участия в земских процессах Г. Баева [Айларова 2011], а републикация его статьи 1901 г. [Баев 2011] открыла новые перспективы дальнейшего исследования эволюции местного самоуправления у

народов Терской области. Интересные подробности о реализации земских проектов содержит публикация документов, иллюстрирующих взаимодействие по земским вопросам Г. Баева и депутата Госдумы М. Караулова [Дарчиева 2011]. Однако наиболее подробное содержание проблемы, озаглавленной в статье, позволяет раскрыть анализ региональной земской публицистики начала XX в.

Обобщая опыт съездов доверенных у народов Терской области, А. Цаликов в 1913 г. писал: «В первое время после покорения Кавказа русская администрация для проведения тех или других реформ прибегала к содействию самих туземцев, собирая представителей горских племен на большие народные собрания. Такие всенародные общественные собрания функционировали у чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, карачаевцев и др., принося значительную пользу населению как зачатки широкой общественной самодеятельности. Правда, благотворные результаты собраний парализовались отчасти стремлением администрации использовать их в своих видах; но все же они функционировали довольно правильно, а некоторые из них, казавшиеся особенно благонадежными, были даже в законодательном порядке регламентированы (например, кабардинские народные сборы). Но, когда на собраниях стали выплывать злоупотребления низшей администрации, когда сложилась горская интеллигенция и пробудилась общественная мысль, когда собрания задались целью сосредоточить в своих руках целые стороны хозяйственной жизни и, прибегая к самообложению, пополнить недостаток земских учреждений, тогда администрация сначала стала неохотно созывать собрания, а затем и совершенно перестала созывать их. В основу управления был положен бюрократический централизм со своим неизменным спутником – бюрократическим произволом» [Цаликов 1913: 74–75]. Однако обобщения социал-демократа А. Цаликова были не точны и тенденциозны в отрицании конструктивности взаимодействия народных собраний с окружными и областными властями.

Более объективную картину деятельности съездов доверенных и тем более их специфику в различных округах Терской области представлял Г. Баев, много сделавший для развития хозяйственно-экономических и просветительских функций местного самоуправления. В ряду других земских инициатив на Северном Кавказе, предпринимавшихся с конца XIX в., подход осетинского публициста и общественного деятеля отличался существенным преимуществом. Последовательно отстаивая возможность учреждения на основе «народных сборов» земского самоуправления в Терской области, он апеллировал не только к насущной необходимости введения земств, но прежде всего к опыту деятельности местного не земского самоуправления в форме народных сборов выборных (съездов доверенных). В обоснование этих проектов в 1901 г. в XVI книге «Кавказского вестника» была опубликована статья «О введении земского самоуправления в Терской области». В ней обстоятельно обосновывалась возможность учреждения земского самоуправления на основе съездов доверенных, как «обычных народных сборов». Автор был убежден, что «из других местностей Кавказа наиболее подготовлена почва для земского самоуправления в Терской области», что было обусловлено «не только всей их прошлой общественно-исторической жизнью, но также и практикою управления после присоединения их к России» [Баев 2011: 118]. Охарактеризовав работу наиболее важных осетинских собраний, автор подчеркивал, что «в Кабарде собрания выборных до настоящего времени сохранились во всей своей силе», отметив ряд постановлений по регламентации общинного и пастбищного землепользования [Баев 2011: 121–122].

Называя съезды доверенных «обычным земским самоуправлением», Г. Баев высказывал мнение, что они нуждаются «в более правильной организации и законодательной санкции, ибо оно существует по милости обычая и административного благоусмотрения, но не на прочном фундаменте закона. Жизнь в данном случае в своем вечно поступательном движении вперед опередила закон и облегчила

законодателю задачу по введению земских учреждений обычного упрощенного типа» [Баев 2011: 123]. Осетинский общественный деятель был убежден, что «местное горское население не может послужить препятствием к введению земских учреждений, так как оно систематически подготовлено своим обычным самоуправлением к сознательному обсуждению местных нужд и готово приносить материальные жертвы для улучшения своей жизни. Обычное это самоуправление приобрело уже в крае все права гражданства, хотя закон о нем еще ничего не говорит» [Баев 2011: 125].

Обобщая факты «из истории обычного земского самоуправления среди горцев Терской области», Г. Баев выражал убежденность в «громадной пользе этих собраний», обосновывая необходимость упорядочить «оригинальную форму местного земского самоуправления, приобретшую все права гражданства в местной жизни» [Баев 2011: 122–123].

По мнению С.А. Айларовой, осетинский публицист считал, что «именно земские учреждения могли бы послужить основой для включения Кавказа в социально-культурный и хозяйственный организм Российского государства и формирования российской идентичности кавказских народов» [Айларова 2015: 112–113].

В одном из апрельских выпусков 1904 г. газеты «Право», повторяя подробности о постановлениях нескольких сборов выборных у осетин, Г. Баев дополнил информацию по другим народам: «Если мы перейдем в соседний Нальчикский округ, населенный кабардинцами и горскими татарами [балкарцами. – Д.П.], то увидим, что земское самоуправление у них функционирует на основании некоторых законоположений все время. Важнейшие вопросы местного благоустройства решались народными сборами выборных от всех сельских обществ...» [Баев 1904: 914]. Главным отличием собраний была регулярность и бюрократическая стандартизация: «Ежегодно собрания происходят в слободе Нальчик 21 мая и в ноябре – после полевых работ. Если привести содержание всех приговоров, то они в общем напомнят нам журналы уездных земских собраний» [Баев 1904: 915].

В феврале 1905 г. на Кавказе было восстановлено Наместничеств. Назначенный на должность наместника И.И. Воронцов-Дашков провозгласил курс на сотрудничество со всеми «благомыслящими людьми всех сословий и народностей кавказского населения» [Волхонский 2006: 92] и диалог с выборными представителями от городов и сельских обществ, для того чтобы «обсудить возможность и целесообразность способов применения положения о земских учреждениях» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 4].

В новых условиях, продолжая выступать в региональной прессе с земской публицистикой, Г. Баев расширял и конкретизировал характеристики съездов доверенных. Наиболее подробная фактологическая база была представлена в серии статей, подготовленных для ходатайства о присоединении 9-ти селений Малой Кабарды к Нальчикскому округу [Баев 1905: № 37. С. 2–3; № 38. С. 2]. В еще более обстоятельной пояснительной записке Г. Баев сравнил окружное самоуправление с упрощенной земской практикой, осуществляемой постоянно действующими институтами: «Органом распорядительным является собрание доверенных от сельских обществ Большой и Малой Кабарды и 5-ти горских обществ являлся распорядительным органом, созываемое ежегодно весной и осенью для избрания народных судей, уполномоченных и доверенных для ведения отдельных отраслей земского хозяйства и казначей Кабардинской общественной суммы. Приговоры народных съездов утверждаются, смотря по важности их, Главнотачальствующим или начальником Терской области в порядке надзора и законности, они доходят на уважение и утверждение и высшего правительства. Ревизия общественных сумм и учет доверенных возложена на членов горского словесного суда. Исполнительными органами, заменяющими функции земских управ, являются – казначей кабардинской общественной суммы, лесничий кабардинского общественного

лесничества и доверенных по заведыванию запасными землями» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 26об.]. Очевидно, не без влияния публицистической активности Г. Баева, в ноябре 1905 г. автор газеты «Каспий» оптимистично заключал, что кабардинцам предстоит светлое будущее со введением земского самоуправления, так как они имеют все источники для ведения широкого земского хозяйства» [П 1905: 2].

Однако проведенные по инициативе наместника земские совещания затронули только Закавказье, что негативно было воспринято северокавказскими сторонниками земских преобразований [Розанов 1905], а Г. Баев продолжил совершенствовать свой земский проект. Характеризуя взаимодействие съездов доверенных с общинным самоуправлением в Терской области, он писал: «На почве этой всесословной сельской организации функционировали все время в горских округах съезды выборных от сельских обществ, которые облагали округа денежными сборами на чисто денежные нужды края, выбирали судей в народные суды, издавали обязательные постановления по искоренению вредных обычаев и в деле борьбы с преступностью выбирали должностных лиц для народных окружных сумм, ревизионные комиссии уполномочивали общей доверенностью на ведение дел своих представителей» [ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 24–24об.]. По-прежнему, наиболее подробно характеризуя постановления осетинских народных съездов, Г. Баев неоднократно подчеркивал, что ввиду регулярности окружных собраний и широты осуществляемых функций «довольно полное оформление этого самоуправления получил пока Нальчикский -Кабардинский округ» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 24–24об.].

Размышляя над проблемой введения земства, Г. Баев осознавал сложность реализации общего проекта с учетом своеобразия окружных традиций функционирования самоуправления в Терской области. Прекрасно понимая историческое своеобразие и преимущества съездов доверенных в Нальчикском округе, Г. Баев в черновиках своих проектов сомневался в том, нужны ли кабардинцам земства вместо того, чем они обладают: «Во избежание больших недоразумений необходимо теперь же решить – будет ли эта земско-хозяйственная организация и самоуправление кабардинского народа совершенно упразднены при введении Земского положения 1890 г. или же параллельно будут работать оба эти учреждения. Последнее по-моему немислимо, ибо кабардинцы навряд ли согласятся передать свои общественные суммы, свои народные леса и пастбища, выборное начало в горский суд, наконец, свое господствующее положение в родном крае их тысячелетней родины» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 27]. Рассуждая о целесообразности земских нововведений в Нальчикском округе, Г. Баев писал: «Кабардинцы и сопредельные горцы единственный народ на Кавказе, который имеет на законе основанное народное обычное самоуправление с чисто земскими функциями. Возникает вопрос нужно ли кабардинскому народу создавать в своем округе еще другие органы управления и самоуправления, не внесет ли это разруху? [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 134. Л. 14об.]. Эти авторские сомнения своеобразно отразились и в его очередной земской инициативе, заявленной в ответ на вновь инициированное Кавказским наместником общественное обсуждение земских преобразований [Всеподаннейшая... 1907: 144–147].

Публикуя обоснование нового земского проекта в газете «Терек» в начале 1907 г., Г. Баев по-прежнему был убежден, что «надо начать это большое дело с округов уже подготовленных, как Нальчикский (кабардинцы) и Владикавказский (осетины), причем надо дать самим же представителям этих племен возможность и лично вложить свой труд при выработке этого положения, чтобы самоуправление было бы понятно и любезно народу, а не было бы для него нечто чуждое по духу, беспочвенное по идее и разорительное по своему налоговому бремени» [Баев 1907: № 40. С. 2]. Однако на этом этапе своей земской деятельности автор

уже целенаправленно ходатайствовал о реализации проекта «Положения о земском управлении», который касался только Владикавказского округа. Еще более определенные национальные приоритеты заявлял А.-Б. Бутаев. Практически повторяя аргументацию Г. Баева, но не упоминая первоисточник, в столичной газете «Русь» он опубликовал статью о необходимости ввести земские съезды выборных у осетин. В заключении статьи он с недоумением задавался вопросами: «Не представляют ли осетины исключения? Не находились ли они в особо благоприятных условиях? Можно ли по ним судить о других горцах, населяющих Терскую область: о кабардинцах, чеченцах, ингушах?» [Бутаев 1907].

К участию в областном съезде в конце августа 1907 г. по назначению начальника Терской области генерал-лейтенанта А.М. Колюбакина от Нальчикского округа во Владикавказ были приглашены Т. Наурузов, Х. Тавкешев, А. Астемиров и Д. Балкароков. На совещании сразу же была обозначена задача введения земства «на общих со всей Империей основаниях» [Волков 1907: № 184]. Согласно пожеланию наместника, казачье и неказачье население должны были получить отдельные земские организации и только общие вопросы предполагалось рассматривать на областных земских собраниях. Проявившиеся при обсуждении разногласия в итоге привели к решению о создании общего земства [С-н 1907: № 188]. Таким образом ни для казачества, представители которого настаивали на обособленном земском хозяйстве, ни для горцев, традиционные формы самоуправления не рассматривались в качестве основной модели преобразований. Критикуя результаты совещания за формализм и игнорирование культурной неоднородности населения области, представитель казачества К Сапронов обращал внимание, что «существование Терской области, как административной единицы, само по себе не может служить основанием для создания и единого в этих границах земства». При этом он с недоумением указывал и на пренебрежение организаторов результатами опытом предшествующей земской работы, проводимой общественными силами уже в течение нескольких лет. Он считал, что решения не перспективны «благодаря случайному составу совещания, на которое не были приглашены: Г.В. Баев, который много потрудился над изучением вопроса о земском самоуправлении, бывшие депутаты сотник М.А. Караулов и г. Эльдарханов, которые, несомненно задумывались над этим вопросом, так как министерский законопроект о преобразовании земств был внесен во 2-ю Государственную Думу и объяснительная к нему записка была роздана депутатам этой думы. Обошли и работников на Червленских съездах 1905-6 гг. и т.д., на совещании проявлялась растерянность и совершенная неподготовленность к разрешению столь сложного вопроса» [Сапронов 1908: № 55. С. 2].

В 1909 г. по инициативе И.И. Воронцова-Дашкова в Закавказских регионах наместничества были проведены очередные земские совещания. Северный Кавказ остался вне официального процесса обсуждения проблем организации местного самоуправления. Проекты, ориентированные на законодательное оформление обычного не земского самоуправления народов Терской области, оказались не принятыми во внимание при обсуждении земского вопроса на уровне наместничества. Г. Баев больше не выдвигал самостоятельных земских проектов и поддержал «законодательное предположение» 37 депутатов IV Государственной думы «о введении в Терской области земских учреждений» [Дарчиева 2011: 101–102]. Возглавивший инициативу депутат М.А. Караулов [Законодательное... 1914] отмечал, что основная «масса населения Терской области, за исключением, отчасти, кабардинцев, совершенно лишена общих распорядительных и исполнительных органов» [Караулов 1914: № 17. С. 2], однако главной целью проекта, как и ранее, обозначалось распространение на область общероссийского Положения 1890 г. и введения «земских учреждений общего типа».

Для представителей Нальчикского округа едва ли не единственным публицистическим обращением к теме земства стало предисловие В.Н. Кудашева к

«Историческим сведениям о кабардинском народе». В издании, приуроченном к 300-летию династии Романовых, перспективы введения земств представлялись в единстве с решением сословного вопроса – признанием за традиционной аристократией прав российского дворянства. Во вводной части составитель писал о ситуации в Нальчикском округе: «Местному населению не дано права самоуправления. Распространение положения о земских учреждениях 1890 г., построенного всецело на сословном принципе, может встретить затруднение в том, что в Кабарде нет признанных законом сословий, который существуют в русском государстве. Будь разрешен в Кабарде сословный вопрос в том виде, как его проектировала кавказская высшая администрация, препятствия ко введению земского положения 1890 г. немедленно в Кабарде должны бы исчезнуть. Потребность в земских учреждениях в Кабарде очень сильно чувствуется. Местные администраторы любят говорить о невежестве, безграмотности, необразованности кабардинского народа, отсутствие у него разного рода культурных учреждений, школ, больниц и т.д. Причина всех этих печальных явлений лежит, несомненно, в постоянной военной опеке над кабардинским народом, в отсутствии в нем самостоятельности, в отсутствии возможности самому ему судить о своих местных нуждах и пользах и заботиться об их удовлетворении. Словом, кабардинскому народу нужно земство, земство и земство». Автор выступал за учреждение бессословного земства «в том виде, как оно существует в России» [Кудашев 1913: X–XI].

В начале 1916 г. новый наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич издал приказ «о свободном избрании уполномоченных от каждого племени горцев для непосредственного общения с высшей в крае властью о местных нуждах». В составленной по этому поводу докладной записке о совершенствовании самоуправления во Владикавказском округе Г. Баев вновь предложил учредить регулярный съезд выборных как ключевой элемент в реорганизации общественного хозяйства, местном благоустройстве и представительстве народных интересов перед высшей кавказской властью [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 168. Л. 2–13]. Однако Николай Николаевич посчитал «многочисленный состав представителей от туземного народа крайне неудобным», а действительные цели инициированного диалога с общественностью оказались более прагматическими. Наместник «пожелал знать только таких выборных депутатов от каждой народности, через которых возможно было бы передавать правительственные распоряжения народу... причем таких постоянных представителей от народности признано желательным ограничить количеством от 3 до 6 человек» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 168. Л. 14].

Очевидным развитием земского проекта Г. Баева 1907 г. и докладной записки 1916 г. стало «Положение о заведывании кабардино-горским имуществом», вынесенное на рассмотрение Терского областного правления присяжным поверенным, бывшим юрисконсультom кабардинского народа и пяти горских обществ Б. Шахановым [Калмыков 1995: 114–117]. Принципиальным отличием проекта Б. Шаханова была направленность на детальную регламентацию и усовершенствование существующей регулярной практики управления съездом доверенных кабардинцев и балкарцев общественными пастбищами, лесом и капиталом. Кабардинскую общественную сумму Г. Баев неоднократно называл важным и перспективным преимуществом Нальчикского округа в развитии земского дела. В брошюре 1908 г. он писал: «Кабардинский народ имел за все это время свой народный капитал, часть которого шла на общие земские надобности Нальчикского округа, а часть обращалась в кредитных операциях. В настоящее время кабардинская сумма превысила 150 тыс. руб., из которых около 40 тыс. выдано в ссуду, главным образом, зажиточной части кабардинского народа землевладельцам» [Баев 1908: 33]. Основным источником пополнения Суммы стал доходы, выделенные пастбищными правилами 1889 г. Согласно установленному порядку:

«В видах облегчения жителей, преимущественно бедного класса, от тяжести подворного обложения на определенные государственные и земские надобности, а также для удовлетворения некоторых народных потребностей, с каждой десятины, отводимой в пользование фамилий и обществ пастбищной земли, устанавливается ежегодный сбор в размере десяти коп., который, вместе с поступающим ежегодно доходом с запасных лесных участков, обращается в общественный капитал кабардинского народа» [Кудашев 1913: 228]. Знатор особенностей форм общественной самоорганизации народов Терской области, Г. Баев предполагал, что, возможно, не всем народам понадобится введение земств, ввиду наличия приемлемых форм самоуправления: «Кабарда имеет самобытное земское самоуправление, покоящееся на целом ряде законодательных актов и полную возможность создать у себя истинно-народный банк. Мы глубоко верим в то, что культурный по своим славным историческим традициям, мирный по своему характеру, кабардинский народ и горцы Кабарды (балкарцы. – Д.П.) сумеют общими условиями повести это дело согласно потребностям жизни» [Баев 1908: 33–34].

В публикациях Г. Баева упоминалось о не вполне удачной судьбе осетинской общественной суммы, организованной в конце 1870-х гг. В земском проекте 190 г. для Владикавказского округа предполагалось упорядочить источники пополнения, формы обращения и распоряжения общественными капиталами [Баев 1907: № 40. С. 3]. Но реализовать эту задачу так и не удалось [Баев 1908: 35]. Также без утверждения остался и проект «Положения...» Б. Шаханова.

Таким образом, регулярный опыт деятельности съездов доверенных выступал для сторонников земского движения одним из наиболее убедительных доводов в пользу готовности народов Северного Кавказа к введению земского самоуправления. Для Г. Баева, который неоднократно отмечал несимметричность практик дозволяемого самоуправления для народов Терской области, объявление в начале 1905 г. заместителем И.И. Воронцовым-Дашковым открытого стремления к введению земства на Кавказе открыло потенциальные возможности через земское движение реализовать свой проект местного самоуправления через законодательную регламентацию съездов выборных для всей Терской области и, в 1907 г. для Владикавказского округа в частности. Также о стремлении добиться «народного депутатского собрания выборных от каждого селения» в 1908 г. заявляли карачаевские представители из Кубанской области [Карачаевец 1908; Цаликов 1910: Стлб. 9–10]. Однако такая аргументация, несмотря на публицистический размах, имела исключительно региональный резонанс и не получила поддержку кавказской администрации. Контролируемая регулярная практика съездов доверенных вполне устраивала региональные имперские власти, вероятно, поэтому с их стороны не были поддержаны ходатайства областных активистов земского движения о придании съездам доверенных симметричного характера по всем округам Терской области.

Адаптированный к военно-народному управлению опыт деятельности съездов доверенных был достаточно органичен политической традиции кабардинцев и балкарцев, обеспечивал определенный уровень самоуправления многими вопросами местной жизни и это стало одной из решающих причин отсутствия у представителей общественности целенаправленного стремления к введению иных форм земского самоуправления, что стало характерным для других народов Северного Кавказа.

Источники и литература

1. Айларова С.А. Статья Г.В. Баева «О введении земского самоуправления в Терской области» // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 6 (45). С. 111–113.
2. Баев Г. О введении земства в Терской области // Право. 1904. № 16. Стлб. 907–916.

3. *Баев Г.* О присоединении Малой Кабарды к Большой // *Пятигорский листок*. 1905. № 336. С. 2; № 337. С. 2; № 342. С. 1–2; № 343. С. 2.
4. *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // *Известия СОИГСИ*. 2011. № 6 (45). С. 114–126.
5. *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // *Терек*. 1907. № 36. С. 2; № 37. С. 2–3; № 38. С. 2; № 40. С. 2–3.
6. *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. 56 с.
7. *Бутаев А.-Б.* Письма горца. II. Подготовлены ли горцы к земскому самоуправлению? // *Русь*. 1907. 31 января. (13 февраля). С. 5.
8. *Волков Н.* К введению земства в Терской области // *Терские ведомости*. 1907. № 184. С. 2; № 185. С. 2.
9. *Волхонский М.А.* Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // *Кавказский сборник*. М.: «Русская панорама», 2006. Т. 3 (35). С. 87–106.
10. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. [Санкт-Петербург]: Гос. тип., 1907. 164 с.
11. *Дарчиева С.В.* К введению земского самоуправления в Терской области // *Известия СОИГСИ*. 2011. Вып. 6 (45). С. 101–104.
12. Законодательное предположение о введении земских учреждений в Терской области // *Терская жизнь*. 1914. № 109. С. 2.
13. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // *Из истории феодальной Кабарды и Балкарии*. Нальчик, 1981. С. 105–120.
14. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1995. 128 с.
15. *Карачаевец.* Ходатайство карачаевцев // *Терек*. 1908. С. 3.
16. *Караулов М. А.* Земство в Терской области // *Терские Ведомости*. 1914. № 16. С. 2–3; № 17. С. 2.
17. Исторические сведения о кабардинском народе: [К 300-летию дома Романовых / Изд. В.Н. Кудашева]. Киев: Типо-лит. С.В. Кульженко, 1913. 283 с.
18. *Розанов Н.* Земство на Северном Кавказе // *Пятигорский листок*. 1905. № 451. С. 4.
19. *П.* Старая история // *Каспий*. Баку. 1905. № 222. С. 2.
20. *Сапронов К. И.* Земское самоуправление в Терской Области // *Терек*. 1908. № 55. С. 2–3; № 56. С. 2.
21. *С-н М.* Земство Терской области // *Терек*. 1907. № 188. С. 2–3.
22. *УЦДНИ АС КБР* – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
23. *Цаликов Ах.* Административная практика и земство на Северном Кавказе // *Жизнь Кавказа*. 1910. № 4. Стлб. 1–12.
24. *Цаликов А.* Кавказ и Поволжье: очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. Москва: М. Мухтаров, 1913. 184 с.
25. *ЦГА РСО-Алания* – Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

CONVENTIONS OF TRUSTED KABARDINIANS AND BALKARS IN ZEMSTVO PROJECTS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Prasolov Dmitry Nikolaevich, Candidate of History, Head of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dmprasolov@gmail.com

The political and cultural experience of the intelligentsia of the peoples of the Terskaya oblast connected with the attempts to adapt the traditions of local self-government to the supposed zemstvo transformations in the Caucasus is considered. At the beginning of the XX century the experience of regular activity of the Congress of entrusted of Great and Small Kabarda and of the Five Highlander societies was used in reasoning of projects on introduction of zem-

stvo self-government in the Terskaya oblast. The Ossetian public figure and publicist G. Bayev became the main initiator of promotion of these ideas. His numerous publications and projects in which he tried to persuade regional authorities and the public about a possibility of organizing local zemstvo self-government based on congresses of trustees (elective assemblies) of rural societies were analyzed. The public representation of the projects contributed to the formation of ideas in the public consciousness of the regional intelligentsia about the forms of organic integration into the socio-cultural space of the Russian state. The experience of congresses of trustees adapted to the military-popular governance was organic to the socio-political tradition and provided a sufficient level of self-government in many issues of local life, which became one of the decisive reasons for the Kabardian public lack of purposeful aspiration for introduction of other forms of zemstvo self-government. For other peoples of the North Caucasus, the regular activity of congresses of trustees has become a model of desirable self-government. Controlled regular practice of congresses of trustees satisfied quite well the regional imperial authorities, that's why the aspiration of zemstvo movement activists to make this practice symmetric in other districts was not supported by them either.

Keywords: Kabardinians, Balkars, Nalchiksky District, Vladikavkazsky District, Terskaya Oblast, local self-government, congress of entrusted, zemstvo movement, G. Bayev, B. Shakhanov.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-38-46

НАЛЬЧИКСКИЙ ОКРУГ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yanex.ru

В статье исследуются вопросы организации властных структур в Нальчикском округе в период российской революции 1917 г. Показывается как обусловленность этих процессов общероссийским контекстом политической борьбы, так и специфические параметры их протекания. В качестве предмета исследования выступает институциональный конфликт между образовавшимися после Февральской революции Нальчикским окружным гражданским исполнительным комитетом и Советом рабочих и солдатских депутатов. Рассматривается этносоциальная характеристика этих структур, механизмы формирования и тактика борьбы, а также их взаимосвязь с политическими силами Терской области. Анализируются факторы усиления влияния социалистов в Нальчикском округе. В качестве ключевых выделяются следующие: приход большевиков к власти в центре страны, обусловивший начало масштабной кампании по их утверждению на окраинах; отсутствие организационного опыта в действиях областных властей – Терско-Дагестанского правительства, не способного оперативно реагировать на вызовы переходного периода в регионе, что на фоне активизации левых сил, в свою очередь дезорганизовывало его представительства на местах, в частности Нальчикский Исполком; кадровая политика большевиков, результатом которой стало формирование просоветской политической элиты из среды коренного населения, выступившей локомотивом революционного движения в регионах.

Ключевые слова: Нальчикский округ, революция, большевики, Временное правительство, советская власть, политическая борьба, Кабарда.

Процессы политической самоорганизации горских народов Северного Кавказа в период российской революции, в том числе, и вопросы, связанные с организацией органов власти, нашли отражение в постсоветских исследованиях. В работе А. Кажарова показано место Нальчикского округа в национально-демократическом движении в регионе в 1917–1918 гг. и, в частности, раскрыта роль представителей Кабарды и Балкарии в формировании и деятельности областных политических структур (Терский областной гражданский исполнительный комитет, Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана), входивших одновременно и в органы постфевральской администрации на местах (Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет) [Кажаров 2019: 67].

Т. Музаев описал структуру и состав органов власти Нальчикского округа в период между Февральской и Октябрьской революциями. Автор в своем исследовании также затрагивает институциональный конфликт, выразившийся в попытках левых сил региона через организацию земельных комитетов и совета крестьянских депутатов расширить политическое влияние, ограничив при этом властные полномочия поддерживающих курс Временного правительства представителей местной национальной интеллигенции [Музаев 2012: 25, 143].

В исследовании Д. Прасолова прослежена эволюция сложившегося во второй половине XIX в. органа самоуправления коренного населения Нальчикского округа (Съезда доверенных Кабарды и пяти горских обществ) в условиях революционного времени. Если до падения самодержавия компетенция этого органа распространялась лишь на хозяйственную, общественную и культурную сферы, то после Февраля 1917 г., как отмечает автор, «съезды доверенных эволюционируют в ключевой политической институт Нальчикского округа», проявивший себя как «важнейший механизм легитимации окружных властей» [Прасолов 2019: 58].

Сложившаяся в России после Февральской революции политическая система оказалась институционально неустойчивой. Весь «февральский» период развития российской революции сопровождался политическими кризисами, попытками государственных переворотов и протестными настроениями. Подобная ситуация была обусловлена борьбой за власть двух политических сил – Временного Правительства и Совета рабочих депутатов, то есть установившимся двоевластием. Режим двоевластия, однако, был свернут в июле 1917 г. после подавления большевистского выступления и монополизации власти в стране Временным правительством.

Как отмечает У.А. Улигов, «двоевластие, сложившееся после Февральской революции 1917 г. в центре, сказалось и на организации власти на окраинах, в том числе в Терской области» [Улигов 1979: 53]. Однако, если в центре страны Советы, опиравшиеся на солдатские части, обладали реальными возможностями на монополизацию своей власти, то в регионах, в частности, в Терской области, их влияние в указанный период было не столь очевидным.

Февральская революция 1917 г. открыла перспективы участия коренного населения Северного Кавказа в политической жизни региона. Последовавший после падения монархии и ослабления административного прессинга всплеск этнополитической мобилизации сопровождался вовлечением горцев в процессы организации власти. Горская национальная элита совместно с казачьим и русским населением образовала Терский областной гражданский исполнительный комитет. В «Положении о временном самоуправлении Терской области», принятом на состоявшемся в мае 1917 г. во Владикавказе областном съезде, были определены полномочия и задачи этого органа власти. Исполнительный комитет объявлялся высшей исполнительной властью, руководствующейся в своей деятельности распоряжениями Временного правительства и координирующей формирование и взаимодействие управленческих структур на местах – в горских округах, казачьих отделах и городах Терской области [Терский вестник, 1917, 20 мая]. В состав Терского исполкома от Нальчикского округа вошли П. Коцев, занявший место председателя, Т. Шакманов в должности секретаря и Б. Шаханов в должности старшего помощника комиссара Терской области.

Решая задачи представительства в областных органах власти, горские лидеры приступили к формированию «собственных» управленческих структур, деятельность которых фокусировалась на вопросах социально-политического, экономического и культурного развития коренного населения. Такой структурой стал «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», образованный в мае 1917 г. во Владикавказе на Первом съезде представителей горских народов Кавказа.

В политической системе региона «Союза горцев», по мнению В. Кажарова, позиционировался не альтернативной областной властью структурой, с противоположной повесткой, но «выступая выразителем интересов конкретно горского населения, находился с ней во взаимодействии» [Кажаров 1999: 35]. Тем не менее, со временем, в условиях обострения политического кризиса, ослабления влияния Временного правительства и его представительств на местах произошла трансформация «Союза горцев». Начав деятельность, как своего рода общественно-

политическая организация, он сложился как орган высшей власти в Дагестане и в национальных округах Терской области – Горское правительство. Эта трансформация предопределила и эволюцию окружных органов власти, в частности, Нальчикского окружного гражданского исполнительного комитета, который после свержения Временного правительства и до момента провозглашения советской власти на Тереке, фактически стал суверенной структурой, координировавшей свою деятельность лишь с «Союзом горцев».

В марте 1917 г. был организован Терский совет рабочих и солдатских депутатов, который координировал деятельность сформированных в это же время городских и слободских (Грозный, Владикавказ, Кисловодск, Нальчик, Прохладная) советов в Терской области. Состав этих советов в партийном отношении не был чисто большевистским и в большинстве случаев на начальном этапе революции здесь преобладали эсеры. В то время Советы на Тереке явно не обозначали амбиции на монополизацию власти и, поддерживая политический курс Временного правительства, выступали за коалиционный принцип организации управленческих структур в регионе.

Формирование органов власти в Нальчикском округе (Кабарда и Балкария) проходило в русле политических процессов в Терской области. После Февральской революции здесь был образован на выборной основе Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет, члены которого представляли национальную интеллигенцию. Комиссаром Нальчикского округа стал кабардинец, юрист Х. Чижоков. Нальчикский исполком работал в тесном взаимодействии, как с областной властью Терека, так и с «Союзом объединенных горцев», о чем сказано выше.

В это же время в Нальчикском округе организуются и социалисты, как политическая сила, претендующая на власть. В этом процессе отчетливо прослеживалось влияние внешнего фактора. Из областного центра Владикавказа и других городов в Нальчик прибывают профессиональные партийные работники, члены РСДРП – И. Осокин, М. Кольбус, Алексеева. Усилиями этих лиц 29 марта 1917 г. здесь создается организация Российской социал-демократической рабочей партии, которая, в свою очередь, сыграла важную роль в образовании органа власти «трудового народа» в Нальчикском округе – Совета рабочих и солдатских депутатов.

В Нальчикском округе в постфевральский период имелись две силы, претендовавшие на власть – Окружной гражданский исполнительный комитет и Советы рабочих и солдатских депутатов [Улигов 1979: 66]. Однако следует уточнить, что в качестве претендентов выступали только советы, поскольку реальная власть, избранная демократическим путем, легитимизированная съездом доверенных Кабарды и Пяти горских обществ (балкарцев) [Прасолов 2019: 51], и, соответственно, представляющая коренное население округа, находилась в руках Окружного исполкома.

Таким образом, с первых дней создания Совета его деятельность вступила в противоречия с политическим курсом администрации окружного комиссара Х. Чижокова. Члены совета, пытаясь укрепить свои позиции и расширить свою социальную базу, при содействии владикавказских большевиков, в частности С. Кирова, на митингах в селениях, начали проводить агитацию за немедленные наделения малоземельных крестьян пахотными и пастбищными участками. Подобные действия спровоцировали несанкционированные захваты крестьянами участки крупных землевладельцев, что в свою очередь обостряло социальные противоречия в округе.

Угроза анархизации ситуации в округе потребовала вмешательства областных властей, которые 28 мая 1917 г. уведомили Нальчикский Совет рабочих и солдатских депутатов о том, «...что всякие провокаторские выступления и попытки натравить одну часть населения на другую, вносящие смуту и мешающие спокойной работе демократических организаций, будут преследоваться по всей

строгости закона» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 58]. В свою очередь, администрация Х. Чижокова предпринимала меры для нейтрализации социальной конфликтности. Члены Окружного исполкома в «Воззвании к населению Нальчикского округа» призвали «не допускать в отношении бывших арендаторов никаких насилий, не разорять и не ломать построек, ... дав им возможность без ущерба угнать табуны и скот, тем самым устранить возможность возникновения враждебного отношения одной части населения к другой, столь пагубного для всего народа, в переживаемое тяжелое время» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 41].

Помимо проведения агитационных собраний и митингов Нальчикский совет пытался распространить свою компетенцию и на правоохранительную сферу округа. Если формирование по инициативе Совета дружин по охране слободы Нальчик не встречало открытых возражений со стороны окружной администрации, то санкционированный им 18 июля 1917 г. обыск на квартире полковника Б. Мамышева, якобы оборудовавшего склад оружия, являлся недопустимым превышением полномочий этого органа.

Для расследования произошедшего инцидента в Нальчике были командированы из Владикавказа члены Терского областного гражданского исполнительного комитета. В своем отчете последние сообщили следующее: «по приезде в Нальчик был произведен опрос сторон. Было сообщено, что... по распоряжению председателя Совета рабочих и солдатских депутатов у Барасбиева (имеется ввиду Барасби Мамышев, – О.Ж.) был произведен обыск, который не дал никаких положительных результатов, и это вызвало протест комиссара округа, с этого времени главным образом и обострились отношения. Организаторами Совета... были Карпинский и Павлов, которые через Совет стали распространять свое влияние. Гражданский исполнительный комитет округа признал Совет, поскольку он являлся контролирующим органом, но когда Совет стал вмешиваться во внутренние распоряжки округа и комитета, то последний заявил, что он этого не допустит. Глухая доселе борьба перешла в открытую» [Документы по истории... 1983: 39].

Комиссар округа Х. Чижоков после случившегося посчитал необходимым ограничить властные амбиции местных социалистов. Заявив, что «в Нальчике не было никакого смысла организовывать Совет рабочих и солдатских депутатов, так как рабочих в Нальчике слишком мало, а гарнизон таков, что достаточно было бы и ротного комитета», он инициировал судебное разбирательство над Карпинским и Павловым, по итогам которого последние были выдворены из пределов Нальчикского округа [Документы по истории... 1983: 39].

На этом борьба за политическое влияние в Нальчикском округе между Советом и Исполкомом завершилась в пользу последнего. Новый виток конфронтации между этими структурами связан с Октябрьской революцией, когда большевики, придя к власти в центре страны, стремились утвердиться и на местах, в том числе и в Терской области. Политическое руководство региона, представленное Терским областным гражданским исполнительным комитетом, «Союзом горцев...» и правительством Терского казачьего войска, не признав легитимность большевистской власти, образовали Терско-Дагестанское правительство. Мотивы такого решения были озвучены в специальной декларации, составленной его членами 5 декабря 1917 г., в которой подчеркивалось: «Падение Временного правительства под ударами большевиков оставило страну без общепризнанной власти... Временное правительство Союза горцев Кавказа и Войсковое правительство Терского Казачьего Войска признали необходимым временно отказаться от части своих полномочий и образовать совместно с Союзом городов Терской и Дагестанской областей Временное Терско-Дагестанское правительство, облеченное впредь до создания основных законов полнотой общей и местной государственной власти» [Союз объединенных горцев 1994: 93, 94].

С этого времени основной задачей органов власти региона становится противостояние местным советам, в которых все большую роль начинают играть большевики, а также нейтрализация солдатских частей, вовлекаемых последними в борьбу за советскую власть. Существенную поддержку в этом деле руководству региона оказали полки вернувшегося с фронтов Первой мировой войны на родину Кавказского конного корпуса (Дикая дивизия), сформированного из представителей коренного населения Северного Кавказа. В. Яргулян отмечает, что «реальной силой Терско-Дагестанского правительства были переброшенные на Терек и в Дагестан полки «дикой» дивизии, переформированной в корпус. Полки по решению штаба Половцева были размещены по этнографическому признаку, что служило маскировкой для занятия всех важнейших пунктов Северного Кавказа, чтобы противодействовать находившимся там большевистски настроенным частям» [Яргулян 1980: 115]. В Нальчикском округе силами Кабардинского полка началось разоружение солдатских частей как дислоцированных, так и оседавших здесь соединений, возвращавшихся через Терскую область в центральные губернии России с Кавказского фронта. Последние активно организовывались большевиками в подконтрольные им ополчения. «Большую помощь нальчикским большевикам в их работе, как вспоминал очевидец событий того периода М. Зацепилин, оказывали солдаты старой армии, находящиеся в Нальчике на излечении в лазаретах, и ряд солдат ополченцев 251-й Самарской дружины» [А ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 22. Л. 3]. Пробыльшевистски настроенным оказался и задержавшийся в Нальчике артиллерийский дивизион. «Солдаты дивизиона, – отмечал офицер Кавказского корпуса К. Чхеидзе, – начали высказываться и действовать в духе большевизма. Ни в одном полку Дикой дивизии не было ничего подобного тем настоящим дикостям, которые совершались в частях разлагающейся Русской Армии. Солдаты-артиллеристы являлись грозой населения» [Чхеидзе 2008: 34].

В середине ноября 1917 г. Самарская дружина и артдивизион под угрозой применения силы были разоружены Кабардинским конным полком и выдворены из Нальчикского округа [Чхеидзе 2008:34]. В этих условиях местный Совет рабочих и солдатских депутатов прекратил свое существование. Ряд его членов-большевиков (И. Осокин, М. Кольбус и др.) покинули Кабарду. Передислоцированный в Нальчик Кабардинский полк, таким образом, стал опорой администрации Чижокова и, укрепив его политическое влияние, позволил взять под контроль разворачивающиеся здесь события.

Однако такая ситуация оказалось временной. Неспособность Терско-Дагестанского правительства решить насущные проблемы населения региона, связанные с расстройством хозяйственной жизни, малоземельем горских обществ, межнациональной конфронтацией неуклонно ослабляло его популярность и влияние в различных слоях общества. На этом фоне популизм большевиков с их лозунгами широкой автономии, справедливого перераспределения земельного фонда создавал вокруг них ореол твердой власти, способной удовлетворить ожидания от переходного периода. Как писал К. Чхеидзе, большевики на Терке «обещали создать новую жизнь и мир и вполне определенно указывали пути к этому миру, и как этот мир будет выглядеть. Они не стеснялись обещаниями, каждому сулили по его вкусам. А это очень важно отметить! Малоземельным горцам они немедленно обещали землю; и откровенно намекали на Зольские пастбища кабардинцев; кабардинцам обещали выселить с их земель казаков; ингушам отдавали казачьи станицы и т.д. – и не обещали ничего кроме свободы и пролетарской революции казакам. Но в угаре тогдашних дней и казаки в некоторой части шли за большевиками» [Чхеидзе 2008: 27, 28].

В начале 1918 г. большевики предпринимают меры по созданию своих партийных ячеек в национальных округах Терской области, одновременно вовлекая в их деятельность представителей коренного населения оппозиционно настроенного к действующей власти.

17 января в Нальчике при содействии направленного сюда Кавказским крайкомом партии опытного функционера Г. Русакова была создана окружная организация РСДРП(б), в руководящее ядро которой вошли, помимо прочих, местные крестьянские активисты: Б. Калмыков, Ю. Настуев, З. Мидов, А. Пшуков и др. Эти деятели развернули широкую агитационную кампанию в населенных пунктах Нальчикского округа, пропагандируя в среде коренного населения идеи социалистической революции. Практической целью данной кампании являлось не взятие власти непосредственно в Нальчикском округе, но формирование сплоченной общей идеей и интересами группы для участия в готовящихся съездах народов Терской области, призванных консолидировать широкие слои населения региона в деле провозглашения здесь советской власти. Решение этой задачи делало вопросом времени приход этой группы к власти в Нальчикском округе.

Первый съезд народов Терской области, состоявшийся в Моздоке с 25 по 31 января 1918 г., сформировал высший орган власти – Терский областной народный Совет. Второй съезд, собравшийся 15 февраля в Пятигорске 4 марта 1918 г., признал власть Совета народных комиссаров и провозгласил образование Терской советской республики. Не в последнюю очередь эти решения были приняты благодаря принципиальной позиции делегации Нальчикского округа, самой многочисленной (131 человек) на этом форуме.

Администрация Х. Чижокова, понимая, что теряет контроль над ситуацией в Нальчикском округе, в период проведения народных съездов пыталась блокировать действия этой делегации, отказывая ей в легитимности. В телеграмме, направленной Пятигорскому съезду, окружной исполком заявил, «что население округа разделяет убеждения Терско-Дагестанского правительства, а делегаты от кабардинцев и балкарцев не обладают полномочиями решать поднятые съездом вопросы» [Документы по истории... 1983: 95].

Однако предпринятые усилия не возымели должного действия на членов делегации, которые объявили о создании Кабардинского народного совета как высшего исполнительного органа в Нальчикском округе, который, после провозглашения здесь 21 марта 1918 г. советской власти, был преобразован в Нальчикский окружной народный совет. Эти события знаменовали собой не только победу в борьбе за власть левых сил, но и смену политической элиты в Нальчикском округе. Управленческие функции, традиционно являвшиеся прерогативой высших сословий, отныне перешли в руки представителей «народных низов».

Итоги политической борьбы в Терской области и, в частности, в Нальчикском округе во многом обуславливались развитием событий в общероссийском масштабе, однако отражали и специфику региона. Так, в отличие от центра страны с его многочисленным рабочим классом, где левым силам удалось составить конкуренцию буржуазии, что привело к двоевластию, а, конечном итоге, к монополизации власти большевиками, в аграрных окраинах, к которым относилась и Терская область, идеи диктатуры пролетариата были малопривлекательны. Это обстоятельство обусловило укрепление властных позиций в регионе «национальной буржуазии», для которой демократический курс Временного правительства открывал перспективы автономизации. Однако после прихода большевиков к власти в центре страны их влияние на политические процессы на местах заметно усиливается. В Терской области этому способствовали щедро раздаваемые ими обещания широкой национальной автономии, намерения решить проблему малоземелья горского и иногороднего населения, погасить межэтнические конфликты. Важной составляющей советизации региона являлись усилия большевиков по формированию местной лояльной управленческой элиты. Если после Февральской революции 1917 г. левый лагерь в Нальчикском округе был представлен по большей части командированными сюда деятелями, не имевшими в отличие от членов Окружного гражданского исполнительного комитета авторитета и влияния

в среде коренного населения, то, предпринятая большевиками в начале 1918 г. активная кооптация в революционное движение местных кадров, позволила организовать их в политическую силу, претендующую на монополизацию власти.

Источники и литература

1. *А ИГИ КБНЦ РАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
2. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922). Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.
3. *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. 408 с.
4. *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.
5. *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2012. 608 с.
6. *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 208 с.
7. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала: Юпитер, 1994. 440 с.
8. Терский вестник. 1917. 20 мая.
9. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 354 с.
10. *УЦДНИ АС КБР* – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
11. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков: Гражданская война в Кабарде. Нальчик: Кавказская здравница, 2008. 120 с.
12. *Ягулян В.И.* В борьбе за войско революции: Борьба большевиков Дона и Северного Кавказа за создание Вооруженных Сил революции (март 1917 – апр. 1918 г.). Краснодар: Кн. изд-во, 1980. 191 с.

NALCHIK DISTRICT DURING THE FEBRUARY AND OCTOBER REVOLUTIONS: THE FORMATION OF A NEW ADMINISTRATION AND THE STRUGGLE FOR POWER

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, Associate Professor, Researcher of the New History Section of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article examines the issues of the organization of power structures in the Nalchik district during the Russian revolution. It shows both the conditioning of these processes by the all-Russian context of the political struggle, and the specific parameters of their course. The subject of this research is the institutional conflict between the Nalchik District Civil Executive Committee, formed after the February Revolution, and the Workers council and 'Soldiers' Deputies. The ethnosocial characteristics of these structures, the mechanisms of formation and tactics of struggle, as well as their relationship with the political forces of the Terek region are considered. The factors of strengthening the influence of socialists in the Nalchik region are analyzed. The following are distinguished as key ones: the coming of the Bolsheviks to power in the center of the country, which led to the beginning of a large-scale campaign for their approval in the outskirts; the lack of organizational experience in the actions of the regional authorities – the Terek-Dagestan government, unable to respond quickly to the challenges of the transition period in the region, which, against the background of the activation of left forces, in turn disorganized its local representation, in particular the Nalchik Executive Committee; the personnel policy of the

Bolsheviks, which resulted in the formation of a pro-Soviet political elite from among the indigenous population, which acted as the locomotive of the revolutionary movement in the regions.

Keywords: Nalchik district, revolution, Bolsheviks, Provisional government, Soviet power, political struggle, Kabarda.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-47-54

СОЗДАНИЕ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ И ИХ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Кармов Амерби Хазретович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), karmovamerbi@mail.ru

В статье дается краткий историографический обзор, анализируются источники и литература по исследуемой теме, освещаются решения Центральных и областных органов власти по интенсификации сельскохозяйственного производства путем усиления темпов коллективизации сельского хозяйства и рационального использования сельскохозяйственной техники.

Основное внимание уделяется государственным мероприятиям по созданию машинно-тракторных станций (МТС) и обеспечению крестьянских хозяйств сложным сельскохозяйственным инвентарем. На основе анализа архивных материалов раскрыта роль экспортного фонда в организации машинно-тракторных станций в Кабардино-Балкарской автономной области. Доказывается, что импортная сельскохозяйственная техника приобреталась за границей в основном за счет экспортного фонда, созданного под жестким давлением властей путем отчисления части заработной платы колхозников в данный фонд. При этом следует иметь в виду, что до 17 июня 1930 г, т.е. до выпуска первого трактора массового производства на Сталинградском тракторном заводе, трактора и прицепные механизмы покупали в Европе и Америке. Отмечается, что первая машинно-тракторная станция появилась в Кабардино-Балкарии в 1929, 1930 – Баксанская и Урванская МТС, в 1931 г. была организована Нагорная МТС. Важно подчеркнуть, что на МТС возлагалась не только задача обслуживания колхозников путем предоставления технических услуг в проведении сельскохозяйственных работ, но и организации колхозной жизни на селе.

Ключевые слова: МТС, экспортный фонд, колхоз, Трактороцентр, Хлебоцентр, Севкавказсоюз, совхоз Т. Шевченко.

После победы большевиков в октябре 1917 г. перед властью встала первоочередная задача перевода отсталого, мелкокрестьянского сельского хозяйства на социалистический путь развития. Ее практическое воплощение стало жизненно необходимым для сохранения и укрепления новой большевистской власти и советского государства. План решения этого сложнейшего вопроса В.И. Ленин изложил в своих работах «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О придании законодательных функции Госплану» и др. [Ленин 1970: 349–407].

В этих статьях и в ряде других работ В.И. Ленин разработал план, согласно которому кооперация крестьянских хозяйств являлась единственно верным путем преобразования сельского хозяйства на социалистических началах. Необходимым условием этого процесса он считал перевод сельскохозяйственного производства на базу машинной техники. Решение данного вопроса В.И. Ленин видел только в наличии мощной тяжелой индустрии и высоко развитого машиностроения, способного вооружить сельское хозяйство современной сельскохозяйственной техникой. Ленин считал создание материально-технической базы коллективизации

крестьянских хозяйств одной из основных задач советской власти. Именно это имел в виду В.И. Ленин, когда говорил: «если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это – фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т.е. за коммунизм)» [Ленин 1969: 204]. Однако поставленная задача была решена в результате реализации новой экономической политики, заложившей материально-техническую основу механизации сельскохозяйственного производства и появления первых машинно-тракторных колонн, которые со временем были преобразованы в машинно-тракторные станции (МТС). Они сыграли существенную роль в становлении колхозного строя как в целом по стране, так и по регионам, в том числе и в Кабардино-Балкарии.

В этой связи следует отметить, что в региональной историографии сделано очень много по исследованию аграрных преобразований в кабардино-балкарской деревне для воссоздания объективной картины социально-экономических процессов. Достаточно полное освещение получили важнейшие аспекты колхозного строительства в КБАО. Тем не менее, к числу недостаточно исследованных тем по-прежнему относится роль машинно-тракторных станций в укреплении колхозной системы Кабардино-Балкарии.

В монографии «История народного хозяйства Кабардино-Балкарии» Т.А. Жакомихов приводит не полные данные о количестве МТС в области и ошибочно утверждает, что в 1934 г. в Кабардино-Балкарии работала одна МТС с 23 тракторами, которая была организована еще в 1929 г. [Жакомихов 1967: 54]. Очевидно, он имел в виду Мало-Кабардинскую МТС. Конечно же, за пять лет в области появились и другие машинно-тракторные станции, о которых речь пойдет ниже.

В статье «К вопросу о техническом оснащении социалистического сельского хозяйства» Т.А. Жакомихов подчеркивал мысль о том, что опираясь на материальные потребности развития общества и в интересах народа, партийно-политическое руководство страны начало перевооружение сельского хозяйства на базе новой техники. Для этого раздробленные крестьянские хозяйства постепенно были объединены в крупные коллективы и была создана система машинно-тракторных станций, помогавшая крестьянству осваивать новую технику и коллективизировать труд.

С точки зрения Т.А. Жакомихова машинно-тракторные станции явились необходимой ступенью в общем развитии социалистического хозяйства. Они сыграли огромную роль в обслуживании колхозов тракторами, сложными машинами, в оказании им агротехнической помощи в борьбе за высокий урожай, в решении основных вопросов, связанных с реконструкцией сельского хозяйства и др.

Автор утверждал, что в форме МТС выявлена и проверена на массовом опыте организация Советским государством крупного коллективного сельского хозяйства на высокой технической базе, в котором наиболее полно сочетается самодельность колхозных масс в строительстве своих коллективных хозяйств с организационной и технической помощью и руководством пролетарского государства. В упомянутой статье освещается роль политотделов МТС Кабардино-Балкарии в борьбе против антиколхозных элементов [Жакомихов 1955: 11–12].

В статье «История МТС и их роль в развитии колхозного строя КБАССР» Т.А. Жакомихов анализирует состояние экономики с точки зрения реконструкции народного хозяйства области, вообще, и сельского хозяйства, в частности. При этом он особо подчеркивает значение развернувшегося в конце 1920-х – начале 1930-х гг. крупномасштабного строительства тракторных заводов и заводов сельскохозяйственного машиностроения. По утверждению автора, выпуск тракторов отечественного производства стимулировал возникновение машинно-тракторных станций, которые превратились «в одну из важнейших форм производственной смычки между городом и деревней, как могучий рычаг (вместе с совхозами) социалистического переустройства сельского хозяйства, как опорные пункты руководства и помощи колхозам со стороны государства» [Жакомихов 1959: 32–34].

Следует отметить, что в своих статьях Т.А. Жакомихов уделяет основное внимание работе МТС в послевоенный период, а также реформе 1958 г. по реорганизации машинно-тракторных станций и созданию на их базе ремонтно-технических станций (РТС). Ее суть заключалась в передаче сельскохозяйственной техники в полном объеме колхозам, которые были обязаны выкупить ее независимо от их финансово-экономического положения.

Вопрос о создании машинно-тракторных станций рассматривался и в работах А.К. Текуева. В монографии «Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства» он проанализировал постановления вышестоящих партийных и советских органов касательно организации МТС на Северном Кавказе. В частности, он указал на важность предложения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О реконструкции сельского хозяйства в районе Мало-Кабардинского обводнительного канала», принятого на заседании бюро крайкома партии 26 июля 1929 г. и последовавшие за ним практические шаги по решению этой проблемы. Также автор осветил некоторые вопросы, связанные с созданием политотделов при МТС и совхозах [Текуев 1960: 73–118].

В статье «Роль машинно-тракторных станций и развитие колхозного движения (1927–1929 гг.)» А.К. Текуев рисует общую картину создания машинно-тракторных станций в целом, как по СССР, так и по Российской Федерации, а Кабардино-Балкарская область упоминается в ней в контексте общесоюзных и общероссийских показателей количественных и качественных параметров роста и развития колхозного движения и место в нем машинно-тракторных станций. Также он раскрывает значение машинно-тракторных колонн и машинно-тракторных станций в социалистическом преобразовании деревни [Текуев 1957: 257–277].

В монографии Х.М. Бербекова «Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии» отмечается роль машинно-тракторных станций в ломке старого уклада жизни горцев и осуществлении технической реконструкции сельского хозяйства в области. Последняя выступала в качестве первоочередной задачи, так как без механизации сельскохозяйственного производства поднять сельское хозяйство до соответствующего уровня было невозможно [Бербеков 1963: 209–210].

Значение машинно-тракторных станций с точки зрения технического перевооружения сельскохозяйственного производства раскрывается в кандидатской диссертации Н. Лавровой, где показана динамика роста и развития машинно-тракторных колонн и МТС в Кабардино-Балкарии. По данным автора, «если в 1929 г. в национальных областях была только одна Мало-Кабардинская МТС, а в конце 1930 года – 7, то к началу весеннего сева 1931 г. имелось 14 МТС, в которых насчитывалось 631 трактор, свыше 9200 различных современных сельскохозяйственных машин и орудий». Здесь же дается таблица, характеризующая количественные и качественные параметры МТС на территории Кабардино-Балкарии [Лаврова 2004: 114]. При этом она подчеркивает, что создание материально-технической базы сельского хозяйства проходило в национальных областях более быстрыми темпами, чем в центральных районах страны, поскольку здесь оказывалась значительная помощь государства. Только за один 1932 год Кабардино-Балкария получила кредит на развитие животноводства в размере 2 554 000 рублей [Лаврова 2004: 115].

Из анализа опубликованных в разное время работ по исследуемой теме видно, что развитие машинно-тракторных станций в Кабардино-Балкарии представляло собой сложный и динамичный процесс изменений от малочисленных тракторных товариществ до крупного, технически оснащенного государственного предприятия, которое стало одним из организаторов колхозной жизни на селе. На определенном этапе развития эти товарищества, объединенные в более крупные отряды, продемонстрировали свой потенциал с точки зрения организации и управления сельскохозяйственным производством. Такой отряд из 10 тракторов, обслуживавший

бедняцкие и середняцкие хозяйства, возник на Украине, в Одесской области при совхозе имени Т. Шевченко. Результат их труда был настолько впечатляющим, что в 1928 г. на его базе была создана первая в СССР машинно-тракторная станция, предоставлявшая сельскохозяйственную технику колхозам. Партийно-государственные органы страны по достоинству оценили украинский опыт и увидели в этом мощный рычаг перевода крестьянских хозяйств на социалистический путь развития. Достижение украинских новаторов было настолько разрекламировано по всей стране, что совхоз имени Т. Шевченко превратился в место частых посещений заинтересованными лицами. Во всяком случае, так оценивал обстановку на месте член правления Облмашнабсоюза Кабардино-Балкарии, технорук Вашурин. В докладной записке «О результате поездки на Украину по изучению работ тракторных отрядов в совхозе имени Тараса Шевченко он писал: «Момент посещения совхоза имени Тараса Шевченко совпал с массовым паломничеством разного рода научных комиссий, экскурсий и отдельных лиц со всех концов СССР. Для изучения работ тракторных отрядов нас в один день съехалось до 30 тыс. представителей. Среди них представители Наркомзема РСФСР во главе с профессором Руденко, представители Наркомзема УССР, Укрсельгтреста, Укрколхозобъединения, Одесская окружная комиссия из представителей советских, партийных и других организаций и, наконец, Германская комиссия во главе с профессором Берлинской сельскохозяйственной академии с участием одесского генерального консула и вице-консула» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 222. Л. 10].

Состоявшаяся в апреле 1929 г. XVI конференция ВКП (б) признала, что только МТС может стать одной из главных форм производственной смычки с крестьянством, а 5 июня 1929 г. Совет труда и обороны СССР принял постановление «Об организации машинно-тракторных станций». ЦО СССР высоко оценил положительные результаты работы машинно-тракторной станции в совхозе имени Шевченко, что выразилось в усилении коллективизации крестьянских хозяйств, поднятии их производительности и максимальном использовании тракторов. Он признал необходимым приступить к широкому строительству машинно-тракторных станций, как одному из основных путей к переустройству индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства. В соответствии с постановлением ЦО СССР был организован Всесоюзный центр машинно-тракторных станций – «Трактороцентр».

10–17 ноября 1929 г. прошел пленум ЦК ВКП(б), на котором была принята резолюция «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства». В ней отмечалось, что бурный рост колхозного движения ставит перед партией ряд новых сложных задач, выявляет новые трудности и недостатки колхозного строительства. Это, прежде всего, низкий уровень технической базы колхозов, плохая организация и низкая производительность труда, острый недостаток кадров и «нередко прямая неудовлетворительность руководящих органов колхозного движения». Все это порождало издержки и промахи в работе. Вместе с тем пленум решительно подчеркивал, что сдерживание темпов коллективизации под предлогом этих трудностей недопустимо.

Пленум указал на наиболее острые проблемы и пути их решения: создание материально-технической базы для социалистического преобразования деревни, эффективное использование имеющегося сельскохозяйственного инвентаря, неукоснительное соблюдение трудовой дисциплины, борьба против антиколхозных элементов и др.

Пленум ЦК ВКП(б) одобрил постановление Политбюро о расширении плана тракторостроения и машиностроения, о немедленном начале строительства двух новых тракторных заводов с производительностью 50 тыс. тракторов (гусеничных) и двух заводов комбайнов, расширении заводов сложных сельскохозяйственных машин и продукции химической промышленности и т.д.

Пленум признал необходимым развертывание строительства электростанции и электромашин для сельского хозяйства и для переработки сельскохозяйственных продуктов. Он выразил уверенность в том, что всемерное развертывание этого крупномасштабного строительства создаст необходимую техническую базу. Пленум счел необходимым приступить немедленно к привлечению средств крестьянского населения страны на финансирование строительства тракторных заводов и заводов сельскохозяйственного машиностроения, развернуть широкую компанию в колхозах по образованию специального экспортного фонда для закупки импортных тракторов [КПСС в резолюциях...1984: 31–32].

Пленум констатировал, что «мощным резервом, из которого должны черпаться руководящие кадры строителей социалистического земледелия, являются индустриальные рабочие. ЦК считает необходимым ... направить в деревню в течение ближайших месяцев на работу в колхозы, машинно-тракторные станции, кустовые объединения и т.д. не менее 25 тыс. рабочих с достаточным организационно-политическим опытом» [КПСС в резолюциях ... 1984: 34].

В соответствии с резолюцией ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) в январе 1930 г. в Кабардино-Балкарию прибыла первая группа в 38 человек. В феврале того же года из Ростова-на-Дону приехала вторая группа в составе 24-х человек. Они были распределены по селам, где должны были вести широкую организаторскую и массово-политическую работу. Наиболее технически грамотные рабочие назначались в качестве ведущих специалистов и организаторов МТС. Так, один из двадцатипяти тысячников, Монахов, был назначен заведующим ремонтной мастерской Баксанской МТС. Первой в области завершив весенний сев, Баксанская МТС, в ответ на призыв Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), решила оказать помощь соседнему Георгиевскому району в окончании сева [Петренко 1954: 14]. В средствах массовой информации эта помощь преподносилась как проявление чувства братства и интернациональной дружбы между кабардинцами и казаками.

Между тем деятельность 25-тысячников в Кабардино-Балкарии носила двусмысленный характер. Действительно, как отмечено выше, квалифицированный труд присланных в область рабочих всегда был востребован и многие из них связали свою судьбу с Кабардино-Балкарией. В то же время, были обнаружены и негативные моменты в деятельности некоторых из них. Эти негативные проявления были обсуждены на заседании бюро обкома партии 12 марта 1930 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 146].

3 апреля 1930 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) была обсуждена телеграмма ЦК о рабочих, присланных в счет 25-тысячников и оно постановило: «В связи с тем, что Кабардино-Балкарская область не является районом сплошной коллективизации, а посылка рабочих исходила из этого расчета, считать необходимым обратное откомандирование части рабочих». Наряду с этим, было признано целесообразным оставление части рабочих на советской, партийной и кооперативной работе [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 6].

Здесь следует обратить особое внимание на то, что в соответствии с решением Ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), 27 ноября 1929 г. бюро Северо-Кавказского крайкома партии приняло специальное постановление «О сплошной коллективизации Северного Кавказа», согласно которому коллективизация края должна быть завершена в целом не позже середины 1931 г., а 4 декабря 1929 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) и крайисполком совместно определили темпы коллективизации крестьянских хозяйств в крае. При этом сообразно с уровнем хозяйственного и культурного развития округов образовали два района коллективизации. В первую очередь должны были закончить коллективизацию на территории с русским населением края, а также Адыгейской и Северо-Осетинской областей. «Остальные национальные области, в том числе и Кабардино-Балкарская, были отнесены к району второочередной коллективизации» [Текуев 1960:80] в рамках

установленного срока коллективизации по Северо-Кавказскому краю. Такое решение не противоречило постановлению ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государству колхозному строительству» от 5 января 1930 г. [КПСС в резолюциях... 1984: 73]. Однако Кабардино-Балкарский обком партии и Облисполком так интерпретировали решение Северо-Кавказского крайкома партии и крайисполкома 4 декабря 1929 г., как указано в вышеприведенном архивном документе, что добились отзыва части рабочих, присланной в числе 25 тысячников.

Повсеместное строительство машинно-тракторных станций началось после постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государству колхозному строительству». В этом документе впервые партия провозгласила политику ликвидации кулачества как класса. В постановлении подчеркивалось, что «в соответствии с изменением условий в районах сплошной коллективизации, машинно-тракторные станции, объединяемые Всесоюзным тракторным центром, должны перестроить свою работу на основе: а) договоров по преимуществу, если не исключительно, с коллективами; б) обязательств крестьян погасить стоимость работ станций в течение 3 лет» [КПСС в резолюциях... 1984: 74]. Эти основополагающие партийные и государственные документы придали новый импульс делу механизации сельскохозяйственного производства в Кабардино-Балкарии, и местные органы власти усилили работу по реализации решений вышестоящего партийно-политического руководства страны. С этим было связано заседание Правления «Хлебоцентр», проведенного 18 ноября 1929 г. В его работе принимали участие члены Правления, а также Иванов – председатель Севкавказводсоюза, Калмыков – председатель Кабардино-Балкарского облисполкома, Водахов – заведующий областным земельным управлением КБАО, Макаров – представитель Кабардино-Балкарской автономной области при ВЦИКе. Вел заседание председатель Правления «Хлебоцентр» М.Н. Беленький. Такое внушительное представительство Кабардино-Балкарии свидетельствовало о неотложности решения вопроса, который обсуждался на этом заседании. В данном случае речь шла об организации 3-х машинно-тракторных станций в Кабардино-Балкарии.

Результатом обсуждения этого вопроса явилось постановление о необходимости строительства 3-х кооперативных межселенных машинно-тракторных станций в 250–300 тракторов каждая. Но это произойдет в недалеком будущем, а реальность текущего момента характеризовалась наличием в Малой Кабарде кооперативной машинно-тракторной станции, работавшей в составе 23 тракторов, что было принято во внимание участниками заседания, и, в связи с этим, было постановлено доукомплектовать Мало-Кабардинскую машинно-тракторную станцию к весенней посевной компании до 75 тракторов и отпустить в этом году 50 тракторов Баксанской машинно-тракторной станции и 25 тракторов Урванской МТС.

Также было принято решение в счет будущего завоза из специализированного экспортного фонда выделить Хлебоцентру лицензию на завоз 100 тракторов, в том числе 70 тракторов марки «Интернационал», 20 – «Катер-Пиллер, 10 – «Фармолл» с соответствующим комплектом прицепных орудий, предназначенным для оборудования создаваемых Баксанской и Урванской МТС к предстоящей весенней посевной компании. Принятие таких благоприятных для Кабардино-Балкарии решений Правлением «Хлебоцентра», обуславливалось заявлением Калмыкова о том, что областными органами развернута усиленная работа по созданию специального экспортного фонда для импорта тракторов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 267. Л. 65].

Через два дня, т.е. 20 ноября 1929 г. руководители Правления «Хлебоцентр», «Севкавказводсоюз» и председатель Кабардино-Балкарского облисполкома обратились к Наркому народного комиссариата внешней и внутренней торговли А.И. Микояну с просьбой выдать дополнительную лицензию в соответствии с прилагаемой ведомостью, т.е. 100 тракторов для 3-х строящихся МТС. При этом было подчеркнuto, что

«...комплектование вышеуказанных колонн Правления Хлебоцентра и Севкавказ-полеводсоюза ставят в тесную зависимость со сбором второстепенного экспорта. На этот счет имеется договоренность с руководителями Кабардино-Балкарской области, которые дают обязательство усилить сбор второстепенного экспорта и в течение 1929/1930 г. покрыть значительную часть стоимости тракторного имущества» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 267. Л. 61–61об]. Под второстепенным экспортом подразумевался сбор денег с колхозников под давлением властей для закупки импортного сельскохозяйственного инвентаря. Таким образом, привлечение средств крестьянского населения для приобретения сельскохозяйственного инвентаря началось в Кабардино-Балкарии еще до ноябрьского пленума ЦК ВКП(б).

В конце февраля 1930 г. руководители Хлебоцентра и Севкавказ-полеводсоюза вновь обратились к А.И. Микояну с просьбой о срочной выдаче дополнительной лицензии на 100 тракторов с необходимым оборудованием из резерва тракторов по экспортному фонду за счет контингента Северного Кавказа Кабардино-Балкарской АО. Их настойчивая просьба аргументировалась вхождением последней в зону сплошной коллективизации и необходимостью организации Баксанской и Урванской машинно-тракторных станций. При этом авторы письма просили учитывать, что местными организациями проделана чрезвычайно большая работа по коллективизации среди национального населения области, а также развернуты компании по сбору второстепенного экспорта. В связи с этим, руководители Хлебоцентра и Севкавказ-полеводсоюза просили выдать Кабардино-Балкарской автономной области лицензию согласно прилагаемой спецификации или выдать 50 тракторов из премиального фонда [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 267. Л. 59]. Здесь имелись некоторые нюансы. Из премиального фонда сельскохозяйственный инвентарь отпускаясь по льготной цене, а из резервного фонда по тарифной стоимости.

**Наличие сельскохозяйственного инвентаря
на 05. 05 1931 г. по Баксанской МТС**

№	Наименование	Марки	Количество
	Тракторов	кейс	16
	Тракторов	монарх	5
	Тракторов	Джон Дир	4
	Тракторов	Фордзон	20
	Плугов 4-х корп.	Русск	7
	Плугов 4-х корп.	Оливер	9
	Плугов 3-х корп.	Оливер	5
	Плугов 2-х корп.	Оливер	8
	Плугов 2-х корп.	Джон Дир	25
	Плугов 2-х корп.	Русск.	15
	Молотилок	Клейтон	11
	Молотилок	Генри Линц	2
	Молотилок	Маршал	4
	Молотилок	Серп и молот	15
	Молотилок	Венгерск	1
	Молотилок	Красная Звезда	3
	Молотилок тракторных	М. Кормик	3
	Молотилок тракторных	В. Брут	1
	Молотилок тракторных	М. Карри	1
	Молотилок тракторных	Кр. Звезда	6
	Молотилок конных	Кр. Звезда	70
	Борон дисковых	М. Гаррис	5
	Борон дисковых	Оливер	11
	Луцильники 4-х лемешн.	ЛТУ	30
	Луцильники 8-лемешн.	ЛТ8	11
	Сноповязалок	М. Гаррис	7
	Сноповязалок	Люберецк	2
	Сноповязалок	М.Кормик	3
	Сенокосилок тракторных	-	1
	Сортировок	Серп и молот	5
	Сортировок	Триумф	2
	Запашников	Армавир	30

[УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 333. Л. 149].

Наличие сельскохозяйственного инвентаря по Урванской МТС

№	Наименование	Марки	Количество
	Тракторов	Кейс	17
	Тракторов	Алис	5
	Тракторов	Чалмес	2
	Тракторов	Фордзон	18
	Плугов 2-х корп.	Оливер	9
	Плугов 2-х корп.	Джон Дир	29
	Плугов 4-х корп.	Сельмаш	8
	Плугов пшеничных	Сельмаш	3
	Молотилок	3,5 НР	3
	Сеялок конных	Кр. Звезда	47
	Борон зигзаг	Зиг-Заг	31
	Запашников	Зиг-Заг	16
	Луцильщиков 8 корпус	Зиг-Заг	6
	Жаток самоскидок	Зиг-Заг	44
	Культиватор конных	Зиг-Заг	223
	Снопвязалок	Зиг-Заг	10
	Грабель конных	Зиг-Заг	5

Наличие сельскохозяйственного инвентаря по Нагорной МТС

№	Наименование	Марки	Количество
	Тракторов	Интернационал	15
	Тракторов	Фордзон	8
	Плугов 2-х корп.	Фордзон	22
	Плугов 4-х корп.	Сельмаш	3
	Молотилок	3,5 НР	7
	Снопвязалок	6,	4
	Сеялок 24 ряд.	-	3

[УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 333. Л. 150].

Предлагаемый список наличия сельскохозяйственного инвентаря по трем машинно-тракторным станциям области свидетельствует о высокой доле импортной сельскохозяйственной техники, используемой в хозяйствах Кабардино-Балкарии. До конца первой пятилетки тракторный парк страны, в том числе и Кабардино-Балкарии, комплектовался в основном за счет импортной поставки, оплачиваемой из экспортного фонда, о котором упоминалось ранее.

26 апреля 1931 г состоялось заседание Президиума облисполкома Совета КБАО, на котором обсуждался вопрос «О состоянии МТС и ходе выполнения плана весенней посевной компании». В процессе его обсуждения было признано, что машинно-тракторные станции являются основным экономическим и политическим центром деревни. Однако, как было отмечено в постановлении Президиума облисполкома, по ряду объективных и субъективных причин пока еще они не стали таковыми. Основные причины: а) слабая увязка работы машинно-тракторного парка МТС с организацией и использованием тягловой силы в колхозах;

б) использование имеющегося машинно-тракторного парка с загрузкой не более 50–60%, неэффективное использование прицепных машин, безынициативность агротехнического персонала и др.

Большое внимание было уделено на неукomплектованность машинно-тракторных станций прицепным сельскохозяйственным инвентарем, недостаточность снабжения запасными частями, материалами и инструментом, особенно новой Нагорной МТС.

Также было отмечена неудовлетворительная ситуация с кадрами, «что объясняется плохой и несвоевременной подготовкой национальных кадров рулевых, бригадиров и полеводов, а также слабым составом агротехнического персонала» МТС [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 333. Л. 44].

Президиум Облисполкома обратил внимание Краевого отдела Трактороцентра на плохое руководство машинно-тракторными станциями со стороны инспекторской группы. Для устранения отмеченных недостатков было решено:

1. Предложить директорам МТС, Облземуправлению, Облколхозсоюзу, окрисполкомам обеспечить нормальное взаимоотношение с МТС и направить все силы на выполнение и перевыполнение плана весеннего сева в колхозах в соответствии с производственными планами.

2. Учитывая решающее значение МТС в деле коллективизации крестьянских хозяйств и скорейшей ликвидации чрезвычайной отсталости в сельском хозяйстве области, а также и все естественные почвенные условия, считать необходимым организовать пятую МТС в Прималкинском округе с базой при станице в Майском. Поручить Облколхозсоюзу в декадный срок проработать этот вопрос и представить докладную в краевое отделение Трактороцентра.

3. Поставить вопрос перед Крайтрактором о первоочередном укомплектовании МТС Кабардино-Балкарской АО машинно-тракторным парком, как в текущем году, так и на 1932–1933 гг. В особенности обеспечить завоз почвообрабатывающих машин (сеялок, оригинальных плугов к тракторам, корчевальных и дорожных машин, завоз уборочных машин сноповязалок, молотилок и одного-двух комбайнов), дабы, тем самым облегчить успешное проведение уборки и молотбы, а также дальнейшее расширение площади посевов в области.

4. Считать необходимым поставить вопрос перед Крайтрактором и Правлением Центротрактора о подготовке национальных кадров МТС путем организации в КБАО профтехшколы при одной из МТС. Поручить Облколхозсоюзу проработать этот вопрос, кроме того добиться, чтобы при выборке кадров в техникумы и в высшие учебные заведения было выделено необходимое количество мест для МТС КБАО [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1 Д. 333. Л. 44об].

Для разрешения вопроса подготовки национальных кадров Президиум облисполкома с убедительным обоснованием предложил Трактороцентру взять Баксанскую окружную сельскохозяйственную школу в полное свое ведение и содержание. При этом было указано, что вопрос о передаче Баксанской сельскохозяйственной школы Трактороцентру еще в ноябре прошлого года был поставлен Облземуправлением перед уполномоченным Трактороцентра по Северокавказскому краю. В середине марта сего года этот вопрос вновь был возбужден уже непосредственно Баксанской МТС [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 333. Л. 174об].

Организация машинно-тракторных станций была сопряжена с большими трудностями, связанными с отсутствием материально-технической базы для строительства хозяйственных и жилых помещений при МТС. В связи с этим руководство области обратилось к Трактороцентру и Крайтрактору с требованием о немедленном включении в план строительства Трактороцентра на текущий год строительство Нагорной МТС, созданной весной 1931 г.

В заключении отметим, что на основе анализа архивных и иных источников, связанных с организацией машинно-тракторных станций, можно утверждать, что обеспечение последних необходимыми средствами сельскохозяйственного производства и превращение в экономический и политический центр кабардино-балкарской деревни, явилось главной задачей областных органов власти, с которой, несмотря на некоторые издержки, справились успешно. Взаимодействие колхозов и машинно-тракторных станций на всех этапах их становления и развития продемонстрировало преимущества межхозяйственной формы сотрудничества. На МТС возлагалась не только задача обслуживания колхозников предоставлением технических услуг в проведении сельскохозяйственных работ, но и организация колхозной жизни на селе.

Заслуживает внимания то, что советская историография, руководствуясь словами В.И. Ленина о том что «каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса» [Ленин 1970: 371], утверждала, что колхозное строительство осуществлялось почти исключительно за счет государства. А в реальности, до начала массового выпуска сельскохозяйственной

техники отечественного производства, колхозы обеспечивались импортными тракторами, которые приобретались за границей за счет экспортного фонда. Последний, под давлением местных властей создавался путем отчисления части, и без того мизерной заработной платы колхозников.

Источники и литература

1. *Бербеков Х.М.* Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 536 с.
2. *Жакомихов Т.А.* К вопросу о техническом оснащении социалистического сельского хозяйства // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. Вып. 8. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955.
3. *Жакомихов Т.А.* История МТС и их роль в развитии колхозного строя КБАССР // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Выпуск 1959. Серия «Сельскохозяйственная и биологическая». Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959.
4. *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Ч. II. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. 390 с.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК КПСС в 15 томах. Т. 5. М.: Издательство политической литературы, 1984. 449 с.
6. *Лаврова Н.С.* Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX века: Дис... канд. ист. наук. Нальчик: Каб.-Балк. гос. ун-т, 2004. 198 с.
7. *Ленин В.И.* ПСС в 55 томах. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1969. 579 с.
8. *Ленин В.И.* ПСС в 55 томах. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. 751 с.
9. *Петренко И.* К истории коллективизации сельского хозяйства Кабарды // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Т. IX. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1954. 205 с.
10. *Текуев А.К.* Роль машинно-тракторных станций в развитии колхозного движения (1927–1929 гг.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Вып. 1. Нальчик, 1957.
11. *Текуев А.К.* Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. 152 с.
12. *УЦГА АС КБР* – Управление центрального государственного архива Архивной службы КБР.

CREATION OF MACHINE AND TRACTOR STATIONS AND THEIR ROLE IN STRENGTHENING THE COLLECTIVE SYSTEM IN KABARDINO-BALKARIA

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Sector of Contemporary History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), karmovamerbi@mail.ru

The article gives a brief historiographic review, analyzes the sources and literature of the topic under study, highlights the decisions of the Central and regional authorities to intensify agricultural production by increasing the rate of collectivization of agriculture and rational use of agricultural machinery.

The main attention is paid to state measures to create machine and tractor stations and provide peasant farms with complex agricultural implements.

Based on the analysis of archival materials, the role of the export fund in the organization of machine and tractor stations in the Kabardino-Balkarian Autonomous Region is revealed. It is proved that imported agricultural machinery was purchased abroad mainly at the expense of the export fund, created under severe pressure from the authorities by deducting part of the wages of collective farmers to this fund. It should be borne in mind that before June 17, 1930, i.e. before

the release of the first mass-produced tractor at the Stalingrad Tractor Plant, tractors and trailers were bought in Europe and America. It is noted that the first machine-tractor station appeared in Kabardino-Balkaria in 1929, 1930 – Baksan and Urvansky MTS, in 1931 the Nagornaya MTS was organized. It is important to emphasize that the MTS was entrusted not only with the task of servicing collective farmers by providing technical services in carrying out agricultural work, but also organizing collective farm life in the countryside.

Keywords: MTS, export fund, collective farm, Traktorocenter, Khlebocenter, Sevka-vpovedsoyuz, T. Shevchenko state farm.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-55-65

ТРУД ЖЕНЩИН КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В СОЗДАНИИ ТЫЛА И ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ФРОНТУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Гугова Марина Хабасовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gugowa@mail.ru

В статье рассматривается трудовая деятельность женщин Кабардино-Балкарии в тылу в годы Великой Отечественной войны, направленная на решение задач оборонных отраслей народного хозяйства. Цель работы заключается в выявлении роли женщин в перестройке промышленности и сельского хозяйства республики на военный лад; характеристике участия женщин в деле обеспечения армии и тружеников тыла продуктами питания, в создании фонда обороны и определении их вклада в организацию всенародной помощи фронту. Помимо тяжелого физического труда женщины участвовали в разнообразных кампаниях по сбору денежных средств, а также трудоустройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения советских городов. Автор руководствуется основными принципами исторической науки: научность, объективность, историзм. Они предполагают рассмотрение и изучение любого явления и исторического события в конкретных исторических условиях, опору на факты. Методика исследования построена на принципе приоритета общечеловеческих ценностей, исторической объективности изучения и анализа событий. Основной вывод видится в следующем: максимальная нагрузка в тылу приходилась на женщин. Ежедневный труд женщины Кабардино-Балкарии в экстремальных условиях превращал подвиг в повседневность, в бытовой героизм, каждым днем доказывая, что вопросы гендерной асимметрии нашли свое разрешение в экстремальных условиях войны, когда женщина в ситуации вынужденного отсутствия мужчины-работника, мужчины-защитника с успехом справилась с новыми ролями и функциями, стала активным участником общественной жизни, выйдя за пределы домашнего пространства.

Ключевые слова: женщина, Великая Отечественная война, Кабардино-Балкария, тыл, фронт, промышленность, сельское хозяйство.

Начало Великой Отечественной войны стало началом нового образа жизни женщин всей страны, но, пожалуй, максимально заметной эта «новизна» стала для регионов с сильными традициями патриархального уклада, в частности Северного Кавказа. Для основной массы женщин «военный быт», после отправки мужчин на фронт, начался с тяжелого физического труда, и даже для тех, кому последний был привычен, увеличение физической нагрузки оказалось значительным.

15 сентября 1941 года в г. Орджоникидзе прошел антифашистский митинг, объединивший тысячи и тысячи женщин со всех уголков Северокавказского региона. На антифашистском митинге в г. Нальчике, состоявшемся 14 сентября 1942 года, было принято обращение, растиражированное всеми печатными изданиями Северного Кавказа: «Дорогие братья и сестры, горцы и горянки Кавказа! Чеченцы и ингуши, кабардинцы и балкарцы, черкесы и адыгейцы, карачаевцы и калмыки, осетины и трудящиеся многонационального Дагестана! Поднимайтесь все, как один: мужчины и женщины, старики и дети, берите любое оружие, бейте,

уничтожайте черных свиней Гитлера, которые не знают, что такое человеческая совесть. Чтобы кавказские горы стали могилой для всех немецких разбойников, пришедших сюда, мы, сыны и дочери Кавказа, должны всеми силами помогать нашей доблестной Красной Армии [Социалистическая Кабардино-Балкария 1942: № 176]. Важной особенностью текста указанного обращения является зафиксированная в нем трансформация половозрастных статусов, выраженная в непосредственном обращении к представителям всех гендерных и возрастных страт, как равным участникам военного противостояния грозному противнику.

С первых дней войны первоочередными задачами перед тружениками региона стали: перевод промышленности на выпуск военной продукции; обеспечение армии продовольствием, решение проблемы кадров, в связи с массовой мобилизацией в действующую армию мужчин. Война потребовала введения особых условий для работников тыла. Решением правительства в короткие сроки предприятия перешли на круглосуточную работу, рабочий день был удлинён на 2 часа, введены обязательные сверхурочные работы, для колхозников повышен минимум трудодней.

Больших успехов достигли женщины-горянки также в промышленном производстве. До Великой Отечественной войны Северокавказский регион можно было назвать скорее промышленно отсталым, но его географическое положение, его сырьевая база говорили о перспективах его дальнейшего промышленного развития для материального обеспечения фронта.

23 июня 1941 г. – в первый день мобилизации в Красную Армию, многие женщины промышленных предприятий региона, проводившие на фронт мужа, сына, отца, показали образцы духовной силы, отметив его повышением производительности труда. Мотивацией к исполнению женщинами несвойственных им «мужских» ролей стали как патриотические настроения всего населения страны, так и личные чувства, желание не подвести собственных мужчин, обеспечив им надёжный тыл.

Понимая необходимость заполнения образовавшихся вследствие ухода на фронт мужчин лакун в промышленной сфере, женщины демонстрировали абсолютную готовность к освоению новых навыков «мужских» профессий. Выступая на митинге 23 июня 1941 года в актовом зале Кабардино-Балкарского педагогического института, тов. Антонова призвала «девушек и женщин быть достойной сменой, готовой к героическому труду», «нашим мужьям и братьям мы будем помогать отличной работой на производстве» – пообещали швейницы Нальчикской швейной фабрики [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: № 146]. 23 июня стал знаковым днем для всех женщин Северного Кавказа. Он был первым днем мобилизации. Швейницы ознакомили этот день повышением производительности труда в знак солидарности с мужьями, братьями, родными, ушедшими в Красную Армию. У мотористки-швеи А.У. Савочкиной мужа призвали в армию. В этот день она выполнила свою норму на 171%. Швея Л. Е. Хартадинова, муж которой также уходит в армию, выполнила задание на 150% и обязалась закрепить это достижение. В тот день многие бригады значительно перевыполнили свой производственный план. Бригада П.Е. Лисовской – на 144%, А.Ф. Чиховатской – на 137, А.М. Афенькиной – на 123, Ф.М. Газаевой – на 125, Л.П. Помилуйко – на 115% и т.д. «Сегодня мы пришли на рабочие места своих мужей, братьев и отцов, стали за их станки, верстаки, тиски и машины. Жена слесаря Лопатько работает слесарем, жена токаря Вебер – нормировщицей, Кошелева – шишильницей, строгальщица Береговая сейчас работает на двух строгальных станках. Жена слесаря Паромова приняла на себя заведование промежуточным складом завода». Они обратились ко всем женщинам республики с призывом занять места ушедших на фронт мужчин, овладев их профессиями: «Ни один станок, ни одна машина, ни одно рабочее место в нашей стране не должны простаивать! На место ушедших в армию мужчин должны прийти их верные подруги – жены. Дорогие подруги!

Идите на рабочие места, к станкам, машинам, откуда ушли на фронт мужчины. Овладейте их профессиями!» [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: № 151]. За этой стандартно-приподнятой информацией скрыты не только физические трудности, мозоли и натруженные спины, но и ломка традиционного сознания, которое на протяжении сотен лет не просто оберегало женщину от тяжелого физического труда, а наполняло семантическим смыслом половое разделение труда.

Для строительства оборонительных рубежей привлекалось трудоспособное население от 15 до 60 лет, в основном женщины. В связи с напряжённой военной обстановкой был установлен 10-часовой рабочий день с обязательным проведением работ в любую погоду. Средняя норма земляных работ составляла 4,5 кубических метра. Строители ежедневно выполняли план работ на 200–300, и даже 400%.

Война высветила всю мощь и величие женского характера, безмерность ее морального потенциала и духовной силы. Вспыхнувшая война распрямила простую труженицу, создала условия для раскрытия ее личности. Документы времен войны свидетельствуют о смелости и решимости ранее инертных, законопослушных женщин.

В традиционном обществе кавказская женщина почти не принимала участия в полевых земледельческих работах. Например, из всех полевых работ адыгская женщина принимала участие только в жатве нового урожая. На поле отправлялись всей семьей, кроме маленьких детей и девушек на выданье. Жали серпами. Если поле находилось далеко от села, оставались там с ночевкой до окончания работ. По свидетельству Хан-Гирея, «сверх всех работ по управлению домом и воспитанию детей жена простого земледельца помогает мужу и при уборке хлеба: она ходит с ним вместе жать серпом, помогает складывать стоги хлеба, скирды сена и т.п.» [Хан-Гирей 1978: 239]. Следует отметить, что участие женщин в сенокосе ограничивалось формированием стогов сена, но никогда они не пользовались косой.

Известный радиожурналист Кабардино-Балкарии Р.Т. Афаунова рассказывала, что за свою полувековую практику она лишь однажды интервьюировала женщину, Ворокову Жан из селения Карагач, которая для того, чтобы подчеркнуть, насколько тяжело приходилось женщинам в военные и послевоенные годы, сообщила, что она «во время войны даже косила!» [Информатор Афаунова Раиса Туловна, 1932 г.р., с. Куба, КБР]. Она говорила об этом как о событии, из ряда вон выходящем. Ни одно из несвойственных традиционному разделению труда занятий («я и пахала, и копала, и кукурузу ломала») не расценивались респонденткой настолько категорично. С этим коррелируется замечание, сделанное относительно ближайших соседей кабардинцев – осетин: «У осетин та женщина считается почетною, которая может сказать про себя безукоризненно: я не ходила за плугом, и не косила траву» [Карпов 2001: 220]. Отсутствие мужчин вынуждало женщин брать в свои руки и успешно справляться с непривычными и, более того, неприемлемыми для кавказской гендерной ментальности занятиями.

Летом 1941 года созрел богатый урожай зерна, овощей и фруктов. Убрать их необходимо было вовремя и без потерь, в первую очередь, для обеспечения потребностей фронта. Это было связано с огромными трудностями, обусловленными резким сокращением трудовых ресурсов села (известно, что менее, чем за полгода войны по Северному Кавказу было призвано 1,2 млн. человек); а также снижением уровня механизации (среди призванных на фронт были профессиональные кадры мужчин-механизаторов, к тому же на фронт было мобилизовано 30 тыс. автомашин, 250 тыс. лошадей).

На Северном Кавказе особо остро стояла проблема нехватки сельскохозяйственных кадров.

Естественно, что указанные проблемы легли на тех, кто остался в тылу. Традиционно посвящавшие свой обыденный день хлопотам по домашнему хозяйству, женщины были вынуждены исполнять несвойственные им в довоенной жизни

роли и функции, стали основой новой рабочей силы. Использовались все уборочные средства, вплоть до кос и серпов. Рассказывает Женя Тукова из с. Нартан: «Помню такую историю. Лето. Длинный знойный день. Женщины косили коноплю до самого вечера. Держали уразу (пост) и с наступлением темноты разошлись по домам – ужинать, чтобы через несколько часов вернуться снова. Мать тоже пришла домой, но то ли воды простой много выпила, то ли еще что-то, только не смогла поесть, забрала серп и пошла на работу. Мы дети все высыпали со двора и провожали ее. Она шла, бедная, с натертыми обувью пятками, в волдырях, поэтому шла, как стрекоза, подпрыгивая, на носочках, а впереди новый рабочий день» [Информатор Женя Тукова, 1935 г.р., с. Нартан, КБР]. Упоминание вскользь используемого в то время основного орудия труда, делает историю информативной не только на эмоциональном, но и исследовательском уровне.

Похожую историю вспоминает Машежева Жансурат из с. Куба: «Весной работа была тяжелее: перекопать поле вручную, лопатой. Завершили посев. Пшеницу тоже убрали вручную, серпами. Все полевые работы выполняли мы, женщины, бывало и ночами работали» [Информатор Машежева Жансурат, 1930 г.р., с. Куба, КБР]. Ручной труд при резко выросшей потребности в количестве продуктов питания вновь стал применяться широко, повсеместно, часто без альтернативы, без тех технических приспособлений, которые за два десятилетия советской власти вошли в повседневный быт селян.

Носившие преувеличенно пафосный характер выступления и клятвенные заверения женщин обо всех силах, обещанных фронту, проникнутые чувством долга, готовности осуществить любые хозяйственные задания, на практике, действительно, подкреплялись «жертвенным» трудом. Женский труд носил практически круглосуточный, непрерывный и непосильный характер. Новой профессиональной группой стали переqualифицировавшиеся домохозяйки, сознательно и вынужденно одновременно в экстремальных условиях изменить традиционный повседневный семейный уклад.

Очевидно, недостаток технических средств компенсировался ручной работой и настолько результативно, что план уборки в Северокавказском регионе был выполнен. При этом отметим, что оставшаяся в распоряжении колхозов, МТС сельскохозяйственная техника не простаивала, активно осваивалась женщинами, которые в короткие сроки доказали «гендерное равенство» на «техническом фронте». Женщины осваивали профессии тракториста, комбайнера. Своими трудовыми достижениями регион прославили женщины-механизаторы: Лола Блянихова и Фица Хамгокова, которые в колхозе им. Андреева (с. Кенже) успешно работали на тракторах и давали высокие показатели [Молодой сталинец 1941: № 77]. Отличных успехов добилась в работе комсомольско-молодежная бригада колхоза им. Ленина Лескенского района, где бригадиром был Хасан Арамисов; бригада добилась выполнения заданий по прополке на 150%, впереди других в этой бригаде идут звенья Катиновой С. и Куашевой Х., которые дают ежедневно до двух норм [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 409. Л. 81–90].

Женщин-механизаторов обучали также на специальных курсах, организуемых при колхозах, совхозах и т.п. Их обучали также прямо в поле, в индивидуальном порядке и ускоренном режиме.

В годы Великой Отечественной войны резко возросла роль женщин в такой отрасли сельскохозяйственного производства как животноводство, хотя скотоводство, как и полевое земледелие на Северном Кавказе – отрасль мужской хозяйственной деятельности. Уход за скотом, отгон мелкого и крупного рогатого скота на пастбища, стрижка шерсти и т.д. целиком находились в ведении мужчины, а женщина допускалась лишь к молочной составляющей животноводства: дойке, обработке молока и производству молочных продуктов. В тяжелый период для страны кавказские женщины освоили новые для них профессии конюхов, чабанов,

табунщиков, заведующих фермами. Тысячи женщин пошли на фермы в качестве доярок, телятниц, пчеловодов. Высокой производительности труда добились доярки Эльбрусского района Кабардино-Балкарии: Базинаева Назифат (с. Былым), Хайрова Ради и Улакова Тоня (с. Гунделен) и другие [Хакушев 1978: 78].

Организовывались женские сенокосные бригады по заготовке сена для общественного животноводства. Большая работа была проведена женщинами по сохранению молодняка и увеличению поголовья скота в колхозах и совхозах Северного Кавказа. Знаменательно, что на долю вышеупомянутой Жан Вороковой во время войны пришлось работать колхозным табунщиком – пасти табун кобылиц, что совершенно несовместимо с существовавшим в обыденном сознании народа женским статусом.

Военные годы отличает не только повсеместное применение женского труда, но и широкое использование труда разных возрастных страт, в том числе детей и подростков. Вспоминает Батырова Хаужан: «Мы, три сестры, выросли без отца. В те годы (военные) в Нартане было открыто ателье по изготовлению подстилок под седло, для армейских лошадей. Мне еще не было шести, когда я освоила ремесло изготовления пряжи, а старшие мои сестры (на 2 и 3 года старше), доводили пряжу до состояния готового изделия» [Информатор Батырова Хаужан, 1937 г.р., с. Герменчик, КБР].

Естественно, активно привлекались люди пожилого возраста, чьи практические навыки, умения, советы, а также физические силы были неоценимы в условиях малого числа здоровых мужчин. В полеводческой бригаде № 9 колхоза «Нартан» по списку числилось 60 трудоспособных, а в поле ежедневно выходили 70 человек. Среди них немало стариков. Например, колхозники Жанимов М. и Жанимов К., которым уже около 70 лет, показывали молодежи, как надо работать. Они систематически выполняли дневную норму на 120–140%, и в то же время тщательно следили за качеством работы, проделанной ими самими и остальными членами бригады [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: № 149]. 70-летний старик, член ВКП(б), т. Желабов Магомед из колхоза им. Андреева возглавил сенокосную бригаду, план выполняет на 130%. Байсолтанов Аубекир, член ВКП(б), из того же колхоза, план по сенокосению выполняет на 130–150% [Социалистическая Кабардино-Балкария 1941: № 197].

И все же, максимальная нагрузка приходилась на женщин. Помимо тяжелого физического труда другой формой участия в приближении победы женщинами Кабардино-Балкарии стало участие их в самых разнообразных кампаниях по сбору денежных средств, а также организации трудового устройства и бытового обслуживания многих из состава эвакуированного населения советских городов. Доказательством великой жертвенности женщины, присущей ей доброте, отзывчивости на чужую беду, милосердию стали многочисленные формы моральной и материальной помощи фронту.

Сегодня, по прошествии 75 лет со времени окончания Великой Отечественной, подведены основные итоги, изучены многочисленные архивные документы, произведены подсчеты и проанализирован значительный статистический материал. Но только в личных воспоминаниях, в рассказах и пересказах участников событий тех лет, не бывавших на передовой, но внесших свой личный трудовой вклад в общую победу, предстает повседневная жизнь, ежедневный труд в экстремальных условиях, который превращал подвиг в повседневность, в бытовой героизм, каждым днем доказывая, что вопросы гендерной асимметрии нашли свое разрешение в экстремальных условиях войны, когда женщина, в ситуации вынужденного отсутствия мужчины-работника, мужчины-защитника с успехом справилась с новыми ролями и функциями, стала активным участником общественной жизни, выйдя за пределы домашней усадьбы.

Источники и литература

1. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. 412 с.
2. Молодой сталинец. 1941. № 77.
3. Газета Социалистическая Кабардино-Балкария.
4. УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
5. Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1978. 318 с.
6. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 330 с.

THE WORK OF WOMEN OF KABARDINO-BALKARIA TO CREATE THE REAR AND ASSIST THE FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Gugova Marina Khabasovna, Candidate of History, senior researcher of the Department of Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gugowa@mail.ru gugowa@mail.ru

The article deals with the labor activity of women of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War in the rear, aimed at solving the problems of the defense sectors of the national economy. The aim of the work is to identify the role of women in the restructuring of the republic's industry and agriculture in a military way; to characterize the participation of women in providing the army and home front workers with food in the creation of the defense fund and to determine their contribution to the provision of national assistance to the front. In addition to hard physical labor, women participated in various campaigns to raise money, as well as organizing labor arrangements and household services for the evacuated population of Soviet cities. The author is guided by the basic principles of historical science: scientific character, objectivity, historicism. The author is guided by the basic principles of historical science: scientific character, objectivity, historicism. They involve the consideration and study of any phenomenon and historical event in specific historical conditions, relying on facts. The research methodology is based on the principle of priority of universal values, historical objectivity of studying and analyzing events. The main conclusion is seen in the following: the maximum load in the rear fell on women. Daily work of women in Kabardino-Balkaria in extreme conditions turned the feat in daily life, in everyday heroism every day proving that gender asymmetry found its solution in the extreme conditions of war, when a woman, in a situation of enforced absence, of a male employee, men-defender successfully coped with new roles and functions has become an active participant in public life beyond the home estate.

Keywords: woman, Great Patriotic War, Kabardino-Balkaria, rear, front, industry, agriculture.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-66-71

УДК: 93/94(470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-72-79

МАЛГОБЕКСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Тетуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alim-tetuev@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы отражения в исторической памяти Малгобекской оборонительной операции битвы за Кавказ. На основе анализа литературы, архивных и нарративных источников раскрываются особенности военных действий на этом этапе. С использованием воспоминаний фронтовиков дана характеристика участия 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии в боях на Курпских высотах.

Исследована деятельность государственных, муниципальных органов власти, институтов гражданского общества, образовательных учреждений Кабардино-Балкарии по установлению имен погибших, захоронению их останков, благоустройству памятников и сохранению исторической памяти о 317-й стрелковой дивизии. Выявлено, что ее подвиг нашел материальное и символическое воплощение в тематических местах памяти в Кабардино-Балкарии, таких как воинские кладбища, братские могилы, памятные знаки в местах боевых действий, мемориальные доски, музеи воинской славы, а также названиях улиц, скверов, школ и т.п.

Ключевые слова: историческая память, Малгобекская операция, Курпские высоты, 317-я дивизия, боевые действия, подвиги, потери, патриотизм.

Ключевыми событиями начального периода Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) стали битва под Москвой и оборонительный этап Сталинградской битвы. В это же время одним из важных направлений в борьбе советского народа против фашистских захватчиков стал оборонительный этап битвы за Кавказ. Одним из его решающих событий стала Малгобекская операция Северной группы войск Закавказского фронта, в ходе которой войскам 9-й и 37-й армии ценой больших потерь удалось остановить продвижение врага на юг и заставить его перейти к обороне. Имея превосходство в танках и авиации, противник не смог в течение месяца сломить сопротивление советских войск и достичь тактический успех в оперативный. За период боев Курпская высота, находящаяся на территории Кабардино-Балкарии, переходила из рук в руки множество раз. В общем итоге план гитлеровского командования по захвату Грозного и Баку с Малгобекского направления был полностью сорван.

В мемориальной культуре современного российского общества особое место занимают «места памяти», вокруг которых концентрируется и сохраняется коллективная память об актуальных событиях прошлого. Изучение способов и средств осмысления, сохранения и воспроизводства памяти о героических боевых действиях подразделений Красной Армии в битве за Кавказ является актуальной проблемой не только для региональной историографии, но и имеет большое общественно-воспитательное значение.

По исследуемой теме значительный интерес представляют воспоминания советских военачальников периода Великой Отечественной войны Г.К. Жукова

[Жуков 2002], А.М. Василевского [Василевский 1990], И.Х. Баграмяна [Баграмян 1988], А.А. Гречко [Гречко 1973], И.В. Тюленева [Тюленев 1975а; Тюленев 1975б]. В них приводится ценный материал о принятии тех или иных решений, связанных с военными действиями на Северном Кавказе.

«В опубликованных архивных источниках освещаются как оборонительные, так и наступательные операции советских войск в битве за Кавказ [Битва за Кавказ... 2003]. В книге О.Л. Опрышко на основе документальных материалах раскрываются боевые действия на территории Кабардино-Балкарии в августе 1842–январе 1943 г. [Опрышко 2015].

Определенный вклад в разработку изучаемой проблемы внесли Т.Х. Матиев, Т.У. Яндиева, М.Б. Долгиева. Приоритетное внимание в работах указанных авторов уделяется изучению военно-исторического аспекта Малгобекской оборонительной операции. Освещаются планы гитлеровской Германии на Кавказе, боевые действия и их значение [Матиев 2006; Матиев 2014; Яндиева, Долгиева 2019].

Для реконструкции другого уровня исторической памяти значительный интерес представляют воспоминания рядовых участников битвы за Кавказ. Они позволяют оценить военные операции не только с командного пункта руководителей сражений, но и из окопов, блиндажей рядовых, сержантов и младших офицеров, которые на себе несли основную тяжесть войны. Среди этих работ выделяются воспоминания участника боев в Приэльбрусье А.М. Гусева [Гусев 1972; Гусев 1980] и документальное повествование Ф.В. Захарова и И.В. Романова, посвященные боевым действиям Красной Армии на территории Кабардино-Балкарии [Захаров, Романов 1962].

Отдельные вопросы исследуемой темы раскрываются в работах Е.Т. Хакушева, М.Д. Бекалдиева, в коллективных трудах «История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней», «Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» [Хакушев 1978; Бекалдиев 2013; История КБАССР... 1967; Очерки истории... 1971].

Большую ценность представляют эпистолярные и мемуарные материалы фронтовиков и тружеников тыла [Письма огненных лет 1989; Лесев 1985]. В очерках ветерана 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии В.Д. Лесева рассказывается о боевом пути подразделения и судьбах однополчан. В книгах М.И. Казьмина, ответственного секретаря партийной комиссии 337-й стрелковой дивизии, повествуется о мужестве и стойкости своих земляков и боевых товарищей [Казьмин 1968; Казьмин 1972]. В воспоминаниях ветерана 151-й стрелковой дивизии И.И. Полищука рассказывается о фронтовых товарищах, прошедших в 1942–1943 гг. славный боевой путь от оборонительных боев на берегах Терека в Кабардино-Балкарии до прорыва вражеской оборонительной линии на реке Миус в Ростовской области [Полищук 1992].

Наиболее значимым с точки зрения учета общего военно-политического контекста событий на Северном Кавказе является фундаментальный 12-томный труд о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. В его третьем томе освещаются факторы, которые обеспечили коренной перелом в войне. Основное внимание уделено решающим битвам и сражениям, изменившим ход Великой Отечественной, в том числе борьбе, за Кавказ [Великая Отечественная война... 2012].

Анализ источников и историографии показывает, что, хотя многие аспекты битвы за Кавказ нашли отражение в опубликованных источниках и научной литературе, но остаются недостаточно изученными некоторые источники личного происхождения, представляющие ценность для реконструкции исторической памяти о Малгобекской оборонительной операции.

В Малгобекской оборонительной операции принимала участие 317-я Краснознаменная Будапештская стрелковая дивизия (2-го формирования), которая была укомплектована летом 1942 г. из призывников автономных республик

Северного Кавказа (Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии), Ставропольского и Краснодарского краев. Дивизия находилась в подчинении (на 01.09.1942 г.) – Закавказского фронта – Северной группы войск – 58 А. (на 01.11.1942 г.) – Закавказского фронта – Северной группы войск – 9 А. (на 01.01.1943 г.) – Закавказского фронта – Северной группы войск – 58 А. Командиром дивизии был Н.А. Шварев, начальником политотдела – М.К. Наков. Призывники из Кабардино-Балкарии стали бойцами 571-го, 606-го стрелковых и 773-го артиллерийского полков, 277-го истребительно-противотанкового артиллерийского полков и других подразделений 317-й стрелковой дивизии [317-я стрелковая дивизия...].

После захвата противником 25 августа 1942 г. Моздока и последовавшего за ним форсирования Терека, крупная группировка 1-ой немецкой танковой армии вышла на побережье реки, имея цель прорваться к Грозному и Баку, а также к Орджоникидзе с выходом на Военно-Грузинскую дорогу. 11 сентября противник нанес по нашим частям удар из района Малгобека и повел наступление в юго-западном направлении, стремясь правым берегом Терека выйти к Орджоникидзе. 13 сентября 1942 г. 13 немецкая танковая дивизия овладела Верхним Курпом [ЦА МО. Ф. 37 армии. Оп. 8951. Д. 4. Л. 84]. На правобережье Терека у селений и на Курпских высотах с 12 сентября развернулись ожесточенные бои наших частей с танками и пехотой противника.

В октябре 1942 г., завершив переформирование и боевую выучку нового пополнения, дивизия вошла в оперативное подчинение 11-го стрелкового корпуса 9-ой армии. Дивизия заняла оборону в районе Илларионовка, Заманкул, Кусово, Верхний Курп, Сагопши, Малгобек. Для улучшения обороны полка решено было подготовить первую наступательную операцию и овладеть двумя высотами северо-восточнее Илларионовки. В своих воспоминаниях рядовой 3-го взвода 4-ой роты 606-го полка Н.П. Донченко отмечает: «Земля вздрогнула от залпа «катюш» 773-го артполка и дивизиона реактивных минометов. 4-ая рота с наименьшими потерями достигла высоты Безымянной и к концу 15 октября сумела не только выполнить задачу по ее захвату, но и окопаться на этой высоте. ...Противник несколько раз переходил в атаку, чтобы выбить нас с занятых рубежей. Упорные бои шли до 19 октября, но так и не удалось нас потеснить» [Лесев 1985: 16,17].

26 октября 1942 г. 2-ая румынская горнострелковая дивизия при поддержке немецкой пехоты, артиллерии и танков, прорвала фронт нашей обороны и развернула наступление на Нальчикском направлении. В архивных документах 37-ой армии отмечается, что «...28 октября Нальчик был оставлен. Слишком было велико превосходство противника на этом участке. В результате бомбежки, артиллерийского, минометного обстрелов и трех дней уличных боев, часть Нальчика превратилась в развалины. В течение 3-х дней боев за Нальчик по приблизительным подсчетам противник потерял до 1 750 убитых, раненных и пропавших без вести солдат и офицеров, 13 подбитых танков, 2 бронемшины, 12 грузовых автомашин, 1 минометную батарею, 1 пушку. ... Потери 11-ой стрелковой дивизии НКВД за два дня обороны убитых, раненных и пропавших без вести – 664 человека...» [ЦА МО. Ф. 37 армии. Оп. 8898. Д. 27. Л. 30, 32; Оп. 8900. Д. 18. Л. 3].

После взятия Нальчика немцы возобновили атаки на позиции 317-й стрелковой дивизии. «28 октября 1942 г. рота автоматчиков и 7-я стрелковая рота предприняла еще одну попытку потеснить противника, – вспоминал В.Д. Лесев. Тогда в район высоты Безымянной враг подтянул до батальона пехоты и нанес ответный удар, в результате которого многие бойцы погибли или были ранены. К вечеру в двух ротах осталось всего 46 человек. Тем не менее, противник не смог пробиться через боевые порядки нашего батальона» [Лесев 1985: 20].

Вместе с тем противник, перегруппировав свои, используя лесистую местность, под покровом густого тумана 15 ноября 1942 г. прорвал нашу оборону,

захватил господствующие высоты и окружил две роты батальона и взвод автоматчиков. В. Г. Дзагкаев, политрук 761 стрелкового полка 317 дивизии, вспоминал о проблемах, которые испытывали бойцы Красной армии в связи с нехваткой пищи и питьевой воды: «Не имея связи с полком, боеприпасов и продовольствия окруженные попали в исключительно сложную ситуацию... кто-то выловил двух лошадей. Их забили и из конины готовили пищу, которую равномерно распределяли между бойцами. Дождевую воду из луж и воронок собирали в котелки солдатскими ложками. Запас воды дезинфицировали таблетками санслужбы» [Лесев 1985: 27, 28].

Только на пятые сутки по решению комбата Громынина под покровом ночи 20 ноября было совершено нападение на боевое охранение врага и прорыв из окружения. Вывели из окружения 232 бойца и вынесли 29 раненых.

Бойцы 606-го стрелкового полка держали оборону в октябре 1942 г. на территории Терского района. Рассказывая о бое за высоту 473,0, корреспондент дивизионной газеты «На штурм» А. Марков, писал: «...Политрук 3-ей роты 606-го стрелкового полка М.К. Эльчепаров всегда среди бойцов, был он с ними и в решительный час атаки на врага... Трое фашистов опомниться не успели, как меткая очередь автомата уложила их на повал. Четвертого, прятавшегося в кустах, он взял в плен» [Лесев 1985: 38, 39].

Отважно защищал родные места и З.М. Мизиев, заряжающий 7-ой батареи 773-го артиллерийского полка 317 стрелковой дивизии. Вспоминая о тех грозных годах, он рассказывал: «Воевать начал в 1941 г. После ранения попал в госпиталь, а оттуда в Дагестан, стал заряжающим. Первые бои под Заманкулом в сорок втором запомнились беспокойством за родные места, которые оказались оккупированными врагом» [Лесев 1985: 92, 93]. Затем с гордостью достал чудом сохранившийся металлический ящик от снарядов к 76-миллиметровой пушке, который он бережно хранил почти сорок лет и произнес: «Этот артиллерийский ящик прошел со мной дорогами войны через Северный Кавказ, Украину, Венгрию, Австрию, Чехословакию и Китай. Из ящика он извлек все свои документы, в том числе и награды» [Лесев 1985: 92, 93]. Все это свидетельствует о том, что он дорожил честью воинского долга.

Со второй половины ноября 1942 г. натиск немцев стал ослабевать. Заметно уменьшилась активность их авиации. Основные силы противника были направлены на овладение Сталинградом. Поэтому они не могли обеспечивать подкрепления Моздокско-Малгобекской группировке. Войска резерва Северной группы Закавказского фронта 6 ноября нанесли сокрушительный удар по наступающим на город Орджоникидзе соединениям первой танковой армии немцев и заставили ее перейти к жесткой обороне.

За временный успех – захват Малгобека и попытку прорыва к городу Орджоникидзе – противник потерял 18 700 убитыми и 384 танка [Казьмин 1972: 49].

В начале декабря 1942 г. 317-я стрелковая дивизия вошла в состав 58-й армии и получила приказ: «Подготовить и провести операцию по захвату двух высот, ключевых в обороне противника на подступах к Верхнему Курпу». Для выполнения этой задачи привлекались главные силы 571-го и 606-го стрелковых полков со средствами усиления. 16 декабря после получасовой атаки полки 317-й дивизии перешли в наступление. В оперативной сводке с 16 по 21 декабря указывалось «Противник упорно удерживает южные и юго-западные склоны высоты 488,4. Попытки сбить противника успеха не принесли. На участке 606-го стрелкового полка 1-й стрелковый батальон под командованием старшего лейтенанта Ерохина продолжал наступление и в 16.55 ворвался в окопы противника на высоте «Нефтевышка». В результате рукопашного боя высота захвачена батальоном. Наши потери: убито – 35, ранено – 59 человек» [Лесев 1985: 54–57]. В дальнейшем подразделения

дивизии закрепились на достигнутых рубежах, улучшили оборону. 27 декабря 1942 г. 606-й стрелковый полк продолжил наступление и достиг сада в километре от Верхнего Курпа.

Вместе с тем противника совсем не устраивала потеря высоты 473,0. В этой связи 12 декабря 1942 г. немцы открыли сильный артиллерийский и минометный огонь по высоте. Видимость была плохой. Под прикрытием тумана силой до двух рот с трех направлений противник начал наступление на оборону 4-й стрелковой роты. «За ночь мы не смогли окопаться, как следует, – рассказывал годы спустя кавалер орденов Отечественной войны I степени и Славы III степени Г.Г. Акульшин, – грунт был мерзлый. Поэтому нам больше всех досталось во время артминналета. Но, несмотря на это, пулеметные очереди нашего «максима» заставили фашистов залечь» [Казьмин 1972: 49].

На другом фланге также, неся большие потери, противник не достиг высоты. Зато в центре, на стыке первого и второго взводов, ударная группа вражеских автоматчиков сумела проникнуть в наши окопы. «Завязался рукопашный бой. Командир роты старший лейтенант Волков поднял в атаку наше отделение и лично возглавил его, – вспоминает Н.П. Донченко. Он отмечал, что храбро сражались помкомвзвода Иванов, командир отделения Илья Демченко, Григорий Арутюнян, командир роты Волков и политрук И.А. Наливайко, оказавшиеся в самой гуще этого боя, и другие. «Отбив атаку, – продолжал свой рассказ Н.П. Донченко, – наша рота начала преследовать противника на скатах высоты. Во время этой атаки погибли И.А. Наливайко, Сергей Кулюкин и Николай Еременко, помкомвзвода Иванов. За этот бой 32 бойца были награждены орденами и медалями, в том числе 9 из Северной Осетии, 7 – Кабардино-Балкарии, 4 – Чечено-Ингушетии» [Лесев 1985: 45–47].

«Декабрьские бои 571-го полка, – рассказывал на встрече ветеранов дивизии кавалер ордена Славы III степени А.М. Водогребский из города Терек, – были последними для многих моих товарищей из Новоивановки (КБАССР – уточнение А.Т.). Он хорошо помнил: «Нас прибыло в полк много: Иван Бондаревский, Григорий Луценко, Иван Захарченко, Григорий Сухаренко, Алексей Кваша и другие. В одном бою погиб мой товарищ по школе Иван Захарченко, а я получил тяжелое ранение и на фронт больше не вернулся» [Лесев 1985: 42].

Всего месяц служил в роте автоматчиков 571-го стрелкового полка Ш.Б. Гидов. Наверное, не было в дивизии ни одного бойца, который в ту пору воевал бы так близко от родных мест. Он рассказывал, что временами видел свое село Нижний Курп, но оно было в руках врага. Наделся, что удастся принять участие в освобождении его, но, получив ранение, выбыл в госпиталь, а позже воевал в 5-м гвардейском Донском казачьем кавалерийском корпусе. Он был награжден орденом Красной звезды и медалью «За отвагу» [ЦА МО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 279. Д. 2851].

В декабре 1942 г. бойцы роты 227-го истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона 571-го полка начали наступление на высоту 488,4. Однако противник контратаковал наши подразделения. На склоне высоты завязался бой. В этот момент командир роты ПТР лейтенант Иванов поднял в атаку взвод истребителей танков. Бойцы взвода сломили сопротивление противника и погнало его. Когда оставалось метров пятьдесят до вражеских траншей, с фланга ударил пулемет противника. И.С. Чередниченко первым заметил опасность и своим телом прикрыл командира роты, получив тяжелое ранение в обе ноги. За совершенный подвиг в бою младший сержант, наводчик противотанкового ружья И.С. Чередниченко был награжден орденом Красной звезды [ЦА МО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 489]. Долго боролись за жизнь славного война хирурги дивизионного медсанбата, но все их попытки оказались тщетными... Возле школы селения Старый Батоко (Северная Осетия Алания – уточнение А.Т.) на братской могиле воинов

317-й стрелковой дивизии высится памятник. Среди имен, занесенных на памятник, есть имя И.С. Чередниченко, уроженца селения Ново-Полтавского Кабардино-Балкарии.

Оперативная сводка за 21 декабря 1942 г. была следующей: «Противник упорно удерживал южные и юго-западные склоны высоты 484,4. Попытки сбить противника на этих рубежах успеха не принесли. На участке 606-го стрелкового полка 1-й стрелковый батальон под командованием старшего лейтенанта Ерохина продолжал наступление и в 16.55 ворвался в окопы противника на высоте с нефтевышкой. В результате рукопашного боя высота захвачена батальоном. Наши потери: убито 35, ранено 59 человек» [Лесев 1985: 54–57]. В дальнейшем подразделения дивизии закрепились на достигнутых рубежах, улучшили оборону. 27 декабря 1942 г. 606-й стрелковый полк продолжил наступление и достиг сада в километре от Верхнего Курпа.

В результате контрнаступления под Сталинградом, которое завершилось окружением и полным разгромом крупнейшей вражеской группировки, создалась благоприятная обстановка для перехода в наступление наших войск на Северном Кавказе. 1 января 1943 г. стало началом наступления Красной Армии на Северном Кавказе. В течение января 1943 г. 317-я стрелковая дивизия освободила Верхний Курп, Эльхотово, а затем Верхний Акбаш, Тамбовское, Арик, города Прохладный, Георгиевск, Минводы и станицу Новоалександровскую.

После краткого отдыха дивизия двинулась дальше, освобождая Северный Кавказ, затем – Украину, Карпаты, Венгрию, Австрию, Чехословакию и участвовала в войне с Японией [317 стрелковая дивизия].

В сохранении памяти о погибших солдатах и офицерах о 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии объединили свои усилия ветераны войны и молодое поколение. В 1967 г. клуб «Поиск» средней общеобразовательной школы сельского поселения Верхний Курп Кабардино-Балкарии под руководством Л.Э. Ашижевой установили имена 170 солдат и офицеров 324 артиллерийского полка и 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии, воевавших в годы Великой Отечественной войны на Курпских высотах. Памятным событием стала первая встреча с родственниками погибших воинов 9 мая 1967 г. На мероприятие приехали 120 ветеранов 317-й дивизии из Донецка, Калининграда, Душанбе, Москвы, Дагестана, Чувашии, Армении, Северной Осетии, Тамбова, Тулы, Воронежа, Солнечногорска, Луганска. Они горячо поблагодарили юных следопытов. Так, ветеран 317-й дивизии Валентина Ивановна Шварева в своем письме из Днепропетровска писала: «Я очень сожалею, что мне не довелось принять участия во встрече ветеранов 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии в Верхнем Курпе. Для меня и для всей нашей семьи священна та земля, где насмерть стояли воины нашей дивизии, откуда началось изгнание немецко-фашистских захватчиков с территории Кабардино-Балкарии и со всего Северного Кавказа. Священная потому, что там я приняла боевое крещение, дивизию вел в бой муж Николай Александрович Шварев. Ветеранам дивизии хорошо известно его имя. С радостью узнала о том, как бережно хранит память о героическом прошлом нынешнее поколение молодежи. Поэтому высылаю для музея Верхнекурпской средней школы некоторые материалы о командире 317-й стрелковой дивизии из нашего семейного архива...» [Лесев 1985: 10].

Следопыты также разыскали ветеранов 317-й стрелковой дивизии и 59-й отдельной стрелковой бригады. В октябре 1970 года организовали встречу с ветераном 317-й стрелковой дивизии Виталием Дмитриевичем Лесевым, работавшим тогда секретарем партийного комитета Кабардино-Балкарского государственного университета. Встреча была посвящена установлению обелиска неизвестному солдату. Кропотливым трудом следопытов создан Музей боевой и трудовой славы села. В знак памяти о войнах 317-й дивизии благодарные жители одну из улиц назвали именем 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии.

При активном участии ветеранов и общественности оформились места памяти, посвященные тем, кто сражался на Курпских рубежах. На этой высоте установлен обелиск в память о семи тысячах советских солдат и офицеров с надписью: «Памяти павшим. Никто не забыт – ничто не забыто. Здесь, на легендарных Курпских высотах, осенью 1942 г. ценой 17 тыс. убитых и раненых советских солдат остановлен враг» (выделено – А.Т.). Ежегодно в дни воинской славы и памяти общественные организации, молодежные военно-патриотические клубы, юнармейцы и курсанты местных отделений ДОСААФ здесь проводят торжественные патриотические акции. В год 75-летия Великой Победы организовано восхождение на Курпские высоты, посвященное Дню освобождения Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских захватчиков 11 января 1943 года. Участники восхождения возложили венки и цветы к обелиску, почтили память павших защитников Родины минутой молчания [Мокаев].

Таким образом, историческая память о Малгобекской операции и 317-й стрелковой дивизии нашли отражение в мемуарных и эпистолярных источниках, названиях улиц, экспозициях краеведческих музеев, произведениях литературы, монументально оформлены в памятниках и мемориалах. Консолидирующим посылом людей разных поколений является память о Великой Отечественной войне. Обращение к памяти способствует сохранению связи новых поколений с погибшими в годы войны и способствует формированию чувства патриотизма, сохранению духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения.

Источники и литература

1. Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. Киев: Политиздат Украины, 1988. 526 с.
2. Бекалдиев М.Х. История Кабардино-Балкарии. 8–9 классы [Текст]: учебник для общеобразовательных учреждений / М. Д. Бекалдиев. 4-е изд., доп. и испр. Нальчик: Эльбрус, 2013. 414 с.
3. Битва за Кавказ в документах и материалах / сост. Апикеев А.А., Безугольный А.Ю., Януш С.В. Ставрополь, 2003. 507 с.
4. Василевский А.М. Дело всей жизни: [В 2 кн.] / 7-е изд. М.: Политиздат, 1990. Кн. 1. 319 с.; Кн. 2. 302 с.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
6. Гречко А.А. Битва за Кавказ. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1973. 494 с.
7. Гусев А.М. Эльбрус в огне. М.: Воениздат, 1980. 208 с.
8. Гусев А.М. От Эльбруса до Антарктиды. М., 1972. 237 с.
9. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. / Г.К. Жуков. 13. изд., испр. и доп. по рукоп. авт. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 1. 2002. 415 с. Т. 2. 2002. 415 с.
10. Захаров Ф.В., Романов И.В. Плечом к плечу. Повесть-хроника. Нальчик, 1962. 193 с.; Битва за Кавказ. М: «Триада-ф», 2002. 428 с.
11. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2: История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней / ред. кол.: Г.Х. Берикетов (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1967. 439 с.
12. Казьмин М.И. Их звали комиссарами. Нальчик: Эльбрус, 1968. 111 с.; Казьмин М.И. Однополчане. Нальчик: Эльбрус, 1972. 160 с.
13. Лесев В.Д. Герои рядом. Нальчик: Эльбрус, 1985. 154 с.
14. Матиев Т.Х. К вопросу о термине «Малгобекская оборонительная операция» // Вопросы истории Ингушетии. Сборник статей. Вып. 4. Магас: Изд-во ООО «Пилигрим», 2006. С. 96–109.
15. Матиев Т.Х. Малгобекская оборонительная операция (сентябрь-октябрь 1942 г.). Ход. Этапы. Значение. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. 335 с.
16. Мокаев Т.В. Горными и полевыми тропами по местам боевой славы [Электронный ресурс]. URL: <http://kbrria.ru/blogi/tengiz-mokaev/> (дата обращения: 12.04.2020).

17. *Опрышко О.Л.* Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии. Август 1942 – январь 1943 г. Нальчик: Эльбрус, 2015. 288 с.
18. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС / ред. коллегия: ... В.К. Тлостанов (отв. ред.) и др. Кабардино-Балкарский научно-исслед. ин-т при Совете Министров КБАССР. Нальчик: Эльбрус, 1971. 394 с.
19. Письма огненных лет (сост. Е.Т. Хакуашев). Нальчик: Эльбрус, 1989. 256 с. .
20. Подвиг воинов 317-й стрелковой дивизии (Текст составлен по материалам клуба красных следопытов «Поиск» Новоалександровской средней школы № 3 в 1996 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://artem-gorovenko.narod.ru/p3.htm>(дата обращения: 12.04.2020).
21. *Полищук И.И.* От Терека до Миуса. Нальчик: Эльбрус, 1992. 110 с. .
22. *317-я стрелковая дивизия* (2-го формирования) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poisk-pobeda.ru/forum/index.php?topic=2350.0> (дата обращения: 12.05.2020).
23. *Тюленев И.В.* Герои битвы за Кавказ [Очерки о Героях Совет. Союза] / Под общ. ред. ген. армии И.В. Тюленева. Цхинвали: Ирыстон, 1975. 543 с.
24. *Тюленев И.В.* Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе: Ир, 1975. 176 с.
25. *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик: Эльбрус, 1978. 318 с.
26. *ЦА МО* – Центральный архив Министерства обороны РФ.
27. *Яндиева Т.У., Долгиева М.Б.* Роль и значение участников Малгобекской оборонительной операции в исходе битвы за Кавказ // Научная мысль Кавказа 2019. № 2. С. 54–57.

MALGOBEK DEFENSIVE OPERATION OF THE BATTLE FOR THE CAUCASUS IN HISTORICAL MEMORY: PROBLEMS OF FORMATION AND PRESERVATION

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, Leading Researcher Sector of Recent History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alim-tetuev@mail.ru

The article is devoted to the research of the problem of reflection in the historical memory of the Malgobek defensive operation of the battle for the Caucasus. On the basis of the analysis of literature, archival and narrative sources the peculiarities of military operations at this stage are revealed. The participation of 317th Red Banner Budapest Rifle Division at Kurpsk heights is described with the use of recollections of soldiers. Activity of state and municipal authorities, civil society institutions, educational institutions of Kabardino-Balkaria in search and identification of the dead, burying their remains, improvement of monuments and preserving the historical memory of the 317th Infantry Division was investigated. It has been revealed that its feat has found material and symbolic embodiment in thematic places of memory in Kabardino-Balkaria, such as military cemeteries, mass graves, memorial signs in places of military operations, memorial plaques, museums of military glory, as well as names of streets, public gardens, schools, etc..

Keywords: historical memory, Malgobek operation, Kurpskie heights, 317th division, military operations, exploits, losses, patriotism.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-72-79

УДК 94(470.64).084.9

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-80-86

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ
С «ВРЕДНЫМИ» ПЕРЕЖИТКАМИ ПРОШЛОГО
В СОВЕТСКОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
(На примере борьбы с обычаем умыкания невест)**

Такова Александра Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), sanatakova@yandex.ru

Предметом исследования является обычай умыкания, его место и роль в кабардино-балкарском обществе советского периода. Рассматривается историография проблемы, дается характеристика применяемых органами государственной власти республики методов борьбы с ним. Анализируются причины устойчивости данного обычая в изучаемом социуме.

Ключевые слова: умыкание, обычай, Кабардино-Балкария, социум, Уголовный кодекс, гендер.

У кабардинцев и балкарцев умыкание невест в разные исторические периоды являлось одной из форм заключения брака, существовавшей наряду с браком по сговору. В советский период против данного обычая, попавшего наряду с уплатой калыма, многоженством, кровной мезью, вступлением в брак с лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста и пр. под категорию «вредных» пережитков прошлого, шла активная борьба на государственном уровне. Однако, несмотря на это, умыкание на протяжении всего рассматриваемого периода, было распространено в общественно значимых масштабах. Предметом настоящего исследования является, с одной стороны, рассмотрение мер, принимавшихся органами власти для его искоренения из общественного и семейного быта, а, с другой, выявление причин его укорененности и живучести в кабардино-балкарском социуме.

Изучение умыкания, как одной из форм заключения брака в советский период, проводилось преимущественно сквозь призму разоблачения его антисоветской сущности и носило, в большинстве своем, пропагандистский характер. Лишь в 80-е гг. XX в. вышли два капитальных научных труда – Смирновой Я.С. «Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.)» [Смирнова 1983] и Меретукова А.Н. «Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е гг. XX в.)» [Меретуков 1987]. В рамках данных работ явления общественного и семейного быта горских народов, как прошлого, так и настоящего, в том числе брак умыканием, были подвергнуты скрупулезному изучению. Стоит отметить, что Я.С. Смирновой принадлежит важное теоретическое обобщение, в соответствии с которым она впервые в отечественной науке разделила умыкание на три основные его разновидности, по сути представлявшие собой совершенно разные социальные явления, обозначаемые, однако, общим термином: 1) похищение без согласия девушки и вопреки воле ее родни; 2) похищение с согласия девушки, но против воли ее родни; 3) фиктивное похищение по соглашению всех заинтересованных лиц и сторон [Смирнова 1983: 53]. Данный теоретический

подход в целом используется и в современной отечественной исторической науке. В перестроечный и постсоветский периоды изучение обычая умыкания не стало предметом самостоятельного исследования. Однако в ряде работ таких авторов, как Х.М. Думанов, Л.Х. Сабанчиева, А.Х. Абазов [Думанов 1990, Сабанчиева 2005, Абазов 2014] и др. данный обычай затрагивался. Важно отметить, что в общем их контексте обычай умыкания стал рассматриваться как сложное, многофакторное социальное явление, а не исключительно как мера, способствовавшая снижению размера калыма и прочих свадебных расходов. Таким образом, был поставлен вопрос о более глубинных, по сравнению с чисто экономическими, причинах укорененности данной формы заключения брака.

На протяжении всего советского периода заключение брака посредством умыкания рассматривалось в качестве «вредного» пережитка быта, принципиально несовместимого с задачей строительства нового социалистического общества и подлежащего полному искоренению. Так, уже 5 марта 1921 г., в период нахождения Кабарды в составе Горской республики (январь-сентябрь 1921 г.), был принят приказ Нальчикского окружного Исполкома Советов «О запрещении похищения девушек и отмене калыма». В данном документе отмечалось, что «...до сей поры практиковался варварский обычай похищения девиц, на каковой почве... вытекала целая сеть кровной вражды, тянувшейся десятки лет и уносившей массу ни в чем не повинных жертв. Несмотря на то, что ...большинство граждан ...не могли осознать всей пагубности этого варварского обычая ... идя тем самым против воли трудового народа,... а сельская власть в своем бездействии дошла до того, что не только не старалась ликвидировать это явление, но совершенно закрывала глаза, не обращая внимания на то, что делалось в селениях. Считая, что указанному явлению в будущем ни в коем случае не должно быть места, Нальчикский окружной исполком Советов предписывал: 1. При заключении брачных союзов и совершении нэжых родители невесты не должны обязывать жениха уплатой калыма, каковой со дня опубликования настоящего приказа совершенно упраздняется, и браки заключаются по обоюдному соглашению брачующихся, без принуждения с чьей бы то ни было стороны. 2. Практиковавшееся похищение девиц безусловно воспрещается» [Великий Октябрь 1979: 32–33].

Столь категоричная форма процитированного документа объясняется рядом причин. Усиленная бескомпромиссная борьба с обычаем умыкания, а наряду с ним и другими, упомянутыми выше обычаями, отнесенными советской властью к категории «вредных» пережитков прошлого, была связана с проводимой в 20-е гг. XX в. кампанией по раскрепощению женщины. По справедливому замечанию Я.С. Смирновой, «...на Северном Кавказе, и в том числе в Кабарде, на протяжении по крайней мере первого десятилетия Советской власти важнейшим фактором перестройки семьи и семейного быта была борьба за раскрепощение горянки» [Смирнова 1983: 122]. Как известно, особенно активно данная кампания проводилась в национальных, прежде всего, мусульманских, регионах страны и ставила своей целью не столько юридическое уравнение женщин в правах с мужчинами, что с формальной точки зрения было осуществлено достаточно оперативно, сколько практическое раскрепощение женщины-горянки, превращение ее в активного социального субъекта. Как справедливо отметила исследователь Л.Х. Сабанчиева, законодательные акты «...обеспечивали лишь юридическое равноправие горянки, которое было первым, необходимым, но далеко не достаточным шагом к установлению ее фактического равноправия» [Сабанчиева 2016: 17]. В этой связи брак умыканием, при осуществлении которого роль женщины была довольно пассивной, принципиально противоречил как основным принципам данной кампании, так и ее стратегической цели – уравнению статуса женщины и мужчины во всех сферах социума, а, шире, слову традиционных стереотипов по распределению гендерных ролей.

Не следует снимать со счетов и антирелигиозную подоплеку. Проводившаяся в данный период активная атеистическая работа была направлена на значительное ослабление влияния религии на общественный и семейный быт, и, соответственно, влияние служителей культа. В их функции, как известно, входила легитимизация брака, заключенного посредством умыкания невесты. Именно духовное лицо, или, позже любой человек, знавший основы проведения соответствующего обряда, проводило мусульманское бракосочетание. Только после его совершения молодые могли вступать в фактические брачные отношения. При этом сама свадьба могла проводиться по прошествии определенного времени, нередко составлявшего несколько недель, а то и месяцев. В итоге в процессе заключения брака посредством умыкания духовное лицо играло одну из ключевых ролей.

В 1926 г. был принят Уголовный кодекс СССР. В нем была выделена отдельная X глава, посвященная так называемым «бытовым» преступлениям. Как отмечает И.Л. Бабич, «...в соответствии с ним похищение женщины с целью заключения брака (ст. 197) каралось лишением свободы или принудительными работами сроком до 2 лет» [Бабич 1995: 92]. Интересно отметить, что основанием для возбуждения уголовного дела являлось выявление самого факта совершения умыкания представителями власти, вне зависимости от того поступило ли официальное заявление о случившемся или нет. М.А. Меретуков отмечал по этому поводу, что местные исполкомы, милиция и судебные власти, получив уведомление о совершенном похищении женщины, обязаны были немедленно принять меры к задержанию виновных и освобождению похищенной. При этом «...представители власти, не исполнившие этого, подлежали судебной ответственности как за преступление по должности» [Меретуков 1987: 109]. По справедливому замечанию Я.С. Смирновой, «...это была очень важная статья для практической работы в местных условиях, так как в те годы было едва ли не общим правилом, что девушки, да и молодые люди под влиянием старшей родни и духовенства не решались прибегать к защите закона» [Смирнова 1983: 125]. Таким образом, в случае похищения женщины предполагалось применение наказания даже в случае ее однозначного согласия на брак с похитителем, а равно и положительного отношения к свершившемуся всех причастных лиц.

Статья, включавшая преступления, составляющие пережитки местных обычаев или так называемые «бытовые» преступления, присутствовала также в Уголовном кодексе 1960 г., заменившим предшествующий (1926 г.). В нем данная статья была представлена в несколько урезанном виде. Вместо 11 составов, содержащихся в Уголовном кодексе 1926 г., было выделено лишь 5. Однако умыкание невесты (ст. 233) продолжало фигурировать [Уголовный кодекс РСФСР]. При этом наказание за его совершение предусматривалось такое же, как и по Уголовному кодексу 1926 г. – 2 года лишения свободы. Наличие в Уголовном кодексе 1960 г. специальной статьи, посвященной умыканию, свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости данного социального явления, а с другой – о сохранении на государственном уровне идеи борьбы с ним.

Стоит отметить, что в плане правоприменительной практики, несмотря на мощную агитацию, наличие в законах мер, предоставлявших возможность для уголовного преследования, проведения показательных публичных судебных процессов, культивирования так называемых «красных» свадеб и т.д., привлечение к ответственности лиц, уличенных в похищении женщин, в 20–30-е гг. XX в. ознаменовалось в Кабардино-Балкарии лишь серией показательных выездных судебных процессов. Так, например, в прессе освещалось проведение двух открытых судебных слушаний в феврале 1926 г. [Карахалк 1926]. Однако в последующие десятилетия в Кабардино-Балкарии ежегодно возбуждалось не более 3–4 дел по умыканиям, что обоснованно ставит вопрос о причинах столь малого числа возбужденных уголовных дел при широких масштабах распространения данного

явления. Возможно, несмотря на все усилия, умыкание невест не стало восприниматься в социуме в качестве отрицательной социальной девиации, требующей своего искоренения. По этому поводу в аналитической записке по с. Нижний Куркужин Кубинского района (ныне – Баксанский район) за 1949 г., в частности, отмечалось, что о фактах хищения девушек в селении «...никто не говорит и никто не замечает их, им мало придают значения, так как считают это вполне нормальным явлением» [УЦДНИ АС КБР. Ф 1. Оп. 1. Д. 1771. Л. 25]. Нередкими в республике были случаи, когда в умыканиях участвовали, а порой и организовывали их, комсомольцы, а также члены партии и ответственные руководители, которым, собственно, вменялось в обязанность бороться с ними. Подробный документ, с перечислением наиболее резонансных фактов подобного рода только за 1948–1949 гг. [УЦДНИ АС КБР Ф 1. Оп. 19. Д. 229. Л. 19–25] на семи листах, позволяет сделать вывод о том, что умыкание невест оставалось достаточно распространенным явлением, несмотря на почти 20-летнюю декларированную борьбу с ним, причем с одинаковой частотой встречавшееся как в среде рядового крестьянского населения, так и у ответственных работников, руководителей местного и республиканского уровней, коммунистов и комсомольцев. Масштабность изучаемого явления связывалось авторами документа с тем, что на местах доминировали «...факты либерального отношения со стороны отдельных судебно-следственных органов к фактам хищения девушек, выплаты калыма и т.д.» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 229. Л. 20].

Таким образом, деятельность, направленная на искоренение из общественного и семейного быта кабардинцев и балкарцев теоретически несовместимых с социалистическими принципами норм и обычаев, к которым относилось и умыкание невест, активно проводившаяся в первые десятилетия советской власти, оказалась недостаточно эффективной для искоренения данного социального явления. Возможно, его устойчивость была связана с комплексом явлений, так или иначе способствовавших не только его сохранению, но и развитию. Главными, при этом являлись следующие:

1) общее падение жизненного уровня значительной части населения (особенно в 20–30-е гг. XX в.) вызывало необходимость к проведению свадеб с наименьшими финансовыми затратами. Брак посредством умыкания невесты был менее затратным, чем брак по сговору, как для стороны жениха, так и для стороны невесты. Значительная экономия присутствовала ввиду исключения из свадебного цикла целого ряда обрядов, обязательных при проведении свадьбы по сговору (сватовство, организация свадебного кортежа с угощениями и подарками, «выкуп» невесты, застолье в доме невесты, торжественный перевоз невесты в дом жениха и др.). Каждый из этих обрядов свадебной церемонии сопровождался обоюдными щедрыми одариваниями и организацией пышных многолюдных застолий, что было достаточно затратным. В случае умыкания данные обряды свадебной церемонии не проводились. Еще одним нюансом, усиливающим экономические выгоды от брака умыканием, в данном случае для стороны невесты, являлась отсрочка приданного. В случае свадьбы по сговору оно доставлялось в день приезда на свадьбу родственников невесты. В случае же умыкания, ввиду того, что времени для его подготовки у родни невесты было априори недостаточно, приданное привозилось уже после свадьбы, нередко через несколько месяцев после нее, а то и год.

2) социальная нестабильность, следствием которой являлось нацеленность на проведение свадеб в наиболее сжатые временные сроки. Данный аспект был связан с общим историческим фоном – коллективизацией, крестьянскими восстаниями, репрессиями, войной, послевоенной разрухой и пр.

3) агрессивная разоблачительная пропаганда против умыканий и его отрицательной сущности, как не парадоксально, способствовала утверждению в общественном сознании восприятия данной формы заключения брака в качестве

старинного, хоть и негативного (вредного) национального обычая, широко распространенного в прошлом. Ввиду этого, его соблюдение могло восприниматься, хотя и иррационально, как один из способов самосохранения себя как этноса, на фоне всеобъемлющей советизации.

4) специфическое восприятие общественностью положения похищенной. Оно сводилось к тому, что похищение фактически приравнивалось к выходу замуж. После похищения, в случае ухода невесты из дома похитителя, ее шансы на последующее удачное замужество были весьма невелики. Она становилась объектом сплетен и кривотолков, насмешек и оскорблений. Данное утверждение подтверждают и архивные документы. Показательным примером, в этой связи, может быть случай, произошедший в одном из сел республики в 1947 г. Здесь родители похищенной девушки не только забрали ее из дома похитителя, но и заявили о случившемся в органы правопорядка. Над лицами, участвовавшими в похищении, состоялся суд, по решению которого похититель был осужден на 1,5 года заключения. Однако жители села, а также и представители власти не поддержали подобный прецедент. В документах отмечается, что «...вокруг этого приговора ни партийные, ни комсомольские организации никакой работы не проводят. Потерпевшая А.Ф. чувствует себя довольно неловко, а комсомольская организация, да и партийная ничего не сделали, чтобы оградить ее от всевозможных насмешек» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1771. Л. 26]. Впоследствии А.Ф. вынуждена была покинуть село. Поэтому, ввиду опасности подобной огласки, похищенные девушки, даже не желавшие выходить замуж за похитителя, в подавляющем большинстве соглашались на брак. Стоит отметить, что в последующие десятилетия отношение социума к похищенной значительно либерализовалось. А уход из дома похитителя перестал оказывать сколько-нибудь существенное влияние на перспективы последующего замужества, что имеет место и по сей день.

В итоге, в советский период умыкание сохранилось, и даже как не парадоксально, стало доминирующей формой заключения брака, обыденным явлением, своеобразным типичным признаком народной среды. Данный тезис красноречиво подтверждают архивные материалы. К примеру, по свидетельству аналитической записки за 1947 г. по одному из наиболее крупных кабардинских селений республики умыкание «...настолько укоренилось в селении, что девушка, хотя и согласна выйти замуж, все же должна быть похищена», рядовые колхозники, в свою очередь, «...считают данный поступок за подвиг». Документ заканчивается выводом о том, что в указанном селении «...нет ни единого факта регистрации брака до кражи» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1771. Л. 25, 38]. В свою очередь иной способ заключения брака – торжественный увоз невесты из родительского дома или брак по сговору стал, напротив, достаточно редким явлением. В общем и целом, в годы советской власти, судя по данным имеющихся источников, обычай умыкания в Кабардино-Балкарии не только не был изжит, несмотря на довольно активную борьбу с ним, но обрел устойчивость. Он стал типичным для изучаемого социума явлением. Красноречиво иллюстрирует данный вывод еще один архивный документ за 1961 г. по с. Алтуд Прохладненского района. Судя по его содержанию похищение девушек превратилось в настолько обычное явление, что руководство села (председатель сельсовета и партком) «...делают вид, что ничего особенного в этом нет» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 76. Оп. 1. Д. 273. Л. 86].

Профессиональные исследования обычая умыкания в советский период специально не проводились. Однако в 1973 г. в республике силами сектора этнографии КБНИИ была проведена масштабная этносоциологическая экспедиция по теме «Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев», где обычай умыкания затрагивался. Ее результаты весьма любопытны, так как позволили ученым сделать вывод о практически полном исчезновении в республике умыкания, как формы заключения брака. В изданных по итогам экспедиции

материалах, в частности, говорилось, что «... похищение девушек, широко распространенное среди горцев в прошлом, ныне почти не встречается. Этот обычай осуждается не только законом, но и общественностью. Из 276 браков лишь в 8 случаях было инсценировано похищение, ничего общего, конечно, не имевшее с дореволюционным умыканием невесты» [Мамбетов, Думанов 1977: 63–64]. Далее авторы поясняют, что «... во всех восьми случаях парень и девушка жили в одном и том же населенном пункте, знали друг друга и встречались, вели переговоры о женитьбе, их отношения были известны родственникам и односельчанам. Однако необходимая договоренность с родственниками невесты не была достигнута и пришлось инсценировать похищение» [Мамбетов, Думанов 1977: 64]. Подобные результаты весьма неожиданны, и, на первый взгляд, полностью противоречат процитированным выше архивным документам. Попытаемся объяснить их.

Стоит сразу оговориться, что принятая на сегодняшний день схема деления умыканий на три разных по содержанию формы, введенная в науку Я.С. Смирновой несколько позже данной экспедиции, учеными, естественно, не применялась. Кроме того, в материалах указывается на то, что «... необходимая договоренность с родственниками невесты не была достигнута» [Мамбетов, Думанов 1977: 64], то есть одна из сторон по тем или иным причинам была против брака. Таким образом, посредством умыкания семья невесты была поставлена перед свершившимся фактом. И здесь, конечно, налицо отклонение от общепринятых в социуме норм. Самая же распространенная форма умыкания – по согласию всех заинтересованных сторон, даже не упоминалась респондентами, так как, по нашему мнению, не воспринималась ими в качестве девиации, а, напротив, как необходимый составной элемент свадебной обрядности. Помимо этого, возможно, официальное негативное отношение к умыканию могло способствовать и сознательному замалчиванию данного факта. Определенную роль могли сыграть и установки ученых, нацеленных подтвердить успешное строительство в субрегионе социалистического общества, при наличии незначительного числа «вредных» пережитков, которые в обозримом будущем полностью исчезнут. Ввиду этого объективные цифры разрушили бы тезис о кардинальных преобразованиях общественного и семейного быта горских народов, а умыкание из разряда пережитков превратилось бы в типичное явление общественного быта. Это, в свою очередь, сводило бы к нулю всю пятидесятилетнюю работу органов советской власти по искоренению данных пережитков из семейного и общественного быта горцев.

Примерно в это же время (1972 г.) вышла небольшая статья, посвященная преобразованиям семейного и общественного быта, произошедшим в советский период, содержащая противоположенное предшествующему мнению по изучаемой нами проблеме. В ней говорилось о том, что пятьдесят лет советской власти коренным образом преобразовали жизнь в Кабардино-Балкарии, «...но этот срок оказался недостаточным для полного и окончательного искоренения всех вредных пережитков «адыгэ хабзе» и шариата» [Катанчиев 1972: 118–119]. Кроме того, по указанию автора, «...из всех пережитков местных обычаев в Кабардино-Балкарии наибольшее распространение сохранило похищение женщины для вступления в брак» [Катанчиев 1972: 120]. Таким образом, полевые исследования ученых, с одной стороны, и прочие материалы, с другой, по вопросу распространенности обычая умыкания в социуме Кабардино-Балкарии в советский период достаточно противоречивы и ждут своего исследователя.

В заключении хотелось бы отметить, что в годы перестройки и в постсоветский период в национальных регионах страны, в том числе, в Кабардино-Балкарии, имело место довольно яркое социальное явление, позже названное учеными этнической мобилизацией. Основным его содержанием стал небывалый всплеск интереса общественности ко всему связанному с национальной спецификой, своего рода «моды» на всевозможные проявления своей этнической принадлежности.

В рамках свадебной обрядности умыкание утвердилось в качестве ее неотъемлемой части. В последующем данный обычай даже обрел черты этнокультурного бренда, что имеет место по сей день.

Источники и литература

1. *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.: РАН. Институт этнологии и антропологии им. М.М. Миклухо-Маклая, 1995. 129 с.
2. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917–1936 гг.). Сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1979. 370 с.
3. *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата первой половины XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1990. 263 с.
4. *Сабанчиева Л.Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е годы XIX века). Нальчик: Эль-Фа, 2005. 246 с.
5. *Абазов А.Х.* «Брак умыканием» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3. С. 3–9.
6. Карахалк. 1926. 1 марта.
7. *Катанчиев Т.М.* Формы и методы борьбы с сохранившимися вредными установками местных обычаев, то есть «адыгэ хабзэ» и шариата в КБАССР // Современное право, традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Материалы 2-ой Северокавказской научной конференции. Нальчик, 1972. С. 117–120.
8. *Мамбетов Г.Х., Думанов Х.М.* Некоторые вопросы современной кабардинской свадьбы // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР, 1977. 184 с.
9. *Меретуков А.М.* Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е гг. XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
10. *Сабанчиева Л.Х.* Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 156 с.
11. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX вв.). М.: Наука, 1983. 265 с.
12. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1960 г. Электронный ресурс режим доступа http://base.garant.ru/10107062/17/#block_3110
13. УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы.

SOME ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST THE «HARMFUL» REMNANTS OF THE PAST IN SOVIET KABARDINO-BALKARIA (Using the example of the fight against the custom of washing brides)

Takova Aleksandra Nikolaevna, Candidate of History, Senior Researcher of the modern History Sector of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), sanatakova@yandex.ru

The subject of the study is the custom of skill, its place and role in the Kabardino-Balkarian society of the Soviet period. The historiography of the problem is considered, a description of the methods used by the state authorities of the republic to combat it is given. The reasons of stability of this custom in the studied society are analyzed.

Keywords: custom, Kabardino-Balkaria, society, Criminal Code, gender.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-80-86

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-87-95

МЫХЪУНЫГЪЭ КАТЕГОРЭР АДЫГЭБЗЭМ КЪЫЗЭРЫЩЫХЪУ ІЭМАЛ НЭХЪЫЩХЪЭХЭР

Бишо Борис Чэмал и къуэ, филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» Федеральнэ щІэныгъэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ пашэ, kbigi@mail.ru

Шэру Нинэ Гъумар ипхуэ, филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» «Федеральнэ щІэныгъэ центрым» и филиалым адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ нэхъыжъ, nina.sherieva@mail.ru

Лэжыгъэр тегъэпсыхъащ мыхъуныгъэ гъэпсыкІэр адыгэбзэм къызэрыщыхъу псалъэщІ Іэмал нэхъыщхъэхэм я зэпкърыхыныгъэм. Ди къэхутэныгъэм къызэригъэлабгъуэмкІэ, лъабжъэгъусэхэмкІэ лэжыгъэцІэхэращ мыхъуныгъэр нэхъыбэрэ къызыщагъэлабгъуэр: гъэпсыкІэ мыухахэм *мы-* лъабжъэпэкІэ, уха гъэпсыкІэхэм – *-къым* лъабжъэужкІэ. Адыгэбзэм абы нэмышІ хыболъагъуэ дІэпыкыуэгъу папщІэу къагъэсэбэп нэгъуэщІ лъабжъэгъусэ зэмылІэужыгъуэхэри (*-ниэ, -джэ, -гуэ, -пцІэ*), негатив псалъэ щхъэхуэхэри. Мы лэжыгъэм апхуэдэу дыщкІэлъоплэ Іуэхугъуэ къэтІэтам и нэгъуэщІ лъэныкыуэми: мыхъуныгъэ къызэрагъэщІ Іэмалхэр я закъуэу къыщыкІуэм нэмышкІэ, зы псалъэ гъэпсыкІэм е псалъэухам и кІуэцІкІэ ахэр зэгъусэу, зэкІэлъыхъауэ къызэрыкІуэфым, абы къыдэкІуэу жыІэгъуэм иІэ хъу мыхъэнэм. Абы къыпкърыкІыу гулгытэ хэха худощІ мыхъуныгъэ тІуащІэ жыхуалэми.

Щхъэхуэу къыхэгъэщыпхъэщ мы статьяр проблемэ зытесэлъыхымкІэ япэу адыгэбзэкІэ ятха лэжыгъэу зэрыщытыр, мыбы адыгэбзэкІэ щІэуэ зэхалъхъа бзэщІэныгъэ фІэщыгъэцІэхэр къызэрыщыгъэсэбэпар.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, бзэхабзэ, мыхъуныгъэ гъэпсыкІэ, лъабжъэпэ, лъабжъэужъ, псалъэ, лъабжъэгъусэ, мыхъуныгъэ тІуащІэ.

Мыхъуныгъэр – ар грамматикэ категорэхэм ящыщ зыщ, предметым, лэжыгъэм и щымыІэныгъэр, Іуэхугъуэр къэхъункІэ Іэмал зэрыщымыІэ гурыІуэгъуэр къыгъэлабгъуэу.

Мыхъуныгъэ категорэр убзыхуным теухуауэ лэжыгъэ мымащІэу дунейм къытехъащ, бзэщІэныгъэлІ куэди абы тетхыхъащ, ауэ адыгэбзэкІэ мыхъуныгъэм ехъэлІа тхыгъэ куэд шыІэкъым. Адыгэбзэм и кІуэцІкІэ ар джыным, нэхъ куууэ зэпкърыхыным елІэлІахэм ящыщ КІэрашэ З.И., Рогавэ Г.В., Къумахуэ М.А., Урыс Хъ.Ш., Яковлев Н.Ф. [Рогавэ, Керашева 1996; Кумахов 1971; Урыс 2000: 122–130; Яковлев 1938], нэгъуэщІхэри.

Мыхъуныгъэр ди бзэм къыщагъэлабгъуэ щІыкІэ зэмылІэужыгъуэхэмкІэ: щыІэщ лъабжъэпэ, лъабжъэужъ, лъабжъэпэ-лъабжъэужъ къэхъукІэхэр, мыхъуныгъэ псалъэкІапэхэр, цІэпапщІэхэр, нэгъуэщІ Іэмалхэри [Шэру 2019: 175].

Адыгэ бзэщIэныгэм кьэхута зэрыщыхуащи, нэхьыбэрэ мыхуныгээр кыи-зэраггэлыагьуэр льябжьэужь **-кьым**-рэ льябжьэпэ **-мы**-рэ псалгэм хэувэкIэрэщ. Абыхэм псалгэухар зытепсэлыхь Iуэхур, щыIэныгээр, щытыкIэр иIэныгээр мыхуныгэ хэлъу кьаггэлыагьуэ [КЧЯ 2006: 225].

Льябжьэужь *кьым*-р и тхьдэкIэ пкыгьуитIу зэхэтщ: абхъаз-адыгэ мыхуныгэ льябжьэгьусэ *-м*-рэ *-кыи/-кьэ*- льябжьэужьу (иужьрейр упщIэ мыхьэнэ зиIэ *-кыи/-кьэ* льябжьэгьусэм кьытекIащ).

ГьэпсыкIэ ухам деж мыхуныгэ кьэзыггэлыагьуэ *-кьым* льябжьэужьыр псалгэм зэман кьэзыггэлыагьуэ льябжьэгьусэхэм кьащыкIэлъокIуэ, псалгэм папщIэ:

сы-щыт-кьым; сы-тхэ-р-кьым; у-еджэ-(р)-кьым (ит зэман);

кыи-ух-а-кьым; кIуа-кьым (блэкIа зэман);

сы-тхэ-ну-кьым; сы-дэ-ну-кьым (кьэкIуэну зэман).

Льябжьэужь *-кьым*-р поувэ псалгэ лъэпкыгьуэ псомкIи кьэггэлыгьуа гьээщIэн зэраIуатэ тешэм итым: *Хабзэжъ хэкужъ кьранэркьым* [Адыгэ псалгэжхэр 1994]. *Иджы дьапкIэ (Кьамбот) абы (Аслъэн) нэхь и гьусэни, ищIэри дищIэниц икIи щигьэуэнкьым* [Хьэх 2019: 14].

ЗэраIуатэ тешэм ит лэжыггэцIэр, гьээщIэну кьыщыкIуэкIэ, гьээщIакIуэм и ужь итщ. Апхуэдэ гьээщIэным хэт мыхуныгэ льябжьэужьым и ужьым иувэ-фынур координатив льябжьэужь *-и*-ращ. Абы псалгэухам и зэхэлъыкIэмрэ коммуникативнэ унэтIыныгэмрэ елытауэ кьалэнитI щеггэзащIэ: гьэщIэгьуэныгэ тешэм и льябжьэужь кьалэнрэ щхьэусыгьуэ кьалэнрэ.

Мыхуныгэ льябжьэужь *-кьым*-р льябжьэужь *-р*-м и ужь иту ит зэманым деж кьэкIуэнущ, адреи зэманхэм деж зэман льябжьэужьхэм кьакIэлъокIуэ: *Сэ фы-с-цIыху-р-кьым-и сы-вэ-псэлъэ-ну-кьым*. (Сурэт.) *Сэ сьукIытэрт, си напэр сырт, нэцхьеирилэ сыхьуат, жей симыIэжу сыкьэнат, итIани Сэхьид зыкьезгьащIэртэкьым, кьэзымышэнуми ищIэркьыми, цхьэ япэ зыкьэригьэщирэ, зыхужезмыггэIэн цхьэкIэ* [Абазэ 1994: 118].

ГьэпсыкIэ мыухам мыхуныгээр льябжьэпэ кьэхьукIэкIэ кьыщаггэлыагьуэ. Мыхуныгэ мыхьэнэ зиIэ льябжьэпэ *-мы*-р хуэггьуш льябжьэпэм и пэ йоувэ, ауэ, ар хэмытмэ, занщIэу лэжыггэцIэм и псалгэпкыпэм поувэ.

Мыхуныгэ льябжьэпэр кьыщаггэсэбэп лэжыггэцIэхэм я тешэ гьэпсыкIэхэм: фIэфIыныгэ, унафэ, елыта-фIэфIыныгэ, апхуэдэ дьдэу лэжыггэцIэтекI кьэхьукIэхэми, тхьэлбанэ псалгэухахэми: *Уэиш кьемышхащэрэт. Бажафэ Iэрымылхьэм ущымыгьуэ, уи гьусэм ущыгьуэу мыщэм уемыбэн* [Адыгэ псалгэжхэр 1994]; *Щхьэм имыльмэ, лъэм и мыгьуэщ* [Адыгэ псалгэжхэр 1994]; *Умылажьэу пихьыр хьэрэмщ* [Адыгэ псалгэжхэр 1994].

Мыхуныгэ льябжьэужь *-кьым*-р псалгэуха пажэми хоувэ. Апхуэдэ хабзэр ткIийуэ щызокIуэ уха гьээщIэн нэхьыщхьэхэм (пажэхэм): *Сэ зэхэ-с-хы-р-кьым ар кIуэу. Сэ с-лыагьу-р-кьым ар тхэуэ*.

Мыуха гьэпсыкIэ кьэзыггэлыагьуэ лэжыггэцIэр, гьээщIэным и кьалэныр щызэфIиггэжым деж, кьокIуэ унафэ тешэм иту: *Фы-мы-иынэ зыггэпскIын*.

Мыхуныгэ льябжьэпэ зыхэт лэжыггэцIэм предикацэ, Iуэхугьуэ зэфIэкIа кьыггэлыгьуэнкIэ хьунуц, апхуэдэ щыкIэкIэ псалгэухам синтаксис и лъэныкьуэкIэ кIэух хуэхьуу. Нэхьыбэу апхуэдэ ущрохьэлIэ пасерей гьэпсыкIэхэр нэхь кьыщызэтена Iуэрыуатэбзэм: *Сосрыкьуэ слъэгьуакьым, Ар зыдэщыIэр сымыщIэ* [«Нартхэр» 1995: 76]. *Зэ дьзылгьэгуами, доIуэр, Нарт удын щымыгьуупцэнкIэ!* [«Нартхэр» 1995: 91].

Щапхьэхэм нэрылыагьу кьызэращIици, *сымыщIэ, щымыгьуупцэнкIэ* псалгэхэм уха гьэпсыкIэм и пIэр яубьдри псалгэухам и предикат льябжьэ мэхьу. Апхуэдэ кьэхьуггэхэр щыхьэт тохьуэ мыхуныгэм и льябжьэпэ гьэпсыкIэр япэм адыггэбзэм нэхь убгьуауэ кьыщаггэсэбэпу зэрыщытам.

ГьэпсыкIэ мыухам гьэпсыкIэ ухам и кьалэн иггэзащIэу ущыхуозэ *Инджыл, КьурIэн, тхьэ, уэлэхьы* псалгэхэр зыхэт тхьэрыIуэ конструкцэхэм. Мы псалгэхэм

я кьэггэсэбпыклэм гендер и лъэныкьуэкIэ щхьэхуэныггээ хыболъагьуэ: *тхьэ-р* зыхэтыр цIыхубз тхьэрыIуэхэрщ, *уэлэхьи-р* – цIыхухуу тхьэрыIуэхэрщ [Афаунова 2016: 81]. ВариантитIми я гьээщIэным хэтщ мыхуныггээ кьэзыггэлягьуэ лъабжьэпэ: *Тхьэ, сымьIэ; Уэлэхьи, сымьIэ*. Мы тхьэланэхэм мыуха гьэпсыклэм уха гьэпсыклэм и кьалэныр щеггэзащIэ, н.ж. мыхуныггээ псалъэуха кьеггэщIэ.

Гу лытапхьэщ хьуныггээ мыхьэнэ зиIэ тхьэрыIуэ псалъэхэм мыхуныггээ гьэпсыклэ яIэу узэрырихьэлIэм. Абы щыгьуэ лэжыггэщIэм хэтщ ищхьэкIэ кьыщыггэлягьуэ лъабжьэггусэхэм языхэз: *Тхьэ (алыхь, уэлэхьи) уэзмытмэ*. Хуэбгьэфашэ хьунуш мыхэр пыггэщхьа гьэпсыклэу.

Иджырей адыгэбзэм куэдрэ ушрихьэлIэркьым лэжыггэщIэклэ кьэггэлягьуэ гьээщIэн мыхуныггээ лъабжьэпэ зыхэтым уха гьэпсыклэ иIэу. Мыхуныггээ лъабжьэпэклэ кьыщыггэлягьуэ лэжыггэщIэр гьэпсыклэ уха зиIэ унафэ тешэм нэхь и нэщэнэщ.

Тхьэланэ псалъэухахэм я мыхьэнэр мыхуныггээ лъабжьэпэм яфIиггэклэуэдынкIэ хьунуш: (*КIуацэ Нэхунэ жреIэ:*) – *Алыхь лъанIэу лэщ, ди цIанIэм псы иримыггэжыкьыжмэ зэрылэпкьыу: жэуаныр щыIэрыхьа жэщым нэху укьекIыну пIэрэ?* [Нало 1993: 303]. Гьэпсыклэ ухам хэт *иримыггэжыкьыж-мэ* лэжыггэщIэм хохьэ мыхуныггээ кьызырыхьу лъабжьэпэ *мы-*, ауэ лъабжьэужь *-мэ-м* и фIыггэклэ абы арэзыггэ мыхьэнэ егьуэт, н.ж. мыхуныггээ конструктор *-мэ-м* арэзыггэ (гьэпсыклэ уха) конструктор хуеггэклэу.

Кьэхьа шапхьэхэм тещIыхьауэ жьпIэ хьунуш зэщхьэщыкIыныггэр кьызырыггэлягьуар псалъэ щхьэхуэхэм я гьэпсыклэр, зэклэтыкьыклэр, я кьэпсэлкьыклэр армырауэ, атIэ, зэрынэрылбагьуши, мыхуныггээ кьэзыггэхьу *-кьым, мы-* лъабжьэггусэхэм я закьуэкIэу.

Мыхьэнэ и лъэныкьуэкIэ мыхуныггээ псалъэухахэр куэду зэщхьэщедз. Хьуныггээ кьызырыкI псалъэухахэм елытауэ уакIэтыплгьэмэ, абыхэм яIэщ зэпэщIэт мыхьэнэхэр: *щыIэн – щымыIэн, иIэн – имыIэн, хьун – мыхьун, арэзы – мыарэзы*.

Мыхуныггээ кьэзыггэлягьуэ категорэмрэ гьээщIэнымрэ зэхушытыкIэ пыухыкIа я зэхуаку дэлыщ. ГьээщIэным щIыгьу мыхуныггэрщ жьIэгьуэр зэрыщыту мыхуныггээ зыщIыр, псалъэухам и адреи пкьыггэухэм ящIыгьу мыхуныггэм жьIэгьуэм зэрыщыту хэль арэзыггэр хуэхьуэжыркьым: *Мурат нобэ кьалэкьым кьыздэклуар. Мураткьым нобэ кьалэм кьэклуар. Мурат нобэкьым кьалэм кьыщыкIуар*.

Мы конструкторэхэм щызэтехуэркьым синтаксис, логикэ, грамматикэ я лъэныкьуэкIэ псалъэухам и гуэшыкIэр. Дэтхэнэ псалъэухами *-кьым* мыхуныггээ лъабжьэужькьым гьээщIэным темыхуэ логикэ-грамматическэ предикатыр кьыщыггэлягьуэкIэ, зыхуэфашэ псалъэуха пкьыггэуэм и пэ кьоувэ (*кьалэкьым, Мураткьым, нобэкьым*). Апхуэдэ псалъэухахэр арэзыггэ ныкьуэхэм хохьэ.

Ауэ *Мурат нобэ кьалэм кьэклуакьым* псалъэухам мыхуныггээ псом и мыхьэнэр синтаксис и лъэныкьуэкIи, логикэ-грамматикэ и лъэныкьуэкIи и гуэшыкIэр щызэщхьщ.

Мыхуныггэр кьэггэлягьуэ зэрыхьу *мы-*мрэ *-кьым-*рэ зэггусэу е гьээщIэным зэдыхэту кьэклэуэнкIэ хьунуш, е арэзыггэ псо псалъэухам и пкьыггэуэ нэхьыщхьитIми яхуэвэфынуш. Абы кьрокIуэ мыхуныггэр кIуэду плыфэ зэмышьхьэр зиIэ арэзыггэ дыдэ кьэхьуныр. Апхуэдэ кьэхьуггэм тIуащIэ кьэхьукIэклэ йоджэ: *Ар цIалэ мыггэсакьым. Ар емьджакьым*.

Мыхуныггэ тIуащIэ кьыщыхьухэм гулытэ хэха хуэщIыпхьэщ. Мы фIэщыггэщIэмкIэ дэ кьыдоггэлягьуэ:

- 1) Псалъэухам мыхуныггээ кьэзыггэлягьуэ лъабжьэпэ *мы-* е лъабжьэужь *-кьым*, абы нэмышI мыхуныггээ цIэпапщIэ е кьэхьукIэщIэ зэрыхэтыр;
- 2) МыхуныггэитI псалъэухам и зы пкьыггэуэм (е пкьыггэуэ гупым) зэрыхэтыр.

Мыхуныггэр мыдэныггэр – ар мыхуныггэ тIуащIэм и зы лэужьыгьуэщ. Мыпхуэдэм деж мыхуныггэр ехьэлIащ псалъэухам мыхуныггээ кьэзыггэлягьуэуэм и пкьыггэуэм.

Мыхуныгээр мьдэныгээр адыгэбзэм кьэггэлъэггъуа шохуу кызырэркуэ псалъэухам и гьээщэцэнэм лъабжьэпэ *мы-рэ* лъабжьэужь *-кьым-рэ* зэуэ хэуэу: *Сэри сымыкгуэмытэккьым*, *Сэри сымыжэф хуарэтэккьым* [«Нартхэр» 1995: 419]. *Сызырагъэзым семылъэфтэккьым*, *Сызэлами сыккьыдэмыкгуэжыфтэккьым* [«Нартхэр» 1995: 419]. *Сэ сыхабзэмыщэккьым*, *Спкьырит лъагъуныгъэм сыригъуэурыкгуэуц* [«Нартхэр» 1995: 257].

Мыхуныгъэ тгуащлэм ушыхуозэ мыхуныгъэ кьэзыггэлъагъуэ лъабжьэгъусэ *мы-р* гьээщэцэнми гьээщэцлэкуэми яхэту кышчыкгуэм и деж: *Ямыггэпхуу пхуклэ ищлэрккьым*; *Ахшэ мьбж зэлахырккьым*. Мыпхуэдэ конструкцэм деж мыхуныгъэр тгэунейрэ кьэггэлъэггъуащ: мыхуныгъэ псор лъабжьэужь *-кьым-клэ*, мыхуныгъэ ныккуэр лъабжьэпэ *мы-мклэ*.

Пккыгъуэ нэхьыщхьитлми мыхуныгъэр тгэу хэту кьэкуэнклэ хьунуш, мыхуныгъэ тгуащлэ кьаггэлъагъуэу. Абы шыгъуэ а зэпэщлэуэныгъэм мыхуныгъэ мыхьэнэр еггэкгуэдри, флэккыплэ зимылэ арэзыгъэ кьохуу, пщэрылгыгъэ, лэмалыншэу кьэхуныгъэ, лэмал имылэныгъэ мыхьэнэ кыккыгу. Апхуэдэ кьэхуныгъэм мыхуныгъэ тгуащлэклэ йоджэ.

Мыхуныгъитл хэтынклэ хьунуш гьээщэцэн зэхэлтым, кьапщтэмэ, лэжыггэцлэ гьээщэцэн зэхэлтым. Абы кьоккыр мыхуныгъэ гьэпсыклэ гьээщэцэн зэхуэмыдэхэм – гуэдзэми нэхьыщхьэми – зэуэ ялэнклэ хьуну: *Ар кьомыплъыну лъэккынккьым*.

Гуэхудэкуэрэ гьэпсыклэ уха зилэ лэжыггэцлэрэ зэхыхьэу кьэхуа гьээщэцэн зэхэлтми арэзыгъэ хэлъу мэхуу: *зэхимыхауэ цытккьым*; *имылъэггъуауэ цытккьым*; *имыщлэуэ цытккьым*.

Мыбдеж, *мы-мрэ -кьым-мрэ* зэхыхьэклэрэ, мыхуныгъэ тгуащлэм мыхуныгъэр щеггэкгуэдри арэзыгъэм хуеггакгуэ: – *Тхьэ, «уэ флэккыла зымы кьахуиггэккынукуккьым», жалэри саккьыдэмыкгуэу ямыда* [Нало 1990: 167].

Зэрытлэагъуши, мыхуныгъэ тгуащлэр арэзыгъэм хуэкуэныр кьэзышпэр мыхуныгъэ кьэзыггэлъагъуэ лъабжьэпитлэм я здыщлгыгъуныгъэрщ.

Мыхуныгъэ тгуащлэ кьэхуклэхэр иджыри шылэнущ:

1) Мыхуныгъэ гьээщэцэн хьунукуккьым-мрэ мыхуныгъэ гьэпсыклэ мыуха лыхьэрэ псалъэухахэм здыщыхэтмэ: *жомылэу хьунукуккьым = жьылэн хуейиц*; *демыплъу хьунукуккьым = деплтын хуейиц*; *сымыкгуэу хьунукуккьым = сыкгуэн хуейиц*. *Мис иджыпстуикл (Безрыккыуэ) нысащлэм Гуэху хуилэ хуащ мылькы щлэным теухуауи, мыкгуэу хьунукуккьым Гуэху хьэлъэ дьидэ бггэдихьэу – и пщыккыуэ нэхьыщлэм дэкуэжыну кьытриггэхьэн хуейиц* [Нало 1990: 356].

2) *Лъэккын* псалъэ мыхуныгъэ гьэпсыклэм итымрэ мыхуныгъэ инфинитив-рэ зэхыхьэмэ: *семьгупсысын слъэккырккьым*; *кьэмыкгуэн лъэккырккьым*; *мыпсэлээн лъэлаккьым*; *имылъагъун лъэлаккьым*. *Нэгъуэцл зыгуэрым техи нэхьыфлц...* – *имыдэу пщацэм лэ зреггэнэ, нэхьри плъыжэ мэхуу, и нанлэр ехьэхаш, ауэ сурэттехым ар апхуэдизклэ тккыиуэ шыгъуши, абы щлэгъуу мыкгуэн лъэккырккьым* [Щоджэнцкыкгуэ 1962: 73].

Мыбдежым мыхуныгъэ тгуащлэм субъектым имыггэзашлэу мыхуну лэжыгъэ, абы нэмыщли лэмал имылэныгъэ мыхьэнэр кьеггэлъагъуэ.

Мы- + лъэккырккьым конструкцэм и мыхьэнэгъуу мэув хьунукуккьым мыхуныгъэ гьээщэцлэкуэр – мыхуныгъэ лэжыггэцлэ гьэпсыклэ мыухам арэзыгъэ лэмалыншэ, н.ж. пщэрылгыгъэ, кьыщызыггэлъагъуэр.

Сытым шыгъуи арэзыгъэ (лэмалыншэу хуеиныгъэ) мыхьэнэ ялэщ уасэхуэщл жылэгъуэхэм: *кьомыггэлъагъуэу хьунукуккьым*; *кьомыплъытэу хьунукуккьым*; *жомылэу хьунукуккьым*; *арэзы утемыхуэу хьунукуккьым*. *Кьуажэм фэбжэу кьыдэхуитлэм языр хьэм иуларэ шым идзарэщ. Арыниауи хьунукуккьым: (адыггэхэм) я хьэр удэфам, я шыр емьылдыжц* [Нало 1990: 162].

3) Мыхуныгъэ гьэпсыклэ *хуитккьым (хуитыныгъэ илэккьым)* жыхуи лэм гьэпсыклэ мьуха лыхьэми и мыхуныгъэр шыщлгыгъум деж: *Тхьыгъыр флэуэ сымылэагъуну сыхуитккьым*; *сымыкгуэну сыхуитккьым*; *ярымьыну хуитккьым*.

(Псэбыдэ:) – Дыгъуасэ-вэсэмахуэ, зы телевизорым кыитГысхьауэ желэ: хамэ кээрал банкхэм цыфыхуэ кыыдамытыну хуиткыым [МафIэдз 2003: 226].

ГьээщIэн зэхэтым и гьэпсыкIэ уха нэхыицхьэм кьегъэув адреЙ Гыхьэр цхьэрэ бжыгьэкIэ кьекIуну. Аращ апхуэдэ зэпхыгьэхэм цхьэмрэ бжыгьэмрэ кыыщIышыгьэлъэгъуар.

МыхуныгытIым я зэпэщIэувэныгьэм мыхуныгьэр игьэкIуэду кьохуэ мыхуныгьэр гьээщIэн зэхуэмыдэхэм (нэхыицхьэмрэ гуэдзэмрэ) щыхэтым, мыхуныгьэ тIуащIэм хуишэу: Сэ *щIэркыым ар мыкIуэу*. Сэ *слъэгъуакыым ар мышхуэ*.

Мыхуныгьэ тIуащIэ псалъэухам зэрыхэтым Гэмал кьует мыхуныгьэ герундий предикат гуэдзэу кьэбгьэсэбэпыну.

Мыхуныгьэ тIуащIэр кьохуэ (языныкьуэхэм деж) мыпхуэдэ кьэхьукIэ зэмылIэужьыгьуэхэмкIэ:

1) *мы-* мыхуныгьэ льябжьэпэрэ зыгуэр щымыIэныгьэ мыхьэнэ зиIэ *-ниэ* псалъэужьымрэ зэхыхьэкIэрэ: *СызэригугьэмкIэ ар мы-ахьшэ-ниэ*. *Ар мы-щIэныгьэ-ниэ*. *Куэдыщэрэ зэрымьгьэныкьуэжьуу, езы Исмел кIыхуэ кьригьэ-жьащ:* – ... *Фи духэр щымыгьэвэниэр сьит зэман?* [Теунэ 1980: 69].

2) *-кыым* мыхуныгьэ псалъэужьымрэ *-ниэ* псалъэужьымрэ зэхыхьэкIэрэ: *Ар тхьылы-ниэ-кыым*. *Ар Гыхьэ-ниэ-кыым*. *Ар Гуэху-ниэ-кыым*. (Мадинэ Залым жреIэ:) – *Уэ уи цхьэм япэ ибгьэщын цыIэкьым, уи фIыльгагъуныгьэ кьудейр хьэрэмыгьэнишкьым, хэт дежи, си дежи уи цхьэрац фIыгуэ цыпльгагъур...* [Абазэ 1994: 242].

3) Псалъэухам *щыIэкьым* псалъэмрэ *-ниэ* псалъэужьымрэ хэтмэ: *Насытыниэ шыIэщи, гугьэниэ щыIэкьым*.

Щапхьэхэм кыызэрагьэлягъуэмкIэ, мыхуныгьэр мыдэныгьэм кьегьэхуэ «арэзыныгьэ кьабзэ», и льякIыныгьэри имыгьэлгьахьшэу, тешэ мыхьэнэи кыыхимыгьэхьэу. Абы щыхьэт тохуэ мыхуныгьэр зэрыщIэхуабжьэри.

Шэч уэзыгьэщI цхьэусыгьуэ щыIэщ мыхуныгьэр мыдэныгьэмрэ арэзыныгьэмрэ я зэфIэкIкIэ зэрызэхуэмыдэм. Псалъэм папщIэ, мыхуныгьэ тIуащIэ зыхэт псалъэуха «*Ар насытынишкьым*» жыхуиIэр мыхьэнэкIэ хуэкIуэркьым льябжьэужьэхуэ *-ниэ* + *-кыым* зыхэмытым. Ауэ абы кыкIыркьым мыхуныгьэр мыдэныгьэм арэзыгьэ кьуимыту. Мыхуныгьэ тIуащIэм ухуешэ *насытыфIэщ* жыхуиIэ кьежьапIэм емыщхь арэзыныгьэм. Псалъэм папщIэ: *кьарууфIэ – кьарууниэ – (махэ); щIалэ – мыщIалэ (жьы)* гьэпсыкIэхэм зэпэщытыгьэ (антонимие) кьагьэхьуркьым. Абы хуэдэ дыдэу кьэхуэ псалъэхэр: *насытыфIэщ – насытынишэц; дахэщ – дахэкьым* гьэпсыкIэхэр я мыхьэнэкIэ зэпэщIэтц. Ауэ мы дызытепсэлыыхьа кьэхьугьэр адреЙхэм емыщхьу аращ, армыхьумэ мыхуныгьэр мыдэныгьэр арэзыгьэм пэхуэ хабзэщ.

Гу льомытэу кьэбгьанэ хьунукьым тхьэрыIуэ псалъафэ арэзыныгьэ мыхьэнэ зиIэ зы гьээщIэным мыхуныгьэ льябжьэпэ хэтым: *Тхьэ уэзмытмэ*. Абы хуэдэ жьыIэгъуэхэм арэзыныгьэ кьэзыгьэлягъуэ лэжыгьэщIэр дохури, елыгьа тешэм ит лэжыгьэщIэм и кьалэныр егьэзащIэ: *Тхьэр согьэщIэ, уэзмытмэ*. *Тхьэр согьэщIэ* жыхуиIэм езым мыхуныгьэ мыхьэнэ иIэу щытц. Мыхуныгьэ мыхьэнэ кьэзыгьэлягъуэ лэжыгьэщIэм гьусэ хуэхьумэ (мыхуныгьэ тIуащIэ), апхуэдэ зэхэлыкIэм арэзыныгьэ мыхьэнэ егьуэт.

Мыхуныгьэ гьэпсыкIэ яIэщ жьабзэ штампхэми: *нэгъуэщI мыхьуми, нэхь мыхьуми, дуней (зы) Гэмал иIэкьым (щыIэкьым)*. Ауэ *щыхьукIэ Хьэжысмел кьыкIэрыхуу, зыIурамылхьэжэу щысыну дуней зы Гэмал щыIэкьым* [МафIэдз 2003: 46].

Мыхуныгьэ мыхьэнэр нэхь игьэлъэшу псалъэухам псалъэ льяпкьыгьуэ зэмылIэужьыгьуэхэр псалъэзэпыщIэ-лябжьэгьусэ *и-* япыту хоувэ: *зыри, зыми, зыкIи, зыщIыпIи, зэи, ауи, зыгуэри*.

Мыхуныгьэ цIэпапщIэхэр псалъэухам гьээщIакIуэу, хэгьэхьуэну, гьэнэхуакIуэу кьыщокIуэ: *Кьуэ зэвым зыри щыIэуэляуэркьым*. *Мы гьэм иджыри*

зыри *ц*лым хэтсактым. *Егъэджак*лүэм къыджыла къомым *цыцу зы* хъыбар *гуэри* си гум *схуцубыдак*тым.

Цэпапщлэхэмрэ къэхьуклэцлэ зи гъусэу къаклүэ псалъэхэмрэ мыхъуныгъэм и лъабжьэпэ *мы-клэ*, е лъабжьэужь *-къым-клэ* мыхъуныгъэ тлуашлэ къагъэхьу: *Мусэ флэклэ зыми шлыхурктым* [Нало 1993: 291]; – *Уа шлалэ*, – *кыхопсэлъык*лэ *зы лыжъ* (*Къантемыр зыхуегъазэри*), – *игъащлэ лъандэрэ псыщлэгъэладэ жыхуалэр дымьщлэу дыкхогъуэгурык*лүэри, *тхэ дыгъылэ*, *абы цхъэклэ нэхъ хуэмыхуу дылажъэу цытауэ зыми жимылэфын*. *Наурыз пэжыр имыщлэу уэ нэхъ пщлэ уи гугъэ?* [Мысачэ 1991: 152].

Псалъэ къэзыгъэхьу лъабжьэужьхэм а псалъэхэм мыхъуныгъэ мыхъэнэ ират. Адыгэбзэм шызеклүэ *-къым* мыхъуныгъэ лъабжьэужьым къадэклүэу куэду къагъэсэбэп псалъэ къэзыгъэхьу мыхъуныгъэ лъабжьэужьхэу *-нишэ*, *-джэ*: *Луэху-нишэ*, *купщлэ-нишэ*, *мыхъэнэ-нишэ*, *фа-джэ*, *ла-джэ*. Абыхэм къарыклър «зыгуэрым шыщлэн», «зыгуэр имылэн» жилэу аращ. Мы лъабжьэужьхэм мыхъуныгъэ мыхъэнэр псалъэм зэрыхалъхэм кыхэклклэ, ахэр антонимхэр къэзыгъэхьу *Іэмэпсымэхэм хэту кышцагъэлабгъуэ шылэщ* [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020: 84].

Шэч хэмылгу, дэтхэнэ лъабжьэужьми мыхъэнэ пыухыкла хелъхэ псалъэм: *-нишэ-р* шылэцлэм и пкъым пыувэклэрэ плъыфэцлэ къегъэхьу, ар зыпыщла псалъэм емыхауэ: *акъыл – акъылынишэ*, *хъэл – хъэлынишэ*, *цыгъын – цыгъынынишэ*, *псалъэмакъ – псалъэмакъынишэ*.

-нишэ, *-джэ* лъабжьэужьхэр зыпыувэр шылэцлэм и пкъырщ. Абыхэм къагъэхьу нэщэнэ къэзыгъэлабгъуэ плъыфэцлэхэр: *къару – къаруунишэ*, *лыгъэ – лыгъэнишэ*, *теплэ – тепладжэ*, *сурэт – сурэтыджэ*. Плъыфэцлэм и пкъым ахэр пыувэмэ, псалъэм и лексикэ мыхъэнэм кыхахэ шыщлэныгъэ мыхъэнэ гуэр.

Лъабжьэужь *-нишэ*, *-джэ* зыхэт лексемэхэм псалъэухам щаубыд субъект е предикатив увыплэр: *Луэхунишэр – насытынишэц* [Адыгэ псалъэжъхэр 1994].

Мыхъуныгъэ къэзыгъэлабгъуэ *-нишэ*, *-джэ* цлэ лъабжьэгъусэхэр нэгъуэщл мыхъуныгъэм гъусэ щахуэхьум деж мыхъуныгъэр мэклүэдри хъуныгъэм хуоклүэ: *мыакъылынишэ*, *мыбынынишэ*, *мыбзаджэнаджэ мылладжэ*.

-Луэ лъабжьэужьыр и мыхъэнэклэ *-нишэ-м* пэгъунэгъуш. Абы къегъэлабгъуэ псалъэпкъым кышцыгъэлъэгъуа гуэрым и хушщлэныгъэ, е иримыкуныгъэ. Мыпхуэдэ мыхъуныгъэ къэхьуклэр нэхъ зи нэщэнэр цлэхьум е псэушхэм и пкъыгъуэхэр къэзыгъэлабгъуэ шылэцлэхэраш. *-Луэ* лъабжьэужьыр шылэцлэхэм я псалъэпкъым пыувэклэрэ плъыфэцлэ къегъэхьу: *дзэ – дза-гуэ*; *бзэ – бза-гуэ*; *пэ – па-гуэ*.

-Къэ лъабжьэужьым мыхъуныгъэ нэщэнэ къегъэлабгъуэ, ар зыпыувэр шылэцлэхэраш, плъыфэцлэ кыигъэхьу: *пэ – пакъэ*; *ныбэ – ныбэкъ*; *пащлэ – пащлакъэ*.

-Пщлэ лъабжьэужьым и къежъаплэр «пщлэнэ» цлэ псалъэпкъраш, зыпыувэри шылэцлэрщ, зытепсэлъыхь объектум хьэпшып гуэрхэр кызырэхуэтыр кыигъэлабгъуэу: *лъэ – лъапщлэ*; *цхъэ – цхъэпщлэ*; *лэ – лэпщлэ*.

Мыхъуныгъэ мыхъэнэ кыклүу, ищхэмклэ кышцыгъэлъэгъуа цлэпапщлэхэмрэ къэхьуклэцлэхэмрэ ешхьу, псалъэухам хэувэнущ мыхъуныгъэ мыхъэнэ къэзыгъэлабгъуэ *хъэуэ-р*. Псалъэклэпэ *хъэуэ-р* нэхьыбэрэ кызырагъэсэбэпыр цлэхэмрэ цлэпапщлэхэмрэ я пэ къит гъусэуш, кынэмьщлэуэ абы псалъэуха псом и мыхъэнэ шигъуэти шылэщ: – *Хъэуэ*, *Зэрылэ*, – *Аружан адэшыпхьум и псалъэр зэуэ Іэнеуд* [Щоджэнцлүклү 1962: 206]. Мыр кьэклүэнклэ хъунущ псалъэухам мыхъуныгъэ къэзыгъэлабгъуэ лъабжьэпэ *мы-*, лъабжьэужь *-къым* зыхэт гъээщлэным шлгъуу.

Хъэуэ+мы-: (*Нэхъуатлэ Платлэ жре*лэ:) – *Хъэуэ*, *ухуримык*бу (*Дыгъэнэху цлүк*лү), *уемышхыдэ* [Мафлэдз 1988: 76].

Хъэуэ+къым: (*Платлэ Бильостэн жре*лэ:) – *Хъэуэ*, *сыхуейк*ым. *Сытлүщлэрк*ым [Мафлэдз 1988: 83].

Мыхъуныгъэр куэдрэ лъабжьэгъусэншэуи къегъэлъэгъуа мэхьу псалъэухам и зэхэлъыклэ зэмыллэужьыгъуэхэмрэ псалъэ шхъэхуэхэмклэрэ, зэуэклэ макъщлүклэ

хэлүү кьапсэлхэу. Апхуэдэ мыхьэнэ ялүү кьоклуэ *нытлэ, лейуэ, иджыпсту, цыгугь* псалъэхэр. Абы нэмыщл мыхуныгээм и кьалэнхэри ягьэзащлэ мыпхуэдэ жылэгьуэхэми: *цыгугьи цыс* (зыщымыгугьыным, кьемыхуулэнум шыгугьым жралэ псэляфэщ), *нэхь кьэпцтэнт?: Нытлэ. Уэ кьожьэри зэхэси. – Шыгугьи цыс, кьыпхуитхыниц. Кьалэм клуэрэ еджаплэ цлэтлгысхэмэ, цыгугьи цыс, Астемыр!* [Бозий 2003: 16].

Жанр шхьэхуэхэм кьыхэха текстхэм ущепльклэ, налуэ мэхьу хьэуэ-м увьплэ хэха псалъэхам зэрыщымылэр, хуиту зэрызеклуэр, псалъэхам и пэм, и кум е и клэм хэту: *Студентыр сыт цыгьуи студентц, ауэ зауэ нэужь студентыр студент псом я студентыжц: цыгьыныниэц, шхыныниэц, унэниэц, хьэуэ а псори илэц, ауэ зыри ирикьуу илэкьым – зэпымыуэ и цыгьыныр эфлэмыхьэц, зэпымыуэ мэмэжаллэ, унэ цигьуэтым – гьуэлгыплэниэц, гьуэлгыплэ цигьуэтым – теплэныниэц, ар игьуэтым уэддыгьэниэц...* [Нало 1993: 415].

Хьэуэ псалъэклапэр мыхуныгээ гьэпсыклэм ит псалъэхэм шагьусэм деж абыхэм я мыхуныгээ мыхьэнэр щлэгьэбыдэ: *Ефэндым хьэуэ кьыхигьэклакьым* [Мафлэдз 1988: 145].

Ту шызэпсалъэм деж хьэуэ-р жэуап зытым и псалъэщ, упщлэм мыхуныгээ псалъэклапэ хэтынкли, хэмытынкли хьунщ. Упщлэм мыхуныгээ кьимыкьыу шытмэ, ар жэуапым хэтынущ. (*Аружан:*) – *Хьэуэ, хьэуэ, Софят, зыми жеплэнклэ амал илэкьым!*. [Щоджэнцыкьу 1963: 202]. Шапхэм кьызырыхэщымклэ, жэуапым упщлэм зэрыщыту, е и лыхэм, кьыщытригьээжынкли мэхьу. Хьэуэ-р тлэу кьытригьээжэу шытмэ, мыхуныгээ мыхьэнэр щлэгьэбыдэ.

Кьызырыгуэкл псалъэклэм кьыщагьэсэбэп псалъэклапэ хьэуэ-м и мыхьэнэгьуу кьэуэ *алэ-, лылы-*хэр, «сыхуейкьым» мыхьэнэр илэу, и пклэ жадам арэзы зэрытемыхуэр кьагьэлгагьуэ: *лылы, сыхуейкьым сыкьуэну. Алэ, алэ, а жыплэр сыт?! – Хьэуэ, хьунукьым дгьазэ! – желэ Тхьуэжьейм* [«Нартхэр» 1995: 137].

Алэ псалъэклапэр литературэбзэм куэдрэ кьыщагьэсэбэпыркьым. Нэхьыбэрэ узыщрихьэллэр жьэрылуатэбзэращ. Мы псалъэклапэр япыщлауэ шытц мыхуныгээ кьэзыгьэлгагьуэ лэжыгьэцлэхэм: *Алэ, алэ, абы (Софят) зитлэцлыну ауи игьгьэхкьым... И цхьэ узыр увьлэхуклэ тлэку цылыныц* [Щоджэнцыкьу 1963: 224]. Алэ-р нэхьыбэрэ кьыщагьэсэбэпыр унафэ псалъэхэм кьаклэлыкьуэ жэуапхэрщ.

Хьэуэ, алэ псалъэклапэхэр зы псалъэм е псалъэхуа псом ехьэллауэ шытынкли мэхьу. Кьинэмыщлауэ, ахэм псалъэхуа и мыхьэнэ шагьэзащли шылэщ (псалъэпсалъэхуа). Апхуэдэхэм деж нагьыщэхэр зэрагьэувыр псалъэхуа и клэм хуэдэуц: (*Сэлихь Бэчыр жрелэ:*) – *Хьэуэ, хьэуэ! Лэлуакьуэ кьым, – согузавэр, лэлуакьуэ сыкьуауэ кьызырыфлэцлам папцлэ* [Брат 1988: 137].

Хьэуэ псалъэклапэм и зэфлэкьыр нэхьыбэщ алэ-м ейм нэхьрэ – етуанэр нэхь кьыщагьэсэбэпыр гьэува упщлэм и жэуапущ. Сыт хуэдэуи кьэбгьэсэбэп хьу хьэуэ-м елытауэ, алэ-р жызылэм и ныбжьыр кьегьэлгагьуэ: – *Хьэуэ, хьэуэ, Тыгьуэн, гурыцхьуэ лэпкь пхуэсцлыркьым, фэжагьуи уэсплыркьым, – зэрелга цыкьлэм иришынэжауэ убзэрт Шэдэжэмокьуэ дадэр* [Теунэ 1980: 10]. – *Мыщэрцэ, мыщэр? – жыплэрэ уеуцлэмэ, – алэ, уцлэмьунцлэ абы, а мыкьумьтэжьым (жилэрт Сэфар)* [Клэрэф 2009: 405].

Ди лэжыгьэм шызэпкьыртхаш псалъэхуахэм мыхуныгээ гьэпсыклэр кьэгьэлгэгуа зэрыщыхьу Гэмалхэр. Зэрытлгагьуши, нэхь убгьуауэ кьагьэсэбэп хэклплэ нэхьыщхьэхэм (-мы, -кьым льябжьэгьусэхэм) нэмыщл мыхуныгээ гьэпсыклэхэм увьплэшхуэ шаубыд нэгьуэщл льябжьэгьусэхэми: -джэ, -гуэ, -нцлэ, негатив псалъэ шхьэхуэхэми: *хьэуэ, алэ, лылы, нытлэ, лейуэ, иджыпсту, цыгугь, н.*

Псалъэхуа / псалъэм, кьызырагьэсэбэп елытаклэ, мыхуныгээм мыхьэнэм зыщригьэхьуэжыфынущ, псалъэм папцлэ, мыхуныгээ защлэм мыхуныгээ, мыарэзыныгээ мыхьэнэ кьилуэтэнущ, мыхуныгээр мыдэныгээр – мыхуныгээ кьэзыгьэлгагьуэ льябжьэгьусэхэм псалъэм кьыщытрагьазэклэ – хьуныгээ мыхьэнэ илэ мэхьуж.

КӀэуху жыӀапхъщ: мыхъуныгъэ категорэр зэмылӀэужыгъуэ, зэмышхъ куэ-дуи зэхэлъщ, а псом я гъэпсыкӀэ-ухуэкӀэр зэхэбгъэкӀынуи тыншкӀым. Мы категориэр дӀапкӀэ гулгыгъэ хъа зыхуэщӀыпхъэ ӀэнатӀэу кӀонэ.

ТегъэщӀапӀэ хъуа литературэр

1. *Абазэ Л.* Анэм и джэ макъ // Бжыыхъэ нэпсхэр: повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 1994. 280 н.
2. Адыгэ псалъэжъхэр. Зыгъэхъэзырар ГъукӀэмыхъу А., КъардэнгъушӀ З. Налшык: Эльбрус, 1994. 325 н.
3. *Афаунова А.А.* Гендеровозрастные различия коммуникативного использования междометий в кабардино-черкесском языке // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства АР Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2016. № 3 (30). С. 79-82.
4. *Бозий Л.* ГъащӀэ гъуэгуанэ // ГъащӀэ гъуэгуанэ. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. 275 н.
5. *Брат Хь.* Гугъэр аджъ щӀэинщ // Ди жьэгуми мафӀэ шыблэжынщ. Повестхэр. Рассказхэр. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапӀэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ. 1988. 312 н.
6. *Кабардино-черкесский язык:* В 2 т. / Главный редактор М.А. Кумахов. Т. 1. Налчык: Эль-Фа, 2006. 550 с.
7. *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 342 с.
8. *Кумыкова Д.М., Кумыкова Э.Т.* Особенности структурной классификации антонимов кабардино-черкесского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 3 (46). С. 82–89.
9. *КӀэрэф М.* Сэфар // ЛӀэужь е лӀэужь. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н.
10. *МафӀэдз С.* Мыхъур // Мыхъур. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2003. 344 с.
11. *МафӀэдз С.* МыщӀэ лъэбжбанэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 544 н.
12. *МысачӀ П.* Псыхъуэ гуащӀэ // Тхыгъэхэр. Повестхэр, Рассказхэр, Пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 1991. 312 н.
13. *Нартхэр.* Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа, Тхылъ тедзапӀэ компание «Ашэмэз», 1995. 560 н.
14. *Нало А.* Нэхуш шу. Роман. Налшык: Эльбрус, 1990. 359 н.
15. *Нало А.* Къэрэгъул зэблэкӀыгъуэ // Тхыгъэ кыкыхэхэр. Томи-3-м шызэхуэхъэсауэ. Т. 1. Налчык: Эльбрус, 1993. 464 н.
16. *Нало А.* ПшӀэплъ жыжъэхэр // Тхыгъэ кыкыхэхэр. Томи-3-м шызэхуэхъэсауэ. Т. 1. Налчык: Эльбрус, 1993. 464 н.
17. *Рогава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. 462 с.
18. *Урыс Хь.Ш.* АдыгӀэбзэм и тхыдӀэ. ӀыхытӀу зэхэлъу. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 н.
19. *Теунэ Хь.* ШӀэджемокъуэ лъӀапкыыр // Тхыгъэ нэхъыщхъэхэр томитӀу. ЕтӀуанэ Ӏыхъэ. Налшык: Эльбрус, 1980. 568 н.
20. *Хьэх С.* Ищхэрэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2019. 440 н.
21. *ШӀэру Н.Гъу.* Мыхъуныгъэр псалъафӀэхэмрэ псалъэжъхэмрэ кӀэгъэлъэгъуа зрыщхъу Ӏэмалхэ // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 4-1 (43). С. 175–182.
22. *ШоджэныцӀыкӀу Ӏ.* Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-БалъкӀэр тхылъ тедзапӀэ, 1962. 232 н.
23. *Яковлев Н.Ф.* Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Вып. 1. Синтаксис и морфология. Ворошиловск: Орджоникидзевское краевое издательство, 1938. 143 с.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Бижоев Борис Чамалович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Шериева Нина Гумаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), nina.sherieva@mail.ru

Работа посвящена анализу способов выражения отрицания в кабардино-черкесском языке (суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный). Выбор того или иного способа отрицания теснейшим образом связан со статусом глагольной лексемы и зависит от ее finiteness и infiniteness. В основном, отрицание образуется с помощью префикса *мы-* и суффикса *-кыым*. Наряду с ними важное место в выражении отрицания занимают и другие аффиксы: *-нишэ*, *-джэ*, *-гуэ*, *-нцIэ*, отрицательные частицы *хьэуэ*, *аIэ*, отрицательные местоимения.

Как правило, префикс отрицания *мы-* стоит перед корнем. При образовании отрицания суффикс *-кыым* присоединяется к основам имен, которые в предложении выполняют функцию сказуемого. Совместное употребление префиксального и суффиксального отрицания, приводит к двойному отрицанию. Подобное комбинированное (двойное) отрицание в итоге дает положительную семантику, и это явление представляет особый интерес для лингвистики.

Данная статья фактически является первой работой по поднятой проблеме, написанной на кабардино-черкесском языке с применением новой терминологии, разработанной на этом языке и впервые вводимой в научный оборот.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, грамматика, способ отрицания, приставка, суффикс, слово, аффикс, двойное отрицание.

BASIC WAYS OF FORMATION OF NEGATIVE FORM IN THE KABARDINO-CHERKES LANGUAGE

Bizhiov Boris Chamalovich, Doctor of Philology, Leading Researcher of the of Sector of Kabardino-Circassian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

Sherieva Nina Gumarovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), nina.sherieva@mail.ru

The work is devoted to the analysis of ways of expressing negation in the Kabardino-Circassian language (suffix, prefix, suffix-prefix). The choice of this or that method of negation is closely related to the status of the verbal lexeme and depends on its finiteness and infiniteness. Basically, negation is formed using the prefix *we-* and the suffix *-kym*. Along with them, other affixes also occupy an important place in the expression of negation: *-nshe*, *-dzhe*, *-gue*, *-ptsIe*, negative particles *heue*, *ale*, negative pronouns.

Typically, the negation prefix *we-* comes before the root. When forming a negation, the suffix *-kym* is attached to the stems of names, which in the sentence perform the function of the predicate. The combined use of prefix and suffix negation results in double negation. This combined (double) negation ultimately gives positive semantics, and this phenomenon is of particular interest for linguistics.

This article is in fact the first work on the problem raised, written in the Kabardino-Circassian language with the use of new terminology developed in this language and introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Kabardino-Circassian language, grammar, method of negation, prefix, suffix, word, affix, double negation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-87-95

КЪРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛНИ ЖАЗМАСЫНЫ ТАРЫХЫ

Гузеланы Магомедни жашы Жамал, филология илмуланы доктору, профессор, къарачай-малкъар тил секторну тамата илму къуллукъчусу, Федерал къырал бюджет илму учреждение «Федерал илму ара «Россейни илму арасыны Къабарты-малкъар илму арасыны» филиалы Гуманитар тинтиуле бардыргъан институт, kbigi@mail.ru

Махийланы Хамангерийни къызы Людмила, филология илмуланы кандидаты, доцент, къарачай-малкъар тил секторну тамата илму къуллукъчусу, Федерал къырал бюджет илму учреждение «Федерал илму ара «Россейни илму арасыны Къабарты-малкъар илму арасыны» филиалы Гуманитар тинтиуле бардыргъан институт, liudmila.makhiieva@mail.ru

Статьяда къарачай-малкъар тилни жазмасыны тарыхына къаралады. Малкъар жазма, башха кѣп миллетлени жазмаларыча таууш (фонема) – харф (графема) жазмады. История памятникеде тюбеген бир къауум затла шагъатлыкъ этгенге кѣре, къарачай-малкъар халкъны жазмасы алгъа арап графика бла (1922–1924 жыллагъа дери) ц диалекте жазылгъанды, бир минг тогъуз жюз жыйырма тѣртюнчю жылда къарачай-малкъар халкъы арап графикадан латин графикагъа кѣчеди. Биринчи латин харфланы болушлугъу бла къарачай-малкъар алфавитни Алийланы У.Д. жарашдыргъанды.

Болсада жылдан-жылгъа къарачай-малкъар тил айный, ъсе баргъаны себепли, тилге жангы сѣзле орус тилни юсю бла келе башлайдыла. Тилде алгъын жюриюмеген тауушла чыгъадыла. Ол зат а, тилни фонетика къурамы тюрленнгенин ачыкълай, алфавитге жангы харфла къошаргъа кереклисин кѣргюзтеди. Аны бла байламлы бир минг тогъуз жюз отуз алтынчы (1936) жылда къарачайлыла, малкъарлыла да Шимал Кавказны талай халкъы бла бирге латин алфавитден орус алфавитге кѣчедиле. Алай, жарсыугъа, орус алфавитге кѣчгенде, малкъарлыла бла къарачайлыла бир бирлеринден башхаракъ алфавитлеге кѣчедиле. Ол башхалыкъ орус тилде жюриютюлмеген юч тауушну белгилеудеди: *нг (нъ)*, *жс (дж)*, *у* (къысха у). Кергисин айтханда, бу юч харф ючюн къарачай эм малкъар алфавитлени бир бирден башха этерге кереклиси жокъ эди. Бусагъатда, къарачайлыла бир минг тогъуз жюз алтмыш тѣртюнчю жылда, малкъарлыла уа бир минг тогъуз жюз токъсан биринчи жылда басмаланнган орфографияланы хайырланадыла. Къарачай эм малкъар халкъланы тиллери бир болгъаны себепли, алфавитлеринде, орфографияларында да энчилик болмазгъа керекди. Бу кемчиликлени кетерирге кереклиси баямды

Баш магъаналы сѣзле: жазма, графика, алфавит, тюз жазыу (орфография), магъаналы кезиуле, бирикген проект.

Белгилисича, бусагъатдагъы къарачай-малкъар тил эки формада жюриюдю: сѣлешуу эм жазыу. Тилни сѣлешуу формасы – ол эшитилген, айтылгъан формасыды, асламысында сѣлешген заманда ушакъда хайырланылады, жазыу формасы уа – кѣрюннген, жазылгъан белгиледен къуралады. Башхача айтханда, харфла тауушланы жазмада белгилеридиле. Харфла уллула эм гитчеле, басмагъа урулгъанла эм къол бла жазылгъанла боладыла.

Сѣлешууну жазмада кѣргюзтюу амалланы барысына да графика дейдиле. «Графика» грек тилден келген сѣздю. Бизни тилге аны магъанасы «жазма» деген сѣз бла кѣчюрюлгенди.

Къарачай-малкъар жазманы мурдору таууш жорукъгъа таянады. Хар тауушну эм таууш бирлешни кѣргюзтюр ючюн, тилде энчи графика белгиле (басымны белгиси, тыйгъыч белгиле, дефис, скобка, кавычка, апостроф) дагъыда башха

белгиле эм харфла хайырланыладыла. Ала барысы да бирге къарачай-малкъар жазманы мурдорун къурайдыла. Графиканы къуллугъу тауушланы эм таууш бирлешлени харфла бла белгилеудю. Сёзню тил илмуну излемлерине кёре, тауушланы харфла къалай белгилениулерине, сёзлени къалай жазаргъа кереклисине орфографияда къаралады.

Орфография (грек сёзледен къуалгъанды: *orfho* «тюз» эм *grapho* «жазама») кеси да сёзлени тюз жазылуларында бирчалыкъны жалчытыргъа жорукъланы тинтиучю эм жарашдырыучу тил билимни бёлюмюдю. Къарачай-малкъар тилни баш жоругъу морфология жорукъду.

Къарачай-малкъар тилде хайырланылгъан харфланы барысын да бирге бир энчи жорукъгъа кёре тизилиулерине алфавит дейдиле. «Алфавит» деген термин къарачай-малкъар тил билимге, орус тилни юсю бла грек тилден киргенди. Кеси да, грек тилни алфавитини «*альфа*» эм «*вита*» деген биринчи эки харфыны атларындан къуралгъанды.

Бусагъатдагъы къарачай-малкъар тилни алфавитини мурдорун орус графика (жазма) къурагъанды. Къарачай-малкъар алфавитни харфлары отуз жети (37) боладыла (КЪМТГ 1966: 41) эм юч къауумгъа юлешинедиле: ачыкълагъа – ала ондула, къысыкълагъа – ала жыйырма бешдиле, эки харф (ь, ъ) ачыкълагъа, къысыкълагъа да къошулмаидыла, тилде кеслери алларына бир тюрю тауушну да белгилемейдиле.

Илму шартлагъа кёре, къарачайлыла бла малкъарлыланы ата-бабалары руна жазма бла бирге арап графиканы да хайырланнгандыла. Арап жазманы биринчи шагъатына Къарачайда Тёбен Архыз городищеде табылгъан гыйы таш саналады [Байчоров 1982]. Ол ташны жазыу **ц** диалектде арап харфла бла жазылгъанды. Аны юсюнден А.И. Лавров былай жазады: «Оказалось, что надпись ... на верхне-балкарском цокающем диалекте является важным источником истории Балкарии и представляет собой единственный сохранившийся памятник письменности на карачаево-балкарском языке в XVIII в. ...» [Лавров 1969: 109].

Белгилисича, XX ёмюрге дери арап алфавит бла дин ахлусу адамладан къалгъанлары, аланы да кёбюсю окъугъанларын ангыламагъандыла, хайырланмагъандыла, нек дегенде жазмадан ангылаулары терен болмагъанды.

Арап жазма бла къарачайлыла, малкъарлыла да бир минг тогъуз жюз жыйырма алтынчы жылгъа дери хайырланнгандыла.

Ол жыллада, тилибизни арап харфланы мурдорунда къуралгъан алфавитин (31 харфдан) Акъбайланы Исмаил жарашдыргъанды. Ол алфавитни мурдорунда аны «Воспоминания о пророке» деген уллу миф поэмасы басмаланнганды (Темирхан-Шура, 1914).

Къарачай-малкъар тилни тауушларыны барысын да арап харфла бла белгилерге онг болмагъаны, бир харф сёзню тюрю-тюрю жерлеринде башха-башха тауушланы билдиргени, жазгъан да солдан оннга этилгени себепли, адамла арап алфавитге къыйналып юйрене эдиле. Ол себепден алимле тау халкъланы тиллерин тинтирге, жазмаларын башха халкъланы алфавитлерине жууукъ этерге онгла излегендиле. Аллай алфавитге алимле латин алфавитни санагъандыла.

Къарачай халкъны жарыкъландырыучусу Алийланы У.Дж. латин графиканы мурдоруна таяннган къарачай алфавитни проектин бир минг тогъуз жюз жыйырманчы жылда хазырлайды. Харфлыкъны ара сахарда алимлени уллу жыйылыуларында сюзгенден сора, анга талай тюрлениуле этиледиле, андан сора аны бла хайырланыргъа жарарыгъы белгиленнгенден сора, къарачай элифле жангыртылып басмаланнгандыла [Алийланы У. 1924].

Латин графиканы мурдорунда жарашдырылгъан алфавит отуз эки харфдан къуралгъанды: сегиз ачыкъ, жыйырма төрт къысыкъдан. Латин жазмагъа малкъарлыла къарачайлыладан алгъа (1924-чю жыл) кёчгендиле, къабыл а ол бир жылдан сора этилгенди.

Латин жазманы мурдорунда бириккен къарачай-малкъар алфавит бир минг тогуз жюз жыйырма алтынчы жыл къабыл этилгенди. Ол бир минг тогуз жюз отуз жетинчи жылгъа дери эки миллетни да жазыу ишлерин жалчытып тургъанды. Сотталаны А.Х. белгилегенге кёре, «латинский алфавит, действовавший с 1924-го по 1936 г. сыграл положительную роль в создании базы для дальнейшего развития карачаево-балкарского языка» [Соттаев 1972: 89].

Латин алфавит бла школлагъа харфлыкъла бла дерсликле, «Къарахалкъ» газет, назму жыйымдыкълар дагъыда башха затла басмалангандыла. Алайды да, халкъны тарыхында, айныуунда латин алфавитни магъанасы уллу болгъанды.

Болсада кюнден-кюннге айный, байыгъа баргъан тилибизни латин жазманы онглары да, тийишлисича жалчыталмагъандыла. Башха тилледеча, къарачай-малкъар тилге да орус тилни юсю бла кёп жангы сёзле киредиле. Аны бла байламлы тилни фонетика къурамы тюрленеди, жангы харфла алфавитге кшошуладыла. Ол затланы эсге алып, малкъарлыла бир минг тогуз жюз отуз жетинчи, къарачайлыла уа бир минг тогуз жюз отуз сегизинчи жылда орус алфавитге кёчедиле.

Илму шартлагъа кёре, къарачай-малкъар тилни орус алфавити тюрленмей турмагъанды. Сёз ючюн, орус алфавитге кёчгенде малкъарлыла *ж, нг, у* къарачайлыла уа *дж, къ, у* (къысха *у*) харфланы жюрютгендиле. Алтмышынчы – алтмыш тёртюнчю жыллада бусагъатдагъы *гъ, къ, нг, дж, у* къысыкъланы орунларына *г, к, н, ж, у* харфла жюрютюлгендиле. Ачыкъ харфланы ызларындан келген *йа, йо, йэ, йу* тауушла экилеринде да, экишер харф бла белгиленгендиле: *ойун, кьойун, айкакъ, шуйох, сюйэк* д.б., бусагъатда ала бирер харф бла (*я, ё, ю, е*) жазыладыла: *кьоюн, аякъ, оюн, шуйёх, сюек* д.б.

Бир минг тогуз жюз отуз экинчи жылгъа дери къарачайлыла, малкъарлыла да жазыу ишлерин орфография (тюз жазыу) жорукъсуз эшитиленирича жазгъандыла. Тилибизни орфографиясыны биринчи проектин орус тюрколог А.К. Боровков жарашдыргъанды [Боровков 1932: 37–55], алай ол къабыл этилмегенди. Болсада къарачай-малкъар тилде жыйырма алты жыл аны бла хайырлангандыла. Бир минг тогуз жюз алтмыш биринчи жыл орфография жорукъланы биринчи жыйымдыгъы басмаланады. Аны бла къарачайлыла бла малкъарлыла юч жыл хайырлангандыла.

Орфография жорукъланы жыйымдыгъы бир кесек тюрлендирилип жангыдан басмаланады (1964). Жыйырманчы ёмюрню жетмишинчи жылларына дери Малкъарда, Къарачайда да аны бла хайырлангандыла. Малкъарлыла *дж* харфны жюрютюрге унамай тохтайдыла, аны ючюн жангыдан «Малкъар тилни орфография эм пунктуациясы» жарашдырылады [Бёзюланы А.Ю., Жаболаны М.Т. 1970]. Бу жорукъланы жыйымдыгъы сёзлени жазыуда чюйреликлени кетералмагъанды. Аланы кетерирге, илму мурдоргъа таяндырып, бир минг тогуз жюз жетмиш сегизинчи жыл орфографияны жангы жорукъларыны проектин белгили тюркологла Ахматланы И. бла Гузеланы Ж. жарашдырадыла. Ол жыл «Проект» газетде басмаланады [Коммунизмге жол 1978]. Аны алимле, жазыучула, устазла, журналистле онюч жылны ичинде бир ненча кере сюзедиле, жорукъла тюрлендирилип, игилендирилип, халкъ къабыл кёргенден сора, сёзлени жазылыулары морфология жорукъгъа келишдирилип къабыл этиледиле.

Бюгюнлюкде да къарачайлыла бир минг тогуз жюз алтмыш тёртюнчю жыл Къарачай-Черкесияны бла Къабарты-Малкъарны илму-излем институтларыны къарачай, малкъар тил бёлюмлерини алимлери жарашдыргъан жорукъла бла хайырланадыла. Малкъар тилде сёзлени жазылыулары уа, Ахматланы И.Х. бла Гузеланы Ж.М. жарашдыргъан, бир минг тогуз жюз токъсан биринчи жылда басмаланган «Малкъар тилни орфография эм пунктуация жорукъларына» келишеди [Ахматланы И.Х., Гузеланы Ж.М. 1991].

Къарачайлыла бла малкъарлыланы тиллери бир болгъаны себепли, жазмалары да бирча болургъа керегине ишек жокъду. Жарсыугъа ол иш толу жалчытылмагъанды.

Алимле эки миллет да хайырланырча амалла излейдиле, комиссияла къураладыла. Алай бюгюнлюкде бир къауум сылтауну хатасындан жазмабызны бир этерик проект къабыл этилмей турады.

Список сокращений

КЪМТГ – Къарачай-малкъар тилни грамматикасы.

Хайырланылгъан литература

1. Акбаев И. Ана тили. Тифлис, 1916.
2. Акбаев И.Я. Воспоминания о пророке. Темирхан-Шура, 1914.
3. Алиев У.Дж. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Кисловодск: Крайнаиздат, 1930. 197 с + 1 таблица.
4. Алийланы У. Жангы къарачай элиблери. М., 1924.
5. Ахматланы И.Х., Гузеланы Ж.М. Малкъар тилни орфография эм пунктуация жорукълары. Нальчик: Нарт, 1991 220 б.
6. Бёзюланы А.Ю., Жаболаны М.Т. Малкъар тилни орфографиясы бла пунктуациясы. Нальчик, 1970. 192 с.
7. Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989. 294 с.
8. Боровков А.Н. Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. Т. 7. Л., 1932. С. 37–55.
9. «Коммунизмге жол» газет, 1978 ж. 19 июль.
10. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы (Фонетика. Морфология. Синтаксис). Нальчик: Къабарты-малкъар китап басма, 1966. 399 б.
11. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. М., 1969. С. 105–109.
12. Соттаев А.Х. Пути совершенствования и унификации алфавита карачаево-балкарского языка // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков в СССР. М., 1972. С. 88–92.

ИСТОРИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Гузев Жамал Магомедович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Махиева Людмила Хамангериевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liudmila.makhiieva@mail.ru

В настоящей статье рассматривается история карачаево-балкарской письменности. Отмечается, что проблема письменной культуры одна из самых актуальных. Актуальность исследования обусловлена также отсутствием единого карачаево-балкарского алфавита и орфографии, учитывая, что литературный язык балкарцев и карачаевцев – один.

Если подходить хронологически, дореволюционное формирование истории письма исследуемого языка имеет три периода: 1) руническое письмо; 2) арабописьменные памятники; издания на арабо-графической основе.

Как и многие тюркские языки фактически карачаево-балкарский язык (в своей письменной форме) сложился в послеоктябрьский период и прошел три основных этапа: на арабографической (1914–1926); лагинской (1926–1938) и русской (1937–1938) графических основах.

С 1938 года карачаево-балкарский язык использует письменность на основе кириллицы. При переходе на алфавит (на русской основе), карачаевцы и балкарцы приняли разные орфографии.

Несмотря на то, что в 1964 году было решение о едином карачаево-балкарском алфавите, как свидетельствует языковая практика, не учитывая эти решения, балкарцы до сих пор пользуются своим алфавитом, принятым в 1937 году. В этой связи назрела необходимость унификации алфавита и орфографии в соответствии с проблемами единого карачаево-балкарского языка. Принимая во внимание, что в первой «Карачаево-балкарской грамматике» (1930) У.Дж. Алиев доказал, что язык карачаевцев и балкарцев один и тот же.

В этой работе требуется тесная консолидация лингвистов – балкарцев, карачаевцев в подготовке детально проработанного единого проекта по усовершенствованию алфавита и орфографии карачаево-балкарского языка. Опыт показывает, что путем добровольной договоренности добиться единого алфавита карачаево-балкарского языка невозможно. Поэтому для радикального урегулирования данного вопроса требуется решение административных структур.

Результаты исследования могут быть использованы в написании нормативной грамматики карачаево-балкарского языка, а также в практике вузов и общеобразовательных школ.

Ключевые слова: письменность, графика, алфавит, орфография, основные периоды, единый проект.

THE HISTORY OF THE KARACHAY-BALKAR WRITING

Guzeev Zhamal Magomedovich, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

Makhieva Lyudmila Hamangerievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liudmila.makhieva@mail.ru

This article examines the history of the Karachai-Balkarian writing system. It is noted that the problem of written culture is one of the most urgent. The relevance of the study is also due to the lack of a single Karachai-Balkarian alphabet and spelling, given that the literary language of the Balkars and Karachais is one.

If you approach chronologically, the pre-revolutionary formation of the history of writing of the studied language has three periods: 1) runic writing; 2) Arabic-written monuments; editions on the Arabic-graphic basis.

Like many Turkic languages, in fact, the Karachai-Balkarian language (in its written form) developed in the post-October period and went through three main stages: in the Arabographic (1914-1926); Latin (1926–1938) and Russian (1937–1938) graphic bases.

Since 1938, the Karachay-Balkarian language has been using a writing based on the Cyrillic alphabet. When switching to the alphabet (on a Russian basis), Karachais and Balkars adopted different spellings.

Despite the fact that in 1964 there was a decision on a unified Karachai-Balkar alphabet, as evidenced by the language practice, without taking into account these decisions, the Balkars still use their own alphabet adopted in 1937. In this regard, there is a need to unify the alphabet and spelling in accordance with the problems of a single Karachai-Balkarian language. Taking into account that in the first “Karachay-Balkarian grammar” (1930) W.J. Aliyev proved that the language of the Karachais and the Balkars is the same.

This work requires close consolidation of linguists – Balkars, Karachais in the preparation of a detailed unified project to improve the alphabet and spelling of the Karachai-Balkarian language. Experience shows that it is impossible to achieve a single alphabet of the Karachai-Balkar language by voluntary agreement. Therefore, a radical solution to this issue requires a solution of administrative structures.

The research results can be used in writing the normative grammar of the Karachevo-Balkarian language, as well as in the practice of universities and secondary schools.

Keywords: writing, graphics, alphabet, spelling, main periods, single project.

ШЫТЫКІЭГЪЭЛЪАГЪУЭ ПЛЪЫФЭЦІЭХЭМ Я ГРАММАТИКЭ НЭЦЭНЭХЭР

Шэрджэс Зарегэ Валерэ инхуэ, филологие шэныгъэхэмкІэ кандидат, Федеральнэ кьэрал бюджет шэныгъэ ІуэхушланІэ «Урысейм шэныгъэхэмкІэ и академием и Кьэбэрдэ-Балкькьэр шэныгъэ центр» Федеральнэ шэныгъэ центрэм и филиалым и адыгэбзэ секторым и лэжыакьуэ, zara7belle@mail.ru

Мы лэжыгъэм лэныкьуэ зэхуэмыдэхэмкІэ шызэпкьрыхаш адыгэбзэм (кьэбэрдэ-шэрджэсыбзэм) и шытыкІэгъэлыагъуэ плъыфэцІэхэр, шІэджыкІакьуэм и пашхьэ идолхьэ абыхэм я грамматикэ нэцэнэ зыбжанэр зищІысым теухуа кьэхутэныгъэ. Нэхь кууэ дытопсэлъыхь зэлыгыныгъэ мардэхэм, сыту жыпІэмэ, ахэр зэмылІэужыгъуэ кууду кьохуэ, абыхэм ящыц дэтхэнэ гъэпсыкІэми и кьэгъэщІыкІэм нэмьщІэ эмоцие, стиль, сыт лэныкьуэкІи узытепсэлъыхьын хуейр машІэкьымы, гулыгъэ нэхьыбэ а псоми яхуэщІыпхьэщ. Гу зылыгыттахэр нэхь нэІурыгъ иритщІу, ахэр уи фІэщ ящІу шапхьэхэр ядэщІыдгъуащ, ахэр кьызыхэхари кьэгъэлыагъуащ.

Статьям кьыщыдгъэсэбэпащ филологие шэныгъэхэмкІэ доктор БищІо Б.Ч. шІэуэ адыгэбзэм хузэхилхьа бзэщІэныгъэ фІэщыгъэцІэхэр.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, шытыкІэгъэлыагъуэ плъыфэцІэ, грамматикэ нэцэнэхэр, зэлыгыныгъэ, егъэлениныгъэ мардэхэр.

Дэтхэнэ бзэми ещхьу адыгэбзэми хэтц плъыфэцІэ псалъэ лэпкьыгъуэ. ПлъыфэцІэр – зи щхьэ хушцыт псалъэ лэпкьыгъуэхэм шыщу предметым и шытыкІэ, и теплъэ, ипкь зэрыщыт, и флагъ, нэгъуэщІхэри кьэзыгъэлыагъуэрц [Шагиров 2004:91]. ПлъыфэцІэр, езы предметым и шытыкІэ е а предметым зэманкІэ, шІыпІэкІэ, бжыгъэкІэ зэрыхушцыт кьызэригъэлыагъуэм елытауэ, гупитІу ягуэш: шытыкІэ кьызэрыкІ плъыфэцІэрэ зыщыщыр кьэзыгъэлыагъуэ плъыфэцІэу [Эльбердов 1948: 60].

Мы лэжыгъэм дыщытепсэлъыхьынущ шытыкІэ кьызэрыкІ плъыфэцІэм.

ШытыкІэ кьызэрыкІ плъыфэцІэхэм кьагъэлыагъуэ предметым и нэцэнэ зэмылІэужыгъуэхэр нэхьыбэу е нэхь машІэу кьызэрыхэщыр [Кабардино-Черкесский язык 2006: 129]: плъыфэ (плъыжь, шІыху, удзыфэ) / *КьуэжыпІэ лэныкьуэмкІэ бгы плъыжьым лъагъуэ кьытет чэщанэм хуэзаницІэу дыгъэм зыкьыІэтат* [Дыгъужь 2011: 67]; псэушхьэм и цым и плъыфэ (гъуэ, кьарэ, кьуэху): / *Шы кьарэ дахэ жыболэ, ара? Дилац дэ анхуэдэ шы бэлыхь, КьарэкІэ деджэу* [Дыгъужь 2011: 112]; шІыпІэ, зэман шытыкІэ/нэцэнэ (жыжьэ, куу): *Куэдэмы тепсэлъыхьащ а тІур, гукъэкІыж жыжьэхэр кьыщІагъэлыагъэрэ зэм дыхьэи-хьу, зэми я нэпсыр кьытельэдауэ* [Кьэрмокъуэ 1988: 78]; хьэпшыным и флагъ-мыфлагъ зэрызыхашІэ органхэмкІэ кьатцІэр (ІэфІ, шабэ, мышу, гуащІэ): *Дзэжэр игъажьэу жыгей мафІэ гуащІэм шыбгъэдэсам хуэдэу, Билал и напэм кьещэцэхт ткІуэпс пщтырыр* [Дыгъужь 2011: 45]; цІыху, псэушхьэ шытыкІэ (жы, нэф, бланэ): *Екьуб и гьащІэр гугъуэ зэрыщытар кьылуатэт и ныбжьым емьлытауэ ар и теплъэкІэ жы зэрыхьуами: и нэІухэр зэлыа кусэхэт, и щхьэщыр хужьыбзэу тхьуат* [Дыгъужь 2011: 89]; акьыл, хьэл-щэн шытыкІэ (ерыщ, нэмысыфІэ, акьылыфІэ): *А шІалэ ерыщыр тынш цыкІукІэ ди пхьум кІэрыдгъэщытыкІыфыну сэ жысІэкьым* [КхьуэІуфэ 2000: 312].

Я гъэпсыкІэ, зэхэлъыкІэ елытауэ шытыкІэ кьэзыгъэлыагъуэ плъыфэцІэхэр ягуэш кьытемыкІарэ кьытекІауэ. КьытемыкІа плъыфэцІэхэр зэхэкІыркьым

лѡабжьэрэ лѡабжьэгъусэу, езыхэм я мыхьэнэкIэ шытыкIэ кѡагъэлѡагъуэ. Щапхъэ: *ин, фIы, цIэ, дахэ: И анэр псэукIэ зыцIэ, акъыл зилэ нэмыцэ цIыхубз дахэт* [Къэрмокъуэ 1988: 211]. КъытекIа пльыфэцIэхэр къохъу мыхьэнэ зэмылIэужьыгъуэ зилэ псалъэпкъхэм псалъэ къызэрыхъу лѡабжьэгъусэхэр япыувэкIэрэ. Щапхъэ: *узыниэ, укIытэ-х н.: Дэтхэнэ дохутырма шэч къытримыхьэжу къыбжылфэныуц дэхьэиш узыниэм узынишагъэ къызэрыдэкIуэр* [Нало 1990: 219].

ШытыкIэгъэлѡагъуэ пльыфэцIэхэм зэлытыныгыэ мардэкIэ захъуэж. Абыхэм я закъуэщ зэлытыныгыэ зилэр [Джаурджий 1995: 125]. Щапхъэ: *лѡагэ – нэхъ лѡагэ – нэхъ лѡагэ дыдэ: Хъумакулэхэм, яцIыху машинэр зэрежалIэу, куэбжэ лѡагэр къызэлуахац* [Къэрмокъуэ 1988: 299]. *Абы и уэркъыгъэр сысейм нэхърэ зы теувэгъуэкIэ нэхъ лѡагэц* [Къэрмокъуэ 1988: 288]. *Нэхъ лѡагэ дыдэм цынысым, лѡапэцIий зещI аби, кIэструл удзыфэ цIыкIур къыцигъэщIейкIэ, абы ит тхъу гъэвэжар кърекIутри зытрекIэж, и бгъэм къежэхъу* [Нало 1990: 318].

ШытыкIэгъэлѡагъуэ пльыфэцIэхэм къатебгъэкI мэхъу зыгъэлъэщ, зыгъэмащIэ, уасэгъуэу, оценкэ гъэпсыкIэхэр: *нэхъ такъыр – нэхъ такъырылуэ: Лыжъымы и гум жьы дигъэкIыу псалъэр нэхъри къригъэблт, бел бгъуэишхуэри лъэцу цIлигъэлъадэт гум илѡ ятIагъуэм, къыцилигъэлъэти лѡагэу Iуацхъэм дрипхъейт, ятIэ щабэхэр къытенэт, нэхъ такъырхэр къежэхъыжт* [Дыгъужь 2011: 106]. *Зыр нэхъ такъырылуэт, илѡэсибл и ныбжъынт, адреи цIыкIур илѡэс епланэм хыхьауэ хуэбгъэфацэнт* [Дыгъужь 2011: 52]; *нэхъыфI – нэхъыфIы-ж: Уэлэхъы, арам цIыхубзым я нэхъыфIми укъызэригъэпэжынуэр!* [Нало 2012: 99]. *АтIанэ шыри нэхъыфIыжу къэжэниц, сэри нэхъыфIыжу сылэжъэниц* [Нало 2012: 99].

ШытыкIэгъэлѡагъуэ пльыфэцIэхэм лѡабжьэужь -у/-уэ япыувэрэ къатокI шытыкIэ къызэрыкI къэхъукIэцIэхэр. Щапхъэ: *гуанэ – гуанэу: Сэри, абы ипсалъэ гуанэхэм укIытэр сцхъэцахуауэ, дадэм зыкъыкIэрызмыгъэхуу си Iэпхуамбэхэм дагъэр къыпыткIуу лы пиэрым мырамысэм езгъэпцIурэ сихъыт* [КхъуэIуфэ 2000: 47]. – *Анэм и нэ сабийм темыхуэу аракъэ къаупсэлъыр, – Мадинэ цыжиIэкIэ, Жамбот гуанэу абы йоплѡ* [Хьэх 2013: 157]; *гъунэгъу – гъунэгъуу: Я гъунэгъу къуа-жэм цыцIти цIэщыгъуэ къыцыхъуа е зэ IуплэгъуэкIэ дихьэха* [КIэрэф 2009: 321]. *Мес, ищэ лъэныкъуэмкIэ уэсылъэ къуришыжъхэри къоплэ, пцэдджыжъ бзыгъэм ахэр апхуэдизу гъунэгъуу болѡагъури, иджыпсту къопсэлъэным хуэдэц* [КIышккъуэ 2005: 222].

Сыт хуэдэ шытыкIэгъэлѡагъуэ пльыфэцIэми къытебгъэкI мэхъу шыIэцIэ, лѡабжьэужь -гъэ пыбгъэувэрэ [Джаурджий 1995: 125]. Щапхъэ: *дахэ – дахагъэ: Мы хьыджэбз дахэ цIыкIур хэт ипхъу, ТIалэ? – желэри сэ къызоупцI!* [ЩоджэницIыкIу: 1962: 157]; *Шэджагъуэ мыхъуу дэ Балъкъ Iуфэ дылухъац. Ди псы цIыкIур зыхэхуэжри, батэр цыдгъэшыну жыхуаIари арат, ауэ, нэху зэрыцэрэ ди нэгу цIэкI дахагъэм нэхъри кууэ дыхыхъа мыхъумэ, зы бдзэжъеи къыцыдубыдакъымы* [Нало 1990: 121].

ШытыкIэгъэлѡагъуэ пльыфэцIэ куэдым зэпэщIэувэ зэгъуэгъу кѡагъэхъу. Щапхъэ: *фIы – Iей, ин – цIыкIу, кIыхь – кIэщI: И лѡакъуэ кIыхьхэр партэм дэмыхуэу цIэкъуэдишкIауэ, ар и закъуэу и ужь дыдэм цыст* [Бозий 2003:100]. *И хьэпшытхэр игъэтIылыц, хьэ цIтам хуэдэу зилъыхри, и фоч кIэщIыр мывэжъ къуагъымы ириупсеяц* [Нало 1990: 34].

ГъэнэхуакIуэ къалэн шагъэзащIэкIэ шытыкIэгъэлѡагъуэ пльыфэцIэхэр ягъэнахуэ шыIэцIэм и ужь иту къокIуэ. Щапхъэ: *Мадинэрэ Маринэрэ Iуацхъэмахуэ лѡапэ цагъэкIуа махуэхэр ягу укIыжырккъымы: хъэуар къабзэт, уэс хужьымы нэр цыджылт, цIыхухэр нэжэгужэт* [ШэджыхьэщIэ 1994:133].

Мыбы и лъэныкъуэкIэ шытыкIэгъэлѡагъуэ пльыфэцIэхэр къащхъэщокI ягъэнахуэ шыIэцIэм и пэ ит зыщыщ къэзыгъэлѡагъуэ пльыфэцIэхэм.

ШытыкIэгъэлѡагъуэ пльыфэцIэхэм зэлытыныгыэ мардэу тIу яIэщ: зэгъэпщэныгыэ мардэрэ егъэлейныгыэ мардэрэ. Абыхэм я лѡабжьэм щIэлъыц къежъапIэ гъэпсыкIэр. А къежъапIэм зэлытыныгыэ иIэкъымы, предметымы

и шытыкЛэ кыггэлъагъуэ къудейш, адреЙ предметым емыггэпщауэ. Щапхъэ: *щЛакхъуэ нцтыр, цЛыхубз дэгъуэ, уафэ къащхъуэ* н. *Уафэ къащхъуэмрэ щЛылъэ цхъуантЛэмрэ* япэу *щызэЛупльар нышэдибэу уи гугъэну, уафи, щЛылъи, мыви, жыги, удзи зызэщамыггээнцЛыжу зэццыгуфЛыкЛт* [Елгъэр 1999: 212].

Зэггэпщэныггэ мардэм къеггэлъагъуэ предмет зраггэапщэхэм я зыхэзым шытыкЛэ гуэрыр нэхъыбэу е нэхъ мащЛэу кыызэрыхэщыр.

Зэггэпщэныггэ мардэр къэггэлъагъуа мэхъу ггэпсыкЛэ зэхэлъкЛэ, ар къохъу псалъэкЛапэ *нэхъ*-мрэ плъыфэцЛэм и къежъапЛэ ггэпсыкЛэм зэхэувэкЛэрэ:

КъежъапЛэ ггэпсыкЛэ

быдэ
лъапЛэ
лъэщ
дэгъуэ
фЛы
нэху
фЛыщЛэ

Зэггэпщэныггэ мардэ

нэхъ быдэ
нэхъ лъапЛэ
нэхъ лъэщ
нэхъ дэгъуэ
нэхъыфЛ
нэхъ нэху
нэхъ фЛыщЛэ

ПсалъэкЛапэ *нэхъ*-р плъыфэцЛэм и пэ иту къокЛуэ, ауэ плъыфэцЛэм и пэ къит наЛуэ зыщЛ псалъэм и пэ къиувэнкЛи мэхъу. Щапхъэ: *Нэхъ теплъэ дахэ зилэ шы-хэр кЛуэ нэтми нэхъыбэу яцэхуэрэ Луашырт; Шы нэхъыфЛхэр кыызэрыхахым икЛи зэрыЛуашым анхуэдизу къыфЛэмыЛуэхуу, и нанЛэ мыхуадэу ар цхъэ еплъ-рэ?* [КЛэрашэ 1986: 345]. ПсалъэкЛапэ *нэхъ*-р плъыфэцЛэ зыщЛыггум пымыту ятх. Ауэ шытыкЛэ къэзыггэлъагъуэ плъыфэцЛэ зы пычыггъуэ фЛэкЛэ мыхъухэмрэ псалъэкЛапэ *нэхъ*-мрэ зэпоувэ. Щапхъэ: *нэхъы-цЛэ, нэхъы-жъ*.

Псалъэхуам хэт зы шыЛэцЛэм шытыкЛэггэлъагъуэ плъыфэцЛэ зыбжанэ зэуэ дэщЛыггумэ, зэггэпщэныггэ мардэр къыщыхъукЛэ псалъэкЛапэ *нэхъ*-р дэтхэнэ плъыфэцЛэми шыпыуви, зэ фЛэкЛэ шапымыуви шыЛэщ. Зэггэпщэ: *Мы хъыджэбзыр нэхъ дахэщ, нэхъ Луищ; Мы хъыджэбзыр нэхъ дахэщ, Луищ.*

Псалъэхуам хэт предметыр зраггэапщэ нэггъуэщЛ предметым и цЛэри щыхэтым деж псалъэкЛапэ *нэхъ*-м тЛэунейрэ къытреггэзэж, япэу къыщыкЛуэкЛэ лъабжьэужь *-рэ* пыту. Предмет зраггэапщэм и цЛэр зыхъуэж псалъэзешэм итщ. А псалъэм Лэмал имыЛэу и ужь итщ псалъэкЛапэ *нэхърэ*, псалъэ зэпха а тЛум къаггэхъуу. Адрей ираггэапщэ предметым и цЛэр къызыЛуэ псалъэмрэ псалъэкЛапэ *нэхъ*-мрэ нэггъуэщЛ псалъэ зэпха къаггэхъу [Шагиоров 2004: 93]. Щапхъэ: *Жерацты лъэпкъым нэхърэ нэхъ шы дахэ щыЛэкъым, – зы тЛэкЛу дэкЛэ нэужьым адэкЛэ ГгуицЛыпс жиЛаци* [КЛэрашэ 1986: 133].

Псалъэхуам ираггэапщэ предметым и цЛэр хэмытынкЛи мэхъу, ауэ ар хэтын зэ-рыхуейр гурылуэггъуэу шытщ. Щапхъэ: *Сэ нэхърэ нэхъыфЛ къэбггъуэтмэ, сытцыгг-упицэни, сэ нэхърэ нэхъыкЛэ къэбггъуэтмэ, уигу сыккЛыжыниц* [Нало 1990: 300].

Зэггэпщэныггэ мардэм зыггэлъэщ, зыггэмащЛэ ггэпсыкЛэхэр иЛэщ [Урыс 2001: 118]. Зэггэпщэныггэ мардэ ггэпсыкЛэм лъабжьэужь *-ж* пыувэфынуш. Абы мардэ шытыкЛэр еггэлъэщ, урысыбзэм хэт «ещё» жыхуиЛэм хуэдэу. Щапхъэ: *нэхъыфЛ – нэхъыфЛыж, лучший – ещё более лучший, нэхъ губзыггэ – нэхъ губ-зыггэж, умный – ещё более умный, гугу – нэхъ гуггуж: Псы цЛыкЛум дыЛуту ды-зэрехари тыншу пхужьЛэнутэкъым, ауэ къыдэкЛыжыныр куэдкЛэ нэхъ гуггужт* [Жылэтеж 1983: 111].

Зэггэпщэныггэ мардэм и зыггэлъэщ ггэпсыкЛэ къаггэхъу плъыфэцЛэм псалъэкЛапэхэу *нэхъри*, *нэхъ* жыхуиЛэхэр зэщЛыггъуу е *нэхъри* псалъэкЛапэм и закъуэ ггусэ хуэхъуурэ. Апхуэдэ ггэпсыкЛэхэм деж псалъэхуам хэт хъунукъым зраггэапщэ предметым и цЛэр. Щапхъэ: *Еджэмэ нэхъри нэхъ адыгэ бзылхуггэфЛ хъунккэ* [КЛэрашэ 1986: 121]; *Иджы, благгэ зэрызэхуэхъу лъандэрэ, Исуфрэ Бибол-лэтрэ я зэныбжьэггъуныггэр нэхъри нэхъ быдэ хъуат* [КЛэрашэ 1986: 56].

Мыпхуэдэ гьэпсыкIэм пьувэфынуц льябжьэужь **-ж**-р. Апхуэдэм деж зэгъэпщэныгъэ мардэм и зэхэлъыкIэр мырашц: **нэхъри нэхъ** + плъыфэцIэ + льябжьэужь **-ж**. Щапхъэ: *Мы уэрамыр нэхъри нэхъ дахэж зэрыхъунур къащIэрт.*

ПлъыфэцIэм и зэгъэпщэныгъэ мардэм пьувэфынуц **IэджэжIэ, куэдкIэ, зыкъомкIэ, зыбжанэжIэ** мардэ къэхъукIэцIэхэр. Мыбыхэм зэгъэпщэныгъэ мардэр нэхъ лъэщ ящI. Щапхъэ: *нэхъ щIалэ – куэдкIэ нэхъ щIалэ, нэхъ цабэ – зыкъомкIэ нэхъ цабэ, нэхъыжь – зыбжанэжIэ нэхъыжь.*

ПлъыфэцIэм **нэхъ** и гьусэу къагъэхъу гьэпсыкIэм хэувэфынуц льябжьэужь **-Iуэ**. Абы щытыкIэм и мардэр егъэщабэ, урысыбзэм хэт льябжьэпэ **по**-м ещхъу. Щапхъэ: *нэхъ бзаджэ – нэхъ бзаджэIуэ, нэхъ хуабэ – нэхъ хуабэIуэ, нэхъ IэфI – нэхъ IэфIуэ.*

Зэгъэпщэныгъэ мардэ гьэпсыкIэм **зытIэжIуэ, тIэжIуэ, зымащIэжIэ** къэхъукIэцIэхэр хэувэмэ, абыхэм щытыкIэм и мардэр ягъэмащIэ. Щапхъэ: *нэхъ щIтыр – зытIэжIуэ нэхъ щIтыр, нэхъ лъахъиэ – зымащIэжIэ нэхъ лъахъиэ, нэхъ гугъу – тIэжIуэ нэхъ гугъу.*

Зы предметым и щытыкIэр нэгъуэщI предметым и апхуэдэ щытыкIэм щедгъащэжIэ, бзэм къегъэсэбэп льябжьэпэу **е**-рэ льябжьэужь **-эжI**-рэ. Мыхэр лэжьыгъэ къэзыгъэхъу льябжьэгъусэхэщ, абы къыхэкIки щытыкIэ къэзыгъэлыгъуэ плъыфэцIэхэм льябжьэпэ **е**-рэ льябжьэужь **-эжI**-рэ япыувэмэ, ахэр лэжьыгъэцIэ мэхъу. Щапхъэ: *IэфI – йоIэфIэжI, фIы – йофIэжI, бэ – йобэжI, Iуц – йоIуцэжI.*

Егъэлейныгъэ мардэм ит плъыфэцIэхэр адреи щытыкIэхэм сыткIи йолеикI (йофIэжI). Егъэлейныгъэ мардэм иIэщ къызэрыкIуэ, зэхэль гьэпсыкIэхэр.

Егъэлейныгъэ мардэм и къызэрыкIуэ гьэпсыкIэхэм къагъэлыгъуэ нэхъ ин дыдэ мардэр адреи предметхэм емыгъэпщэуэ [Урыс 2001:119].

Егъэлейныгъэ мардэм и къызэрыкIуэ гьэпсыкIэхэр (элятивхэр) къохъу къежъапIэ гьэпсыкIэм льябжьэужьхэу **-щэ, -Iуэ, -бзэ, -нс, -кIей, -ей** япыувэурэ:

-щэ: *IэфIыщэ, лъагащэ, щIыIащэ, щIтырыщэ:* «Дыгъэр, шапсыгъ фонащэм ещхъу, зэлэхъурейуэ жаIэ, – жиIуэрэ мэгунысэ, и цхъэ кIыхъыр игъэкIэрахъуэрэ. – Бетэмал, ар фонащэу щытамэ, ин дыди, IэфIыбзи хъунт; ауэ лъагащэщIи къыщIэпчыну улъэIэсынтэIым, улъэIэсынэу къыщIэпчыны, ар зи щIтырагъыр дауэ зэрытхынуур? [Нало 2012: 20].

-Iуэ: *кIыхъуIуэ, сырыIуэ, дыджыIуэ, иныIуэ:* А вэхым Доныпсыр къыгъэкъуэ-лъэн къащыхъуаами, зыгъэпсIакIуэхэр куэдрэ хэтыфтэкъым: ар иджыри **щIыIэIуэти**, зэ-тIэу нэхъ зыхамыдзэу къыхэжыжэти, пшахъуэ щIтырым хэлыныр нэхъ къыхахт [АбытIэ 1991:13]

Мы зи гугъу тIа (**-щэ, -Iуэ**) льябжьэужытIыр щытыкIэгъэлыгъуэ плъыфэцIэ дэтхэнэми и псалъэпкъым пьувэфынухэщ.

-бзэ: *хужьыбзэ, мышуубзэ, къабзэбзэ:* Бзылхугъэм зэрахэбзэу, Заужан унэ кIуэцIыр зэпелъыхъ: **пэшыр къабзэбзэщ**, ихъурегъыр нэм къегуапэ обойкIэ IэжIуэлыгъуэу къешхэжIарэ лъэгуми палас цхъуантIафэ ихъуэжауэ, ауэ псом нэхъ дахэр ищхъэрэ блыным кIэрыт икафэ зэхэт кIыхъырат, тхъэмбылыфэрэ абджытсу, бар щIыIум лIы сурэт дахэ тету... [Нало 2012: 53].

-нс: *цхъуантIэнс, цIэрынс, мышуунс:* ИтIанэ «Ар сэрац. Сымис!» – жиIуэ пыгуфIыкIуэ утыкум къыхащ кIэстум фIыцIэ **щIэрынс**, джанэ хужь къыдэщIу зыщыгъ, зи цхъэц фIыцIэ Iувыр дахэу дэжъея щIалэ псыгъуэ кIыхъ нэ пIащэ пайIащIэрт [Къэрмокъуэ 2007: 176].

Льябжьэужьхэу **-бзэ**-мрэ **-нс**-мрэ нэхъыбэм япоувэ плъыфэ, IэфIагъ/дыджагъ къызэщIэзыубыдэ щытыкIэгъэлыгъуэ плъыфэцIэхэм.

-кIей: *дахэкIей, дэгъуэкIей, щIыкIей:* Псэр IэфIу, щIылэжIэ **щIыкIей** дыдэу зыщIэмэ? [Хъэх 2013: 217];

-ей: *хуабей, бзаджей, мылгъурыджей:* Нобэ Урыху зыхуэмьгъэщIт уае тIэжIум гъуэгухэр мыл... мыл **гъурджей** щIыIащI, зи хээфэ вакъэхэр щIуха маршынэхэр, гулъэф зэуэ щайкIэ, етхъуэжIырт аби, кIэрахъуэрти, зэпрууэ гъуэгум къытеувэ-жырт... [Нало 2012: 148].

Егъэлеиныгъэ мардэм и зэхэлъ гъэпсыкIэм мыхъэнэуэ тIу иIэщ [Кабардино-Черкесский язык 2006: 127].

Япэр – зы предметым и шытыкIэр нэгъуэщI предметхэм я апхуэдэ шытыкIэм елыгытауэ егъэлеяуэ зрыщытыр кызырыщыгъэлыгъуарщ. Егъэлеиныгъэ мардэм и апхуэдэ гъэпсыкIэр кьохъу плъыфэцIэм и кьежьапIэ гъэпсыкIэм псалъэкIапэхуэ **нэхь**, **дыдэ** япыувэурэ. ПсалъэкIапэ **нэхь**-р плъыфэцIэм ипэ иту, **дыдэ**-р – и ужьым иту кьокIуэ. Щапхъэ: *Нэхь лъагэ дьдэ, нэхь цIэ дьдэ*.

Зы плъыфэцIэм тIэу кыттригъазэурэ кьакIуэмэ, егъэлеиныгъэ мардэ кьохъу. Щапхъэ: *НэхьыфIэхэм я нэхьыфIыж, нэхь хахуэхэм я нэхь хахуэж, Iуц и Iуцыж*.

Апхуэдэ къэгъэщIыгъэхэм зэгъэпщэныгъэ мардэм ит а зы плъыфэцIэм тIэу кытрегъазэ, зэм зыхъуэж псалъэзешэ гъэпсыкIэу, куэд бжыгъэм иту, еигъэ цIэпапщIэ **я** щIыгъуу, зэми – зыгъэлыгъэщ лъабжьэужь **-ж** щIыгъуу; е кьежьапIэ гъэпсыкIэм ит а зы плъыфэцIэ дьдэр гъэпсыкIэ зэмышхэр иIэу кытрегъазэ: зэм зыхъуэж псалъэзешэм иту, закъуэ/куэд бжыгъэу, еигъэ цIэпапщIэхэу **и**-рэ **я**-рэ дэщIыгъуу, зэми зыгъэлыгъэщ лъабжьэужь **-ж** дэщIыгъуу. Мыпхуэдэ къэгъэщIыгъэхэр зэпыхауэ ятх [Адыгэбзэ пэжырытхэмрэ нагыщэ гъэувыкIэмрэ я хабзэхэр 2005: 43].

ЕтIуанэ мыхъэнэр – шытыкIэм и мардэ нэхь лъэщ дьдэр елыгытауэ кызырыхэщырщ. Мы мыхъэнэр иIэу егъэлеиныгъэ мардэм и зэхэлъ гъэпсыкIэр кьохъу плъыфэцIэм и кьежьапIэ гъэпсыкIэм **дыдэ**, **икъукIэ**, **Iей**, **бзаджэ**, **хуабжьы** псалъэхэр япыувэурэ. Щапхъэ: *цэныфIэ – цэныфIэ дьдэ, гуащIэ – гуащIэ дьдэ, цIыIэ – икъукIэ цIыIэ, нэжэсужэ – хуабжьы нэжэсужэ*.

Зыхъуэж псалъэзешэм ит зэгъэпщэныгъэ мардэ плъыфэцIэхэм шыIэцIэ е цIэпапщIэ ящIыгъумэ, егъэлеиныгъэ мардэр къаштэ. Щапхъэ: *Абы шыхэм я нэхь дэгъуэр кыщэхуащ* [Мэзыхъэ 2015: 33]; *Сипхъу нэхьыцIэр псоми я нэхь Iуц сигъат, ауэ псоми я нэхь делэу кыщIэкIащ* [Абазэ 1994: 47]; *А IуэхугъуитIыр сьтым нэхьри нэхьыщхэйт икIи нэхь экIэлъымыкIуэм* [Жылэтеж 1983:111].

Зэгъэпщэныгъэ мардэ гъэпсыкIэхэр кызыщIэзыкъуэ-мыхъун зэхыхъэхэм кышыгыгъэсэбапэмэ, егъэлеиныгъэ мыхъэнэр къаштэ. Щапхъэ: *Абы нэхьрэ нэхь дахэ уафэмрэ цIыльэмрэ я зэхуакум дэткъым*.

Языныкъуэ зыщыщ къэзыгъэлыгъуэ плъыфэцIэхэм яIэфынущ мардэ зэлытыныгъэхэмрэ гъэпсыкIэ хуабжьхэмрэ: *пасэрей – нэхь пасэрей – нэхь пасэрей дьдэ – пасэрей дьдэ – пасэрейщэ, пасэриуэ; ипэ – нэхь ипэ; икIэ – нэхь икIэ – нэхь икIэ дьдэ; иужьрей – нэхь иужьрей – нэхь иужьрей дьдэ*. Щапхъэ: *ЦIыхухэм ябгъэдишири цэху дьдэу кыжриIащ: уи шым и жагъэр зтебухуэн хуейр иужьрей дьдэ кьежэкIыгъуэр ариц* [КIэрашэ 1986: 156].

Мы кьэдгъэлыгъуа плъыфэцIэхэм кызыщIаубыдэ зыщыщ къэзыгъэлыгъуэ мыхъэнэи шытыкIэ къэзыгъэлыгъуэи. Абы кыхэкIкIэ апхуэдэ плъыфэцIэхэм зыщыщ-шытыкIэ къэзыгъэлыгъуэ плъыфэцIэкIэ йоджэ. Зыщыщ мыхъэнэр мыпхуэдэхэм нэхьыщхэ шохъури, шытыкIэ мыхъэнэр зэхэкIауэ кьокIуэ: зэвгъапщэ: *пэрыт – цIыху пэрыт; икIэ – цIыху икIэ*. Щапхъэ: *МэкъумэшыщIэхэм ящIэрт абы хуэдэ цIыху икIэм, ЩауэлIэкъуэм деж цыхъэщIэ цIыхур апхуэдэ Iуэху мыхъумыщIэкIэ абы ныщIауэ цытын зэрыхуейр* [КIэрашэ 1986: 67].

Ди кьэхутэныгъэм кьрикIуахэр кызыщIэпкъуэжмэ, адыгэбзэм хэт шытыкIэггэлъагъуэ плъыфэцIэхэр лъэныкъуэ зыбжанэкIэ шызэпкъырытхаш. Адыгэ тхакIуэхэм я художественнэ тхыгъэхэм кыхэтхэ щапхъэхэмкIэ гъэнщIа лэжыгъэм хьболъагъуэ адыгэбзэр предметым и шытыкIэ, и теплъэ, ипкъ зэрыщыт и фIагъ нэгъуэщIхэри къэзыгъэлыгъуэ псалъэхэмкIэ, нэгъуэщIу жыпIэмэ, плъыфIэцIэкIэ зырыкъулейм.

Лэжыгъэм япэу кышыгыгъэсэбапа фIэщыгъэцIэхэр: шытыкIэггэлъагъуэ плъыфэцIэ – качественные прилагательные, егъэлеиныгъэ мардэ – превосходная степень, зэлытыныгъэ мардэ – сравнительная степень, лъабжьэужь – суффикс; лъабжьэпэ – префикс; псалъэзешэ – падеж; псалъэкIапэ – частица, лъабжьэгъусэ – аффикс, гъэнэхуакIуэ – определэнэ, кьэхьукIэцIэ – наречие.

ТегъэщIапIэ хьуа литературэрэ

1. *Абазэ Л.* Бжьыхьэ нэпсхэр: повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 1994. 280 н.
2. *АбытIэ В.* Ирамышыжа нысащIэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1991. 264 н.
3. *Адыгэбзэ* пэжырытхэмрэ нагъыщэ гъэувыкIэмрэ я хабзэхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. 284 с.
4. *Бозий Л.* ГъашIэ гъуэгуанэ. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. 275 н.
5. *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъуыкыу. Япэ тхыль. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и къэрал тхыль тедзапIэ, 2011. 176 н.
6. *Джаурджий Хь.З., Дзасэжь Хь.Е.* Адыгэбзэ. Япэ Iыхьэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 288 н.
7. *Елгъэр К.* Лъагъуныгъэм и бзэ: повесть, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1999. 424 н.
8. *Жылэтеж С.* Лыгъэ зэхэгъэкIыпIэ. Налшык: Эльбрус, 1983. 184 н.
9. Кабардино-черкесский язык. В 2 т. Нальчик: Эль-фа, 2006. Т. 1. 551 с.
10. *КIэрашэ Т.* Шу закъуэ. Налшык: Эльбрус, 1986. 420 н.
11. *Кыщокъуэ А.* Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ. II том. Налшык: Эльбрус, 2005.
12. *Къэрмокъуэ М.* Щихухэр иджыри мэкI. Налшык: Эльбрус, 1988. 480 н.
13. *Къэрмокъуэ М.* Пшапэ зэхуэгуэ. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н.
14. *КхуэIуфэ Хь.* Гъатхэм и ныбжьыр. Рассказхэр, повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н.
15. *Мэзыхьэ Б.* Тхыгъэ кыыхэхахэр. Налшык: Эльбрус», 2015. 552 н.
16. *Нало А.* Нэхуш шу. Роман. Налшык: Эльбрус, 1990. 359 н.
17. *Нало З.* Дыджым и IэфIыгъэ. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2012. 368 н.
18. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэ грамматикэ. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н.
19. *Хьэх С.* Лъагъуэр гъуэгум хуокIуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.
20. *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 222 с.
21. *ШэдэжьыхьэщIэ Хь.* Тхыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. 432 н.
22. *ШоджэнцIыкIу I.* Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1962. 232 н.
23. *Эльбердов Х.У.* Грамматика кабардинского языка. Часть первая. Фонетика и морфология. Нальчик, 1948. 176 с.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Черкесова Зарета Валериевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zara7belle@mail.ru

В работе проводится разносторонний анализ качественных прилагательных, предлагается подробная характеристика ряда их грамматических признаков. Более детально рассматриваются сравнительная и превосходная степени данной категории поскольку способы производства форм двух степеней отличаются большим разнообразием и каждая из них требует изучения не только с словообразовательной точки зрения, но также и с эмоционально-стилистической. Для большей наглядности и убедительности результаты наших наблюдений сопровождаются примерами из документальных источников.

В статье применены новые лингвистические термины на кабардино-черкесском языке, разработанные доктором филологических наук Б.Ч. Бижоевым.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, качественные прилагательные, грамматические признаки, сравнительная и превосходная степень.

GRAMMATIC SIGNS QUALITATIVE ADJECTIVES IN KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Cherkesova Zareta Valerievna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Circassian Language sector of the Institute for the Humanities Researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zara7belle@mail.ru

The paper provides a comprehensive analysis of qualitative adjectives, offers a detailed description of a number of their grammatical features. The comparative and superlative degrees of this category are considered in more detail, since the methods of producing forms of the two degrees are distinguished by a great variety, and each of them requires study not only from the word-formation point of view, but also from the emotional-stylistic one. For greater clarity and credibility, the results of our observations are accompanied by examples from documentary sources.

The article uses new linguistic terms in the kabardino-circassian language, developed by B.Ch. Bizhiov.

Keywords: kabardino-circassian language, qualitative adjectives, grammatical features, comparative and superlative degrees.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-101-107

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ СЛОВА АЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(На материале казахского и карачаево-балкарского языков)**

Мусуков Борис Абдулкеримович, доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Статья посвящена комплексному исследованию лексико-семантических и синтагматических особенностей атрибутивного компонента определительных словосочетаний описательного типа, лексикализованных словосочетаний, парно-повторных конструкций показателя пёстрого цветообозначения, терминообразующего слова *ала* в казахском и карачаево-балкарском языках, участвующего в категоризации смешанных сегментов лингвоцветового пространства.

В ней исследуются отличительные особенности свободных и лексикализованных словосочетаний, усилительных конструкций, рассматриваются вопросы лексикографической интерпретации «сдвоенных наименований».

В работе анализируются вопросы сочетания атрибутивного компонента *ала* с денотативными и абстрактными именами существительными, асемантическим аналогом.

В статье обращается внимание на особенности выборочного сочетания различных словосочетаний с инвентарными единицами морфологии, как словообразовательными, так и словоизменительными.

Ключевые слова: синтаксические конструкции, лексические единицы, синтагматические особенности, лингвоцветовое пространство, асемантический аналог, морфологизация.

Введение

В последнее время в теоретических исследованиях, посвящённых актуальным проблемам лексики, грамматики и синтаксиса тюркских языков, рассматриваются вопросы, связанные с образованием и функционированием свободных и лексикализованных словосочетаний, парно-повторных конструкций с помощью показателя пёстрого цветообозначения *ала* 1) *'пёстрый, неоднотонный'* (о цвете) 2) *'пёстрый, пегий, с белыми пятнами'* (о масти животных). Исследуются синтагматические особенности сочетающихся компонентов свободных словосочетаний определительного типа, лексикализованных и парно-повторных конструкций.

Результаты проведенных исследований показывают, что двухкомпонентные синтаксические единицы в казахском и карачаево-балкарском языках образуются в результате сочетания атрибутивного компонента *ала* с денотативными и абстрактными именами существительными, с асемантическим аналогом. В процессе дальнейшего языкового развития различные типы словосочетаний подвергаются морфологизации, то есть наращению словообразовательными и словоизменительными аффиксами, выражая лексико-семантические и грамматические особенности, свойственные имени существительному и прилагательному. Образование свободных и лексикализованных словосочетаний, усилительных

конструкций можно рассматривать как систему моделирования синтаксических единиц вторичной номинации.

В свободных словосочетаниях и некоторых усилительных конструкциях функционирует лексическая и грамматическая сочетаемость компонентов при определенном типе синтаксической связи. В лексикализованных словосочетаниях лексическая и грамматическая сочетаемость компонентов не отмечается, так как они в компонентном значении не употребляются.

Анализ фактологического материала свидетельствует о том, что слово *ала* в казахском языке участвует в образовании парно-повторных конструкций, сочетающих в себе значения компонентов «основного» и «оттеночного» цветообозначений.

В современном казахском языке, так же как и в историческом прошлом его состоянии, общетюркское слово *ала* участвует в образовании свободных словосочетаний, в которых атрибутивный и субстантивный компоненты сохраняют свои значения, абстрагируясь от значений лексикализованных словосочетаний, находясь в отдельных случаях на пути перехода к этому разряду словосочетаний. Слово *ала* в казахском языке употребляется в двух основных значениях. Первым из них является значение цветообозначения – пёстрого и разноцветного. Пёстрое цветообозначение встречается на поверхности различных физико-географических объектов: как одушевлённых, так и неодушевленных, проявляясь в одних умеренно, в других – интенсивно: *ала* 1. 1) 'пёстрый, неоднотонный' (о цвете): *қызыл ала шыт* 'пёстрый ситец красной расцветки'; *ала жолақ* 'полосатый разной расцветки'; *ала тақия* 'вышитая разными цветами тюбетейка'; *ала текемет* 'пёстрый текемет'; 'пёстрая большая кошма с узорами'; *ала шапан* 'полосатый шапан' (у узбеков, таджиков и др.) Среди рассмотренных единиц можно обратить внимание на конструкцию, в которой сочетаются названия двух основных (например, *қызыл* и *ала*) цветообозначений, например *қызыл ала*.

В первой части слово *ала* употребляется и во втором значении – значении 'пёстрый, пегий, с белыми пятнами' (о масти животных), образуя так же, как и в случае с первым значением, свободные словосочетания, выступая как в начале конструкции, так и в конце, сочетаясь с денотативными именами существительными, например, *ала ат* 'пегий конь'; *ала қ аптал ат* 'лошадь с белой шерстью под подпругой'; *ақ күшік* 'бело-пятнистый щенок'; *ала қой* 'пёстрая (бело-пятнистая) овца'; *ақ ала бүркіт* 'бело-пятнистый беркут'; *қара ала ат* 'черно-пегая, вороно-пегая, лошадь'; *торы ала ат* 'гнедо-пегая лошадь'; *шабдар ала* 'рыжеватопегая лошадь' [Казахско-русский словарь 2002: 44].

Во всех перечисленных наименованиях слово *ала* имеет самостоятельное лексическое значение, помимо имён существительных сочетается и с прилагательными «основного» и «оттеночного» цветообозначений; с точки зрения лексико-семантического единства и плана содержания употребляется в прямом значении.

Слово *ала*, как морфологический показатель сочетающихся сегментов лингвоцветового пространства, в составе свободных словосочетаний в одних случаях стоит в препозиции, в то время как модифицирующее – в постпозиции, в других случаях употребляется по отношению к прилагательным «основного» и «оттеночного» цветообозначений – в постпозиции.

Лексико-грамматической особенностью перечисленных словосочетаний является то, что они выявляют как лексико-семантические, так и грамматические признаки.

Лексикографической особенностью свободных словосочетаний в казахском языке является то, что их компоненты пишутся отдельно в связи с особенностями интонационного употребления, то есть за счет того, что ударение падает на первый компонент (в одних случаях им оказывается слово *ала*, в другом – слова *қара*, *ақ*, *торы* и др.). Слитное орфографирование продиктовано, помимо наличия ударения на втором компоненте, и выявлением лексикализованного значения.

В казахском языке, так же как и в других тюркских языках, в свободных словосочетаниях, образованных с помощью слова *ала*, отмечается наличие компонентного, то есть делимого, значения: неизменно в большинстве случаев, за исключением случаев сочетания его с качественными прилагательными «основного» цветообозначения (*ақ* 'белый', *қара* 'черный'), атрибутивный компонент употребляется в препозиции, а субстантивный – в постпозиции.

Свободные словосочетания, являющиеся соединением двух знаменательных частей речи, обозначающих то или иное явление действительности, в двух, трёх компонентах, служащих для выражения расчленённого понятия или представления, не соотносятся в лексико-семантическом отношении с лексикализованными словосочетаниями, не выражающими значений, содержащихся в их составных частях. Можно предположить, что свободные словосочетания соотносятся с лексикализованными лишь генетически, то есть с точки зрения компонентного состава все лексикализованные словосочетания и идиомы фразеологического типа первоначально прошли этап свободных словосочетаний, постепенно, в ходе лексико-семантического развития, в результате сужения и расширения теряя одни значения и обретая другие, новые, значения, ранее неизвестные. В лексикализованных словосочетаниях значения составляющих частей «...настолько «оторвались» от своих первоначальных конкретных значений, что в синхронном плане не чувствуется участие их в образовании общего значения» [Современный карачаево-балкарский язык 2016: 207].

Свободные словосочетания, в отличие от лексикализованных и идиом фразеологического типа, функционируют в другой речевой ситуации, выступая лексико-семантической базой для неделимых синтаксических конструкций более высокого уровня, находясь в отдельных случаях на стадии перехода в разряд устойчивых единиц. Кроме делимости общего содержания на значения компонентов в свободных словосочетаниях выявляются и другие отличительные особенности, то есть в них отмечается лексическая сочетаемость составных частей. Образование свободных словосочетаний, так же как и лексикализованных, следует рассматривать как систему моделирования синтаксических единиц вторичной номинации.

В результате появления в языке нового наименования в виде свободного словосочетания, содержащего новые значения, может отмечаться и переход атрибутивных конструкций в обстоятельственные, выражающие признак признака и относящиеся к разряду «переходящих» слов.

Атрибутивные конструкции в казахском языке, так же как и в других тюркских языках, образованы по трём моделям: 1) по словосложительной модели, когда в результате сочетания атрибутивного и субстантивного компонентов появляются свободные словосочетания; 2) по модели лексикализации, то есть в результате потери свободными словосочетаниями этимологического значения появляются устойчивые сочетания и идиомы фразеологического типа, в лексико-семантической структуре которых не сохраняется компонентное значение; 3) по модели полной редупликации, когда атрибутивный компонент, выполняющий функцию опорного слова, сочетается с асемантическим аналогом, не имеющим лексического значения и повторяющим второй слог опорного слова.

Слово *ала* в казахском языке участвует в образовании и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, то есть в результате лексико-семантических трансформаций свободные словосочетания становятся лексикализованными. Метонимические и метафорические значения, образованные в результате подобного перехода и лексико-семантических преобразований, выявляют неизменно устойчивый характер.

Лексикализованные конструкции, так же как и свободные словосочетания, образованные в результате сочетания прилагательного *ала* и предметных, абстрактных имён существительных, являются нарицательными наименованиями физико-

географических объектов. Слово *ала*, как терминообразующий компонент, имеет широкое употребление в свободных словосочетаниях, выявляющих устойчивые семантические особенности и являющихся названиями представителей животного и растительного мира, например, *алааяқ*: 1. *алааяқ мӘлін* зоол. 'камышовый кот' тж. *қамыс мысығы*; *алааяқ шымшық* 'белоножка' (птица); *алабота* бот. 'лебеда'; *алабұға* зоол. 'окунь'; [Казахско-русский словарь 2002: 44]; *алағұлқ* 1) зоол. 'мушка испанская, испанка'; тж. *алақұрт*; 2) вет. 'название болезни верблюдов'; 3) перен. 'интриган'; *алақөз* зоол. 'белоглазка' (птица); *алақұшиқ* 'алакушик' (название детской игры; один из партнёров выступает щенком, другие (его) дразнят и стараются не попасться к нему в «лапы») [Казахско-русский словарь 2002: 45]; *алақозыр* бот. 'липкий водосбор' [Казахско-русский словарь 2002: 45]; *алақоржын* 'хомяк' [Казахско-русский словарь 2002: 45]; *ала тікен* бот. 'расторопиша' [Казахско-русский словарь 2002: 47].

В большинстве свободных словосочетаний мотивированным признаком номинации выступает обозначение цвета на поверхности как одушевлённых, так и неодушевленных физико-географических объектов. В лексикализованных словосочетаниях цветовой признак не просматривается, так как в них не выражаются значения компонентов.

В приведенных выше лексикализованных конструкциях казахского языка употребляются значения, отсутствующие в их составляющих компонентах. В этих словосочетаниях отсутствует всякая смысловая связь между общим значением и значениями компонентов. Свободные словосочетания, подвергшиеся полной идиоматизации, переходят в разряд сложных слов, выступающих в едином лексикализованном значении. Образование лексикализованного значения следует рассматривать как результат внутренних словообразовательных процессов. Трансформация нового значения осуществляется на основе лексико-семантического развития структуры свободных словосочетаний, подвергшихся сужению или расширению компонентного значения. Значения лексикализованных словосочетаний в синхронном плане не расчлняются на значения составляющих частей. Помимо неделимости общего значения на значения компонентов, лексикализованные словосочетания обладают и другим признаком, то есть в них не отмечается лексическая сочетаемость компонентов.

Несмотря на то, что в лексикализованных словосочетаниях семантика составляющих компонентов не просматривается, развитие лексико-семантической структуры происходит в зависимости от лексико-семантических преобразований производящих компонентов, то есть в зависимости от лексического примыкания сочетающихся имен прилагательных и имен существительных. Употребление лексикализованных словосочетаний с *ала* свидетельствует о том, что общее лексическое значение конструкций и их исходных основ не соответствуют друг другу в полной мере.

Атрибутивные словосочетания, выступающие в значении компонентов и номинативной функции, в значении терминов не функционируют. Для этого нужно, чтобы свободные словосочетания лексикализовались и употреблялись в значении устойчивых конструкций, обозначая единое терминологическое понятие.

Приведенные лексикализованные словосочетания с *ала* в казахском языке можно назвать сложными словами, так как они подразумеваются как нерасчлненные понятия.

Кроме того, в казахском языке слово *ала* участвует в образовании словосочетаний, характеризующих свойства человека и природы. В них цветообозначающий признак не просматривается, например, *алагеуім* 'предрассветные сумерки' (*танғы*) *алагеуімде* 'перед рассветом'; *біз алагеуімнен ояндық* '(мы) проснулись спозаранку (на рассвете)' [Казахско-русский словарь 2002: 45]; *алағөбен*, то же, что *алагеім*; *біз алағөбеден аттанып кеттік* 'мы выехали в путь на рассвете'

[Казахско-русский словарь 2002: 45]; *алағӘбен*, то же, что *алағӘбе*; *алағҖс* 'дуралей', 'придурок' [Казахско-русский словарь 2002: 45]; *алақҖрт* 'алакурт' (вид казахского орнамента) [Казахско-русский словарь 2002: 46]; *аласапыран* 1) 'распутица'; *кӨктемнін аласапыран кезі* 'пора весенней распутицы'; *кҖзгі аласапыран* 'осенняя распутица'; 2) перен. 'переполох, неразбериха, сумятица, смута'; *аласапыранда* а) 'в распутицу'; б) перен. 'в суматохе'; *аласапыран кез* 'смутные времена' [Казахско-русский словарь 2002: 47]; слово *сапыран* имеет значения 'суматоха, неразбериха, метель, вьюга'; *аласапыран жҖріс* 'суматошное хождение' [Казахско-русский словарь 2002: 699]; *алатҖяк* 'пройдоха, прохиндей', *алатҖяк адалдықты біле ме?* Известно ли пройдохе честность? [Казахско-русский словарь 2002: 47]; *алаяк* 'пройдоха, аферист, мошенник'; *алаяқтык* 'афёра, жульничество', юр. 'мошенничество'.

В казахском языке отмечаются некоторые словосочетания, образованные с помощью качественного прилагательного *ала*, участвующие в словообразовательных процессах, то есть к этим основам присоединяется словообразовательный аффикс, модифицирующий в определенной степени лексико-семантическую структуру конструкций в пределах одной части речи, например, *алаяк* 'пройдоха, аферист'+*-тык*=*алаяқтык* 'афёра, жульничество', юр. 'мошенничество'. В результате морфологизации аффиксом наращивается второй компонент и сохраняется номинативное значение базовой конструкции в производном словосочетании. Сочетание *алаятык*, как морфологизированная разновидность сложного слова, имеет самостоятельное лексическое значение, исходя из того, что все его компоненты выражают лексическое значение. В результате присоединения аффикса *-тык*, являющегося фонетическим вариантом общетюркского деривационного аффикса *-лык*, отмеченная конструкция приобретает обобщенно-собирательное значение. Присоединение аффикса *-тык* не меняет частеречной принадлежности производящей основы. Данное словосочетание в процессе дальнейшего морфологического развития подвергается дополнительной субстантивации, продолжает оставаться сложным словом и выражает нерасчлененное понятие. В пределах определенного типа синтаксической связи выражается усиление прямых синтаксических связей сочетающихся частей. Аффикс *-тык* в казахском языке присоединяется ко второй части конструкции *алаяк*, случаи присоединения к самой односложной основе *ала* не отмечены. Терминообразующий компонент *ала* в производной конструкции *алаяк тык* так же как и в производящем сочетании *алаяк*, употребляется в переносном значении, выражающем нецветовые оттенки.

Исходя из словообразовательных особенностей морфологизированной основы *алаяқтык* и её частеречной принадлежности следует отметить, что аффикс *-тык* относится к составу внутрикатегориальных аффиксальных морфем, так как деривационный процесс происходит в пределах имени существительного. Исследуя синтагматические особенности производящей основы вторичной номинации *алаяқтык* и словообразовательного аффикса *-тык*, следует обратить внимание на то, что корневая морфема относится к аффиксальной «как определение к определяемому» [Баскаков 1979: 87].

В пределах первого значения слово *ала* в казахском языке употребляется и в третьем значении, не выражающем цветовые оттенки, например, 'неодинаковый, неровный, неравномерный, неоднородный'//'*неодинаково, неровно, неравномерно, неоднородно, местами*'; *егін ала шығыпты* 'зерновые уродились неравномерно'; *жанбыр ала жаупты* 'дождь шёл местами'; *бҖл жердін шобі ала* 'трава на этом месте неровная' (где высокая, где низкая); *ала бҖлт казы* 'казы с неровным слоем жира' (*казы* – это брюшной и рёберный конский жир, а также изысканное кушанье наподобие колбасы из брюшной и рёберной части конской туши [Казахско-русский словарь 2002: 440]; *ала жал* 'полоски неровно убранного хлеба, скошенной травы или вспаханного поля'; *ала кӨр* 'неодинаково относится к людям; отдавать кому-либо предпочтение'; 'обходить кого-либо'; *ала қалдыр*

‘оставить полосы после неаккуратной уборки или вспашки’ [Казахско-русский словарь 2002: 44].

В казахском языке слово **ала** употребляется и во втором основном значении, состоящем из трёх частей, не выражающих цветовые оттенки, например, 2. 1) ‘неровно, несогласно’; ‘раздор, рознь’; **онын, қӨнлінде ала жоқ** ‘он не питает (к кому-либо) вражды’; 2) ‘белок глаза’; **аласы аз қара көз** ‘большие чёрные глаза’ (в которых мало белка); 3) *уст. экс.* ‘сильный конь’; **жылқы ішінде ала-ды қылышқ жҰнді кара-ды фольк.** ‘самый сильный вороной конь в табуне’.

Слово **ала** по материалам «Казахско-русского словаря» участвует в составе различных синтаксических конструкций в организации текста, своеобразно обогатывая различные его компоненты, например:

1) употребляется как **дразнилка** в значении ‘лысый’: **алабас – айран берсе, жаламас** ‘лысая башка, дай пирожка’;

2) употребляется как **пословица**: **бір биеден алада туады, кҰла да туады** ‘от одной кобылы может родиться и пегий, и буланый жеребёнок’; ‘в семье не без урода’; **кісі аласы ішінде, мал аласы сыртында** ‘пёстрота (т.е. двурушничество) у человека внутри, а у животного – снаружи’; **алақанат жігітке қылмандағай қыз жолығар** ‘легковесный джигит встретит легкомысленную девушку’; **алақарғада аласын болсын** ‘пусть тебе все будут должны, даже серая ворона’ (т.е. одалживать лучше, нежели задолжать) [Казахско-русский словарь 2002: 44] (употребляется в значении ‘серый’, почему-то в словаре отдельно слово **алақарға** ‘серая ворона’ не дается, а приводится только в составе пословицы – образного выражениях); **ала қойды боле қырыққан жунге жарымас** ‘негож делёж’ (т.е. в коллективе не следует что-либо распределять неравно) [Казахско-русский словарь 2002: 44];

3) употребляется как **загадка**: **ала күйігім айналып – айналып буаз болды** ‘пёстрая собачка моя кружила-кружила и забеременела’; **отгадка**: **Ұрышқ** ‘веретено’ [Казахско-русский словарь 2002: 44];

4) употребляется в составе поэтических слов, выражений, придавая им образность: **Ақ Жайық сенін орнын ала бӨтен** *поэт.* ‘О мой Ак Жаик, ты занимаешь (в моём сердце) особое место’ [Казахско-русский словарь 2002: 44];

5) употребляется как **свободное словосочетание**, в котором в цветовом значении семантика компонентов не сохраняется, его можно восстановить и воспроизвести на уровне ассоциативной трансформации, например: а) это значение функционирует в основном в номинации птиц, растений: **ала бҰлбул** *зоол.* ‘синий соловей’, **ала бақа** *зоол.* ‘кавказская крестовка’, **ала көбелек** *зоол.* ‘пестрянка’ **ала қарға** ‘серая ворона’, **ала кҰмай** *зоол.* ‘гриф гималайский, или снежный’; **кулай ала торғай** *зоол.* ‘трясогузка белая’, то же самое, что **қаратамақ**, или **қара торғай** [Казахско-русский словарь 2002: 44]; **ала таспа** *бот.* ‘астргал черно-желтый’ [Казахско-русский словарь 2002: 44]; б) это значение употребляется в номинации различных явлений природы, физико-географических объектов: **ала айран су** ‘мутная вода’, **ала ауыз** ‘несогласный’; **алты бақан ала ауыз** ‘люди в раздоре’; **ала ауыздық** ‘разногласие, ссора’; **ала бҰлт** ‘редкие облака’; **ала бӨтен** ‘исключительный, особенный’ // ‘исключительно, особенно’, **ала бҰлік адам** ‘скандальный человек’; **ала бҰлік сал** – ‘скандалить’, **ала жаздай** ‘всё лето’, **ала жаулы** ‘неодинаковый, неровный’, **ала жаулы** (или **шабыр**) **бҰлт** ‘неплошные облака’, **ала жаулы бол** – ‘быть несолидарным в душе’, **ала жылан, аш бақа бал-** ‘быть в раздоре’, **(біреудін) ала жібін аттама** – ‘быть честным, не поступаться совестью’ (по отношению к другим лицам); **ала коздік** ‘неприятно, натянутые отношения между кем-либо’; **біреумен ала козі бол-** ‘быть в плохих отношениях’, **ала козімен ат-** ‘посмотреть зло, неприятно’; **ала көленке** ‘полутьма, предрассветные или вечерние сумерки’, **ала көлен** *диал.*, то же, что **ала көленке**; **ала көленнен атқа мін** – ‘собраться в путь на рассвете’; **ала конек**

біе 'кобыла, дающая много молока', *ала коніл* а) 'беспокойство', б) 'сомнение'; *ала коніл бол-* а) 'потерять душевное равновесие'; 'быть в инертном состоянии', б) 'сомневаться' [Казахско-русский словарь 2002: 44]; *ала кӨр-* 'выделять кого-либо, относиться не ко всем одинаково'; выделять или отчуждать кого-либо; *ала күздей* 'целую осень'; *ала қанат қар* 'весенние проталины'; *ала қаптын аузын аш-* 'выложить всё' (угощение), не жалеть ничего' (из угощения); *ала каудан* а) 'редкий, кое-где' б) 'неодинаковый'; *ала қол адам* 'пристрастный человек, который относится не ко всем одинаково' (когда нужно давать, раздавать что-либо); *ала кҰйын адам* 'неуравновешенный человек'; *ала қыстай* 'всю зиму'; *окпе бол-* а) 'сильно беспокоиться о чём-либо'; б) 'стараться изо всех сил'; *ала суан* 'лгун высшей марки' (какого свет не видел); *ала топалан* 'сумятица, суматоха'; *ала тайдай бүлдір* – (или *ти-*) 'взбудоражить, переполошить всех'; *ала таннан* (или *танда*) 'ни свет ни заря; с раннего утра'; *шапқын бол-* 'подвергаться сильному нападению' (врага) [Казахско-русский словарь 2002: 44].

Исследование фактологического материала свидетельствует о том, что слово *ала* как полисемант употребляется в нескольких значениях, основным из которых является значение цветообозначения. Можно предположить, что остальные, нецветовые, значения возникли на уровне ассоциативно-индивидуального восприятия главного значения. В результате различных лексико-семантических трансформаций в процессе языкового развития остальные, второстепенные, значения стали самостоятельными, оторвавшись от первого значения.

Синтагматической особенностью слова *ала* в казахском языке является то, что оно сочетается не только с именами существительными, образуя свободные, лексикализованные словосочетания, идиомы фразеологического типа, парно-повторные конструкции, с функционированием определенного типа синтаксической связи между компонентами, но и в первую очередь с некоторыми прилагательными «основного» цветообозначения, например, *ау ала буркіт*, 'бело-пятнистый беркут', *қара ала ат* 'черно-пегая, вороно-пегая лошадь', *қызыл ала шым* 'пёстрый ситец красной расцветки'. Кроме того, слово *ала* образует различные синтаксические конструкции, сочетаясь с прилагательными «оттеночного» цветообозначения, обозначая смешанные сегменты лингвоцветового пространства, например, *торы ала ат* 'гнедо-пегая лошадь', *шабдар ала ат* 'рыжеватопегая лошадь' [Казахско-русский словарь 2002: 44].

Слово *ала* в карачаево-балкарском языке также сочетается с прилагательными «основного» цветообозначения, например, с прилагательными *кёк* 'синий', *кёк-сюлдюм* 'синеватый', *кызыл* 'красный', *кыызгылдым* 'красноватый': *кёк ала* 'сине-пёстрый', *кёксюлдюм ала* 'синеватопёстрый', *кызыл ала* 'пёстрый, состоящий из красных и белых полос, пятен' [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002: 752], *кыызгылдым ала* 'красновато-белый'.

Выводы

Анализ словарей казахского и карачаево-балкарского языков свидетельствует о том, что слово *ала*, как общетюркское прилагательное, употребляемое в большинстве данных языков неизменно в одной фонетической форме, как терминообразующий компонент ономастической лексики, участвует в образовании свободных словосочетаний с расчленённым значением, лексикализованных словосочетаний с переносным значением, парно-повторных конструкций как в прямом значении, так и переносном. Появление переносного значения в семантической структуре делимых и неделимых конструкций является результатом перехода свободных словосочетаний в лексикализованные, результатом внутренних трансформаций.

Слово *ала* в казахском языке участвует в образовании как апеллятивных, так и собственных названий физико-географических объектов, малых и больших.

Синтаксические конструкции являются названиями гидронимических объектов: рек, озёр; оронимических объектов: урочищ, гор, высшей точки хребта, перевалов, высокогорного перевала, вершины, высокогорных хребтов; топонимов: населённых пунктов.

Некоторые географические единицы являются универсальными, то есть одновременно названиями как оронимических, так и гидронимических, оронимических и топонимических объектов. Отдельные топонимические названия образовались от геоботанических единиц, например, *алабота* 'лебеда' – *Алабота* – название озера.

Источники и литература

1. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М.: Наука, 1979. 275 с.
2. Казахско-русский словарь: Ок. 50000 слов / под ред. член-корр НАН РК Р.Г. Сыздыковой, проф. К.Ш. Хусаин. Алма-Аты: Дайк-Пресс, 2002. 1008 с.
3. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. II. 3–P. (Толковый словарь карачаево-балкарского языка). Нальчик: «Эль-фа», 2002. 1168 с.
4. Современный карачаево-балкарский язык / В 2-х ч. Ч. 1. Нальчик: «Печатный двор», 2016. 448 с.

LEXICO-SEMANTIC AND SYNTAGMATIC FEATURES OF THE WORD ALA IN THE TURKIC LANGUAGES (Based on the material of the Kazakh and Karachai-Balkarian languages)

Musukov Boris Abdulkerimovich, Doctor of Philology, Head of the Karachai-Balkar language sector of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The article is devoted to a comprehensive study of the lexical-semantic and syntagmatic features of the attributive component of descriptive phrases, lexicalized phrases, paired-repeated constructions of the indicator of variegated color designation, the term-forming word *ala* in the Kazakh and Karachai-Balkarian languages, participating in the categorization of mixed segments of the lingua-color space.

It examines the distinctive features of free and lexicalized phrases, reinforcing structures, examines the issues of lexicographic interpretation of «double names».

The paper analyzes the issues of combining the attributive component of *ala* with denotative and abstract nouns, an asemanic analogue.

The article draws attention to the peculiarities of a selective combination of various phrases with inventory units of morphology, both derivational and inflectional.

Keywords: syntactic constructions, lexical units, syntagmatic features, linguistic space, asemanic analogue, morphologization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-108-115

ЭПИЧЕСКЭ ЛЫХЪУЖЬХЭМ ТЕУХУА АДЫГЭ ПСЫСЭ КІАСЭХЭР

Быхурэ Мухьэмэд ФуIэд и кьуэ, филологие шIэныгъэхэмкIэ кандидат, Гуманитар кьэхутэныгъэхэмкIэ институтым – Федеральнэ кьэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Кьэбэрдей-Балъкьэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрым» и филиалым и адыгэ IуэрыIуатэ секторым и шIэныгъэ лэжьакIуэ пашэ, mbf72@mail.ru

Статьяр теухуаш адыгэ IуэрыIуатэр джынымкIэ нэхь мыхьэнэшхуэ зиIэхэм ящыщ зы Iуэхугъуэм – эпическэ лыхъужьхэм теухуа адыгэ псысэ кIасэIэ эджэ IуэрыIуатэхэIкI лIэужьыгъуэм и кьежьэIамрэ зэрызиужьамрэ кьэпщытэным. Дызэрыщыгъуазэщи, иджырей зэманым филологием ехьэлIа шIэныгъэм лъэ быджIэ шыуващ лыхъужь псысэр пасэрэй эпосым и шIэдзапIэу кызыхэщ гупсысэр. Ауэ дэ нэхьыбэу дрителъхьэщ С.Ю. Неклюдовым лыхъужь эпосым ипэ кьит пасэрэй лыхъужь таурыхьымрэ нэхь иужьу зэфIэува эпическэ лыхъужьхэм теухуа псысэмрэ, эпосым и зыужьыныгъэм и кIэух лъэхьэнэу шытымрэ, зэщхьэщыгъэкIыпхьэу зэрыжиIэм. Абы ипкIэ иткIэ ди лэжьыгъэр нэхьыбэу зытеухуар нарт эпосым шышу япэ шIыкIэ пшыналъэу – усыгъэу гьэпсарэ макьамэ шIэту – зэтеувауэ шыта, иужькIэ а нэщэнэхэр зыфIэIкIуэду прозэм хуэIуэжа хьыбархэрщ. Апхуэдэхэщ Сосрыкьуэрэ нарт Тотрэшрэ зэрызэзуам, Сосрыкьуэ мафIэ кызызрихьам, Бэдынокьуэ и япэ ежьэм, Батрээрэ Ашэмээрэ ялэ зэращIэжам теухуахэр, кьанэ шIагъуэ шымыIэу нарт Щауей и циклым, псом хуэмьдэжу псысэ шытыкIэхэр зыбгъэдэлъым, кызызщIикьуэхэр. Апхуэдэу тегъэщIапIэ тхуэхуащ «Нартхэр. Адыгъэ эпос» тхыльым и епланэ томьым, эпосым и иужьрей лъэхьэнэм хиубыдэ лыхъужьхэм ехьэлIа IуэрыIуатэхэIкIхэр кышызэщIэIкьуауэ шытынум, хэджьыхьэнэу кыхэтшыпыкIа, зи гугъу тщIы кьэхьугъэм и нэщэнэхэр IушщIу зыхэтIагъуэ текст зыбжани.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэ нарт эпос, лыхъужь псысэ, IуэрыIуатэ, тхыдэр зи Iъабжьэ лыхъужь эпос, эпическэ лыхъужь, хьыбар, пшыналъэ.

Дызэрыщыгъуазэщи, IуэрыIуатэр жанркIэ зэщхьэщыгъэкIыным еджагъэшхуэхэр куэд шIауэ толажьэ, абы и лъэныкьуэкIи ехьулIэныгъэфIхэр зыIэрагъыхьауэ жьыпIэ хьунуш. Апхуэдэу шыт пэтми, нобэр кыыздэсым кызыхуэтыншэу арэзы псори укъэзыщI гуэшыкIэ шыIэкьым. Апхуэдэ шытыкIэр кьэзышэри, дауикI, гурыIуэгъуэщ: куэдрэ кышыхьу шыIэщ, жанр зыбжанэхэм я нэщэнэ зэрыбгъэдэлъым кыхэкIыу, IуэрыIуатэхэIкIыр зыхуэпхьыну лIэужьыгъуэр умышщIэу утыку укьышинэ. Псом хуэмьдэжу ар хужьыпIэ хьунуш мотивхэмкIэ, сюжетхэмкIэ, образхэмкIэ, бээр кьулей зыщI художественнэ IэмалхэмкIэ зэхьуажэу кызыдэгъуэгурыкIуа прозэ лIэужьыгъуэхэм. Псалъэм папщIэ, «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхыльым и ещанэ томьым хэджгъэхьа хьыбар зыкьомыр нарт эпосым дежкIэ шIедгъэIкIуэтэкIын шхьэусыгъуэ шыIэ пэтми, апхуэдэ дьдэу мыбыхэм ябгъэдэлъыщ тельдыджей, лыхъужь, новеллэ псысэхэм, тхыдэр зи Iъабжьэ хьыбарыжьхэм я нэщэнэхэри. Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ я сюжетгъэIагъуэм [Thompson 1961] (адэIкIэ АТ) тегъэщIауэ жьыпIэмэ, мыбы дызыщрихьэлIэ «Нарт Шэбатныкьо кызызрицагъэр» [Нарты. Адыгский эпос 2020: 248–259] хьыбарыр тельдыджей псысэу жьыпIэми ушыуэнукьым, и сюжетри АТ 449 дьдэр арщ: тельдыджагъэ зыбгъэдэлъэ шIопщымкIэ цIыхубзыр кьоуэри, Бэдынокьуэ псэушхьэ зэмылIэужьыгъуэхэм я сурэтым йохьэ; пщым и пхьур уд фызыжэ цIыкIум шехьумэ; мы иужьрейм и фIышщIэIкIэ цIыху мэхьуж. Бэдынокьуэрэ Сосрыкьуэрэ

бажафэр зэрыэпаубыдам тепсэлъыхь хьыбархэри [Нарты. Адыгский эпос 2020: 397–417] АТ–976** сюжетыр зи лъабжьэ новеллэ псысэхэм пэгъунэгъуш. Апхуэдэхэщ АТ 981 (жбы укЪыжыныр нартхэм зэрызэханар [Нарты. Адыгский эпос 2020: 169–183]), АТ 1137 (Полифем ехьэлIа сюжет цIэрыIуэр [Нарты. Адыгский эпос 2020: 259–266]), н. «Нарт Хьыжьэ и хьыбарыжьым» [Нарты. Адыгский эпос 2020: 266–288] (е Чэчанокъуэ Чэчанэ теухуахэм) лыхужь псысэм и щытыкIэхэу бгъэдэлъым кыдэкIуэу, тхыдэр зи лъабжьэ хьыбарыжьхэм яжь кызырэщIихуари наIуэщ. Мыпхуэдэ IуэрыIуатэу лыхужь эпосым кызыэщIикъуахэр куэд мэхуэ, псоми мыбдежым я гугъу щытхуэмьщIми, мы Iуэхугъуэм гу лыгтапхъэщ: дауэ щымытами, мыхэр эпосым пэгъунэгъу ищIу псоми зы нэщэнэ ябгъэдэлъш. Ар нартхэм я дунейр абыхэм кышыгъэльэгъуауэ зэрыщытырщ. Аращи, мыхэр иджыри зэ щыхьэт тохуэ, нарт эпосыр жанр зэмылIэужьыгъуэ куэд зэщIэзыша къэхьугъуэ Гьут I.M. зэрижиIэм [Гутов 2009: 13]. Апхуэдэу нэхьыбэ дыдэу мыбы дызыщрихьэлIэхэм ящыщ зыщ лыхужь псысэм и теплъэр ебэкIыу зыбгъэдэлъ IуэрыIуатэхэки лIэужьыгъуэхэр.

ЩIэныгъэлIхэм кызыэралъытэмкIэ, нарт эпосым илъгэс минищым нэблагъэ и ныбжьш, икIи а зэманым къриубыдэу абы и кIуэцкIэ зэхуэкIыныгъэ куэд шигъуэташ. НэгъуэщIу жыпIэмэ, ар кышыгунэхуа лъэхьэнэхэм иIа теплъэмрэ ди деж кызырэысам игъуэтамрэ шурэ лъэсрэ я зэхуакуш. Абы гу лъатэу а щытыкIэр ягъэбелджылын мурадкIэ эпосыр джыным еджагъэшхуэ куэдым я гуащIэ зэрытрагъэкIуэдам псори дышыгъуазэщ, абы и лъэныкыуэки ехьулIэныгъэфIхэр зэрызыIэрагъэхьам зы шэчи хэлькъым: эпосым и кыуэпсхэр зэкIуэлIэж къэхьугъэхэр, ар къэунэхуу зэрызиужьар, игъуэта зэхуэкIыныгъэхэр, сюжетхэр, образхэр, и бзэм и кыулеягъыр, нэгъуэщI лъэныкыуэ куэдхэри арэзы укыищIу джа хьуащ. Псом хуэмыдэжу лэжьыгъэшхуэ ирагъэкIуэклаш, эпосым бжыпэр щызыIыгъ лыхужь нэхьыщхьэхэм я циклхэр – щIэдзапIэ лъэхьэнэм хиубыдэ Тхьэггэлэдж, Амыш, Лъэпщ, адэкIэ – Сосрыкыуэ, Уэзырмэс, Батрээ, Ашэмэз, Бэдынокъуэ, Щауей сымэ ехьэлIахэр – щIэпщытыкIынымкIэ. Абыхэм еплъытмэ, щIэныгъэлI зыбжанэм я къэхутэныгъэхэм и гугъу щыщIа пэтми, нэхь мащIэу гулгытэ зыгъуэтахэм ящыщ эпосым и иужьрей лъэхьэнэм кызыэщIиубыдэ хьыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ. Мы псалъэхэм дэ кыдгъэкIыркыым, мы лъэхьэнэр щIэныгъэлIхэм IэщIыб ящIыпауэ. АтIэ, апхуэдэу уегупсысыныр дэнэ къэна, мыбы и лъэныкыуэки эпосыр зыдж щIэныгъэр ипэкIэ ягъэкIуэтауэ жыпIэ хьунуш. Ауэ, дауэ щымытами, нобэ щыIэ къэхутэныгъэхэм тепщIыхьмэ, зи цIэ кыитIуа лыхужьхэм ягъуэта гулгытэм хуэдэ, псалъэм папщIэ, нартхэу Быщэ-кIьэкI, БэукI, Гьожакъэ, Жьэмады, Колэс, ШьэуапцIэ сымэ ялъысауэ тхужыIэнукъым.

Зи гугъу тщIы къэхьугъэр (жанрыр зэрыужьыхыр) адыгэ эпосым зэрышекIуэклам тетхыхьахэм ящыщ зыщ Гьут I.M. Ар зыхуэкIуа гупсысэхэм тепщIыхьмэ, нарт эпосым и зыужьыныгъэм кIуэ пэтми зэрыкIэрыхуам щыхьэт техуэу нэщэнэ зыбжанэ кыыхэбгъэкI хьунуш [Гутов 1993: 14–29]. Абыхэм щыщ нэхьыщхьэу мы ди лэжьыгъэм гъуазэ хуэхуну кьэтлгытэу кыыхэтхаш нарт эпосым щыщ IуэрыIуатэхэки зыкъомыр нэгъуэщI жанрхэм (нэхь класэу къэунэхуа лыхужь псысэмрэ тхыдэр зи лъабжьэ лыхужь эпосымрэ) зэрыхуэкIуэр кызыхэхэщ Iуэху еплъыкIэр.

Къэдгъэльэгъуа темэм зыщIыхуэдгъэзам и щхьэусыгъуэр иридгъэбелджылыну иджыри зэ дигу къэдгъэкIыжынщ, «Нартхэр. Адыгэ эпос» кыдэкIыгъуэм хыхьэ тхыльхэм я зэкIэлъыкIуэклэмрэ а зэкIэлъыкIуэклэр зытегъэпсыхьамрэ. 2012 гъэм кышыщIэдзауэ нобэм къэсыху, ИГИ КБНЦ РАН-м адыгэ IуэрыIуатэмкIэ къудамэм и лэжьакIуэхэм дгъэхьэзыраш зи гугъу тщIы кыдэкIыгъуэм и томиш, икIи ахэр зэрызэкIэлъыхьам IупщIу къагъэлыагъуэ адыгэ нарт эпосыр къэунэхуу адэкIэ зэрызиужьар. Абы ипкь иткIэ япэ томыр кыщIедзэ мифологием иджыри пыщIэныгъэ быдэ хузиIэ лыхужь эпосым и ублапIэ лъэхьэнэмкIэ – Тхьэггэлэдж, Амыш, Лъэпщ сымэ я циклхэмкIэ. Зэрыпасэрейм кыыхэкIыу, мыбыхэм ягуэуващ

Сэтэней ехьэллари. Томым и етҮанэ Үыхьэр тедухуаш зи хьыбархэмрэ пшыналъэмрэ лҮыхужьыгьэр япэу кызыыхьэ нарт Сосрыкьуэ [Нарты. Адыгский эпос 2012]. ЕтҮанэ тхылтым кызыщӀеубыдэ зи цӀэ кытҮа лҮыхужьхэм ныбжькӀэ кьакӀэлыкӀуа Уэзырмэс, Батрээ, Ашэмэс сымэ я циклхэр [Нарты. Адыгский эпос 2017]. Ещанэм щызэхуэхьэсащ псом нэхэрэ нэхьыщӀэжу кьалтыгэ Бэдынокьуэрэ Щауейрэ кьегъэщӀыла хьыбархэмрэ пшыналгэхэмрэ [Нарты. Адыгский эпос 2020].

«Эпосым и сюжет курыххэр зепэщыным лӀэщӀыгьуэ зыбжанэ ихьауэ кьыщӀэкӀынуш. Нэхь иужь кынахэм ящыщӀ нартхэу Бэдынокьуэ, Щауей сымэ ятеухуа сюжетхэр. Абыхэм сюжет ззыггэпэщ мотиву ебӀкӀхэр – хэкур яшхыну, яхьыну кыихьа бийм ебэныныр, курыт лӀэщӀыгьуэхэм шууейм и пщальэу ялытэу щытам хуэдэ идеал гьэлъэгьуэнырщ», – етх Гьут I.M., мы иужьрей лҮыхужьытҮым я циклхэм теухуауэ [Гьут 2010: 56]. ЩӀэныггӀыгь зыхуэкӀуа гупсысэхэм тепщӀыхьмэ, мы мотивхэм я закьуэкьым, сюжетхэр нэхь иужьу эпосым кызырыхьыбар кьэзыггӀэлыгьуэр, атӀэ поэтикэрэ стилистикэ я лъэныкьуэкӀэ хьыбарыжьхэмрэ лҮыхужь псысэхэмрэ я нэщэнэ куэдър мыбыхэм зэрызыщӀашари абы щыхьэт тохьуэ [Гьут 2010: 57]. Зы лъэныкьуэкӀэ мы псалгэхэм Бэдынокьуэрэ Щауейрэ адреи лҮыхужьхэм нэхэрэ «зэрынэхьыщӀэр» кьаггӀэлыгьуэу щытми, нэгьуэщӀ лъэныкьуэкӀэ эпосым хиубыдэ ӀуэрыӀуатэхэкӀ зыкьомыр адреи жанрхэм зэрыхуэкӀуам мыхэр и цапхэ нэсц: Бэдынокьуэ и пшыналгэм эпосым и поэтикэр щыхьумами, хьыбархэм лҮыхужь псысэмрэ тхыдэ хьыбарыжьхэмрэ я теплгэхэр ебӀкӀ хьуаш; Щауей и циклращи, мыбы зы пшыналги хэтыжкьым, нартхэм я дунейр кыиггӀэлыгьуэжу зэрыщытымрэ цикл кызыраггӀэщӀымырэ кыу-мыллыггэмэ, хьыбаркӀэ деджэми, зэрыщыту лҮыхужь псысэм хэбггыхьэмэ, ущыуэнукьым. Ауэ абы кыкӀыркьым, нарт эпосым и зыужьыныгьэр мы лҮыхужьхэм ехьэлла хьыбархэмрэ пшыналгэхэмрэ я деж кьыщыгувылауэ. АтӀэ, ди зэманым кьэса ӀуэрыӀуатэр кьӀпллыггэмэ, мыбыхэм кьакӀэлыкӀуаш ищхьэкӀэ кьыщытхьа нэщэнэхэр нэхь наӀуэжу зыхӀплгьагьуэ цикл цыкӀухэмрэ лҮыхужь щхьэхуэхэм ятеухуа хьыбар, пшыналгэ зырызхэмрэ. Апхуэдэхэщ, псалгэм папщӀэ, Быщэ-кӀбӀэкӀ, Пагуэ и кьуэ Тэтэршауэ, БэукӀ, Гьожаккэ, Жьэмадыу, Колэс, ШьэуапцӀэ сымэ ехьэлла циклхэр, Тотреш и пшыналгытҮыр, нартхэу Пщыапцокьуэ, Гьурдэберд, Бэтей, нэгьуэщӀхэри кызыхэщыж хьыбархэр. Кьапштгэмэ, ахэращ «Нартхэр. Адыгэ эпосым» и зи чэзу тхылгыр, еплӀанэ томыр, нэхь зытеггӀэщӀауэ щыгынури.

Мы лҮыхужьхэм теухуа ӀуэрыӀуатэхэкӀ лӀэужьыгьуэхэм ябггӀэдэль щхьэхуэныггэхэм дыщытепсӀыыхькӀэ, Ӏэмал имыӀуэ зи гу щӀыпхьэхэм ящыщӀ лҮыхужь псысэр, абы и нэщэнэ куэдър зыщӀашауэ, уеблэмэ, езы дыдэхэр (ӀуэрыӀуатэхэкӀы) а жанрым хуэкӀуауэ зэрыщытым кыыхькӀуэ.

ЛҮыхужь псысэм ӀуэрыӀуатэм щиггӀэзащӀэ мыхьэнэм еджаггӀэшхуэ куэд тепсӀыыхьауэ щытащ, икӀи нэхьыбэм ар лҮыхужь эпосым и кьежьаплӀэу, эпосым нэхэр ар нэхь пасэрейуэ кьалгытауэ щытащ. Псалгэм папщӀэ, апхуэдэ гупсысэ кыыхалхьат лъӀпкь зэмьлӀэужьыгьуэ куэдым я ӀуэрыӀуатэр зыджа В.М. Жирмунский [Жирмунский 1960], Е.М. Мелетинский [Мелетинский 1963], В.Я. Пропп [Пропп 1958], н. Ауэ мы Ӏуэхугьуэм ипкь иткӀэ щӀэныггӀэхэм яӀэ Ӏуэху еплыкӀэм зриггӀэхуэжауэ щытащ С.Ю. Неклюдовым и кьэхутэныггэм. Пэжщ, мыбыи, зи гугьу тщӀа ӀуэрыӀуатэдджхэм хуэдэу, лҮыхужь псысэжьыр пасэрей теплгэ зиӀэ лҮыхужь эпосым и пэ кыту, езыхэри зэрызщхьыр, я гьунапкьэхэри икьукӀэ зэхэггӀыгьуейуэ зэрыщытыр кьыжеӀэр, ауэ абы кьыдэкӀуэуи, мыдрейхэм кьашхьэщыкӀыу, эпосым и щӀэдзаплӀэ пасэрей лҮыхужь псысэмрэ нэхь кӀасэу кьэунэхуа «эпическэ лҮыхужьхэм теухуа псысэмрэ» зэщхьэщыггӀыпхьэу, мы иужьрейри эпосым и «кӀэух лъэхьэнэу» кьэлыггӀэн хуейуэ кьеггӀэу [Неклюдов 1975]. С.Ю. Неклюдовым зи гугьу ищӀ кьэхуэггэм ижь ди лҮыхужь эпосми кызырэщӀыхуам псом япэу гу лызытахэм, еджаггӀэшхуэм утыку кьрылхьа гупсысэхэр дэзыӀыггахэм ящыщӀ Гьут I.M. [Гутов 1993: 17–18].

ЩӀэныггӀэхэм «эпическэ лҮыхужьхэм теухуа псысэм» кьраггӀыгь нэхь гурьуэгьуэ хьун папщӀэ, Ӏуэхугьуэ зыбжанэм и гугьу щӀын хуейуэ кьыдоллыггэ.

В.Я. Пропп гу лытауэ щытащ былинэхэм зыщызужьа сюжет куэдыр прозэуи кызырауатэм, абы кыхэккИи щэныгьэлЫм апхуэдэхэр псысэ жанрым хигьы-хьэрт, лыхужь эпосым и нэщэнэ нэхьыщхьэхэу езым кыхутахэр – усэ теплэ илэрэ макьамэ щлэту зэрыжилэр – абыхэм ябгьэдэлгыжтэкьыми [Пропп 1958: 18]. Нэхь иужьылуэклэ А.М. Астаховэми мы щытыклэр зилэ луэрыуатэхэклхэр псысэ лэужьыгыуэу кылыгытащ, щхьэхуэу кыхыгьэклри щипщытыкыжауи щытащ, икИи, абы гу зэрылытамклэ, сюжет кудейхэмклэ флэкла, мыхэр былинэхэм зэра-пэблагэ нэгьуэщл теплэ зыри ябгьэдэлгыжкьым, атлэ псысэм и «жыпхьэм» иу-ваш [Астахова 1962].

Кьапштэмэ, усэ теплэ илэрэ макьамэ щлэту жалэ лыхужь эпосым про-зэ кьэлэуэтэклэ игьуэту псысэм хуэклуэу щлэныгьэллхэм зэрыжалэм пыплхьэ-ни-пыпхыни хэлъу кытщыхуркьым: ар дэтхэнэ зы лэпкь луэрыуатэми, адыгэ-хэм ейри хэтыжу, щеклуэкл зэхуэаклыныгьэхэм ящыщ зыщ. Апхуэдэ дьдэуи В.Я. Пропп былинэ жанрым и нэщэнэу кыхыгьэклахэм – усэ теплэ илэрэ макьа-мэ щлэту зэрыжилам – арэзы ущытымыхуэн щхьэусыгыуи хэтлэагыуэркьым. Ауэ мыбдежым нэгьуэщл зы упщли кьоув: ярэби, мы щытыклэхэм лэпкьыу хуам я лыхужь эпосыр кытлэсэу плэрэ? Дауикл, хьэуэ. Тынш хьунут мыпхуэдэхэр псори лыхужь эпосым, прозэу кьэлэуэтауэ хуар псысэм дгьэклуатэмэ, ауэ, ды-зэрыщыгыуазэщи, лэпкь куэдым я лыхужь эпосыр зэхэтщ, усыгыуэ гьэлсарэ макьамэ щлэтыжу жалэ луэрыуатэхэклыуи прозэу ялуатэуи (епль: Кёроглы, Нарт эпос, н.).

Иджыри кьэсклэ дызытепсэлгыхьам тепщлыхьэмэ, гу зылыгытапхьэращи, луэрыуатэм кыхобелджылыкИ лыхужь эпосым сюжетклэ пэблагэ, ауэ сыт и лээныкьуэклИ псысэ нэщэнэхэр зэбэклыу прозэу ялуатэ луэрыуатэхэклхэр. Нарт эпосыр кьапштэмэ, Хьут Щ.Хь. кызырилгытэмклэ, а хьыбархэр кьэунэ-хуным и щхьэусыгыуэр кьишаш, пшыналгьэхэр ящыгыупщэжу ахэр зытеухуар кызыэрыгуэклыу кьэлэуэтэж зэрыхуам, икИи абы щыхьэт тохьуэ, сюжет зэщхьэ зилэ хьыбари пшыналгыи эпосым зэрыхэтыр [Хут 1980: 86]. ЩлэныгьэллЫм кыжилахэм зыкьомклэ арэзы утехьуэ хьуну щыт пэтми, хьыбар псори кьэунэхуным а зы щлэдзаплэм флэклэ ямылэу пхужьылэнукуьым.

Щыхум и зыужьыныгьэр кьапштэмэ, шэч хэлкьым, гьэхуауэ усэным и пэ кьи-хуэу, кызыэрыгуэклыу и гупсысэхэр кьилуэтэным зэрыхуэклуар. Абы тепщлыхьэмэ, нарт эпосым хиубыдэ прозэр пшыналгьэм нэхьрэ нэхьапэ кызыэрыунэхуари гурылуэгьуэщ. Ауэ ари щыхьэт техуэркьым зы сюжет зилэ луэрыуатэхэклхэр япэ щыкИ хьыбару кьэжьэу иужькИ пшыналгьэу ягьэлпсыжауэ.

Мы луэхугьуэм ипкь итклэ Гьут И.М. зыхуэклуа гупсысэм тепщлыхьэмэ, пшы-налгьэмрэ хьыбарымрэ зыр зым и кьэжьаплэу пхужьылэнукуьым, атлэ пшыналгьэр, ди лээхьэнэм кызыэрыса дьдэм хуэдэу щымытами, кызыэрыгуэклыу кьэлэуэтэжам кыщхьэщыкыу, нэхь хэлэтыклауэ, нэхь зэгьэклуауэ жалэу щытагьэнуш, прозэра-щи, ари а зэрыщыт дьдэм хуэдэу кьэунэхуагьэнуш [Гутов 2009: 49]. ЩлэныгьэллЫм кызыэрихутащи, луэрыуатэхэклыр пшыналгьэу зэфлэувэн папщлэ, луэхугьуищым елыгытащ: лыхужьыгыгьэ кыхэхуэ, персонажхэм я зэхуаку зэныкьуэкьу кы-дэхуэу, лыхужь нэхьыщхьэм и теклуэныгьэклэ иухуы щытын хуейш. Псалгьэм папщлэ, Сосрыкьуэ зэрауклам лыхужьыгыгьэи кыхош, нартхэмрэ Сосрыкьуэрэ зо-ныкьуэкьу, ауэ лыхужь нэхьыщхьэр зэрыхэклуадэм кыхэклыу, мыр прозэу кьо-нэр. Мы лыхужьыр дунейм кызыэрытехьэр кьэзылуатэ сюжетым и клэр фыкИ еух, ауэ лыхужьыгыгьэи зэныкьуэкьуи хэткьыми, мыри прозэщ. Аращи, мып-хуэдэ щыкИэкИэ прозэр зи щлэдзаплэ хьуа хьыбар гуп нарт эпосым щлэныгьэллЫм кыхыгьэкИ [Гутов 1993: 148]. Ахэр нэхьыбэу теухуащ лыхужь нэхьыщхьэм и гьашлэ лыхьэхэм – кызыэралгьуам, и сабиигьуэм, нысащлэ зэрылыгыуам, зэрыхэклуадам. Мыбыхэм ягуоувэ Тхьэгьэлэдж, Амышь сымэ кьашлэна ху жылэм, мэлылым и хьумакуэ фызыжь цыкьлум деж лыхужьыр хьэшлэплэ зэрыклуар, иныжь кьупщхьэм зэрыхуэзар кьэзылуэтэж сюжетхэри, н. Гу зылыгытапхьэращи,

прозэу кызырыгыгурыкыуэмрэ мотив шхьэхуэхэмкэ зэрызэщхьымрэкэ флэкла, мыбыхэм лыхьужь псысэхэм луэху хуалэкым. Мы прозэ лэужьыгыуитлыр нэщэнэ куэдхэмкэ зэщхьэщоклыр, а псоми иджыпсту я гугьу тхуэмыщлми, занщлэу «нэм кыщлидзэ» зыбжанэ мыбдежым кышыщхьыпхьэщ: лыхьужь псысэ щылэкым, персонаж нэхьыщхьэр дунейм кызырытехьа е и сабиигуэ кудейм теуухуауэ, ахэр абы лыхьэ шхьэхуэу хэувэ мыхьумэ; мы жанр лэужьыгыуэм зы псыси хэткым, лыхьужьыр хэкуадэу; нэхьыщхьэжращи, мыбыхэм я нэщэнэ нэхьыщхьэщ, Гьут I.M. зи гугьу ищл лыхьужьыгыэри, зэныкыуэкьури, лыхьужь нэхьыщхьэм и теклуэныгыэклэ зэриухри.

Мы нэщэнэхэм я «фыщлэклэ» пшыналъэу зэфлуэва луэрылуатэхэклэхэм я гугьу пщлымэ, абыхэм я шапхэ гьуэзэджэщ «Сосрыкыуэ мафлэ кызырихьар», «Сосырыкыуэрэ Албэкь и кыуэ Тотырэшрэ» [Нарты. Адыгский эпос 2012: 224–232], «Хьымыщ и кыуэ Батрээ и уэрэд» [Нарты. Адыгский эпос 2017: 136–140], «Ашэмэз» [Нарты. Адыгский эпос 2017: 296–303], «<Пшыбадиноко>» [Нарты. Адыгский эпос 2020: 96–102], н. Мыхэр зытеухуа дыдэхэр прозэуи кьэлэуэтауэ щылэщ. Псалъэм папщлэ, Сосрыкыуэ мафлэ кызырихьа сюжет дыдэр льябжэ хуэхьуащ «Саусырыкыо иныжыыр зэриуэлыгыэр» [Нарты. Адыгский эпос 2012: 307–311], «Нарт Саусырыкыорэ иныжыымрэ» [Нарты. Адыгский эпос 2012: 311–318], «Сосрыкыуэ иныжыыр зэриуэлар» [Нарты. Адыгский эпос 2012: 318–320], н. Сосрыкыуэрэ Тотрэшрэ зэрызэзуари прозэу кышылуэтащ «Нарт Сосрыкыуэ и хьыбарым» [Нарты. Адыгский эпос 2012: 269–271]. Куэдрэ ущрихьэллми щылэщ усыгыэри прозэри зэщлэту кышыкылуи. Псалъэм папщлэ, апхуэдэу гьэпсащ мы иужьрей сюжетым теухуа «Сосырыкыуэ» хьыбарыр [Нарты. Адыгский эпос 2012: 213–224]. Мис мыбыхэм хуэпхь хьунуш Хьут Ш.Хь. зи гугьу ищла прозэ кьэунэхуклэр (зи гугьу тщлыр, ищхьэклэ кызырыщыжытлащи, пшыналъэхэр ящыгыупщэжу ахэр зытеухуар кызырыгуэкыуэ кьалуэтэж зэрыхьуарш). Мыхэрэщ пшыналъэ нэщэнэхэр «зылэпыхуу» прозэ кьэлэуэтэклэ зыгыуэтар, иклэм-иклэмжи жанрыр псысэм хуэзышэ «лягыуэм» теувар. Кьапштэмэ, мыпхуэдэхэрэщ С.Ю. Неклюдовым «эпическэ лыхьужьхэм теухуа псысэ» лэужьыгыуэм кызыщлригыуэбыдэри. Мы «псысэхэм» хэбгыхьэ хьунуш Сосрыкыуэ, Батрээ, Ашэмэз, Бэдынокыуэ сымэ теухуа пшыналъэхэм я сюжетхэр прозэу кьэзылуатэ хьыбархэр: сюжетыр кьахуэнами, пшыналъэм клэрытлягыуэ нэщэнэ нэхьыщхьэхэр абыхэм яклэрылгыжкым, иккми аращ мы кьэхьугьэр эпосым и зыужьыныгыэр зэрыужьыхым щыхьэт техьуэуи кыщлалыгытэр. Аглэ, апхуэдэ «гыуэгуанэм» эпосыр зэрытеувам сытым хуишауэ плэрэ? Абы и жэуапращи, ар щхьэусыгыуэ хуэхьуащ зи нэхьыбаплэклэ эпическэ лыхьужьхэм теухуа псысэм и щытыклэхэм кьытласэ Щауей и хьыбархэр кьэунэхуным. Езы образри пасэрей эпосым хэтхэм хуэдэжкым: мыр курыт лэщлыгыуэм щыла лыхьусэжэ (рыцарь) хьыжьэм и шапхэ гьуэзэджэщ. Абы дежкэ нэхьыщхьэр лыгыэрщ, хахуагыэрщ, кьарурищ, бэшэчынагыэрщ, пхьашагыэрщ, зэплэзэрытыныгыэрщ, адыгэ хабзэм тклийуэ тетынырищ. Апхуэдэу зэрыщытри налуэ кьешл, псалъэм папщлэ, и шу гьусэхэр зэриушийм: «– *Фэ зыщлылэ фыкыуэ фежьэмэ, «Шу гуп сыхуэзащ», – жыфлуэ зевмыт, «Мор шу закьуэи», – жыфлуэ, фытегуиэхуэу зевмытыщыт, – жылыт, желэ. Ар нартнэм яжрилэрт, желэ, щезьэклэ, ежьэгыуэ кьэсыхуклэ» [Нарты. Адыгский эпос 2020: 465]. Ипэклэи зэрыжытлащи, апхуэдэхэщ гьуэгу здытетым зыхуэза шур езым и деж хьэщлэу кыхуэкыуэу кыщыщлэклэ, и луэху кыгьанэу кызыригыэ-зэжри, хабзэм тету ар зэригыэхьэщлэри, зеклуэ здришэжьэну кышыжриэклэ, «хьэуэ» лэпкь кыыхимыгыэкыуэ, уеблэмэ, здашэри имыщлэу иккми щлэмыупщлэу хьэщлэм зэрыдежьэри, зэгьусэу бийм (иныжыым) емыбгыэрыкыуэ е щэхуу теуэ мыхьуу, луашхьэпалъэ иритрэ кьриджэу лы закьуэу зэрышэуври, абы щыгыуэми, бийм и щыгу ит пэтми, пауэр абы лыгыэсу, зэзэуэн хуей хьуми, хьуэщнэщыгыэрэ бзаджагыэрэ зыхэплхьэ хьунур имыдэу, лыгыэм, хахуагыэм кьахьыну псор япэ иригыэщрэ ахэр лупщлэ кьэзыщлэу зэуэклэр кыыхыгу зэрыщытыр, иныжыым и*

шы гуартэр кыщахукли, пхъэрым зыпэщлэгъэхуэну шы ужкым зэриуэр, губгъуэ нэщлым кранэу уае кращлэжы нэужы, щылым е мэжэщлалэгъэм кыгъэдзыхэрэ кэмыклуэжу, атлэ ежэну псалгэ зэраритам кыхэкыу, и гъусэхэм пэплъэу зэрышыри, зеклуэл зэрихабзэу, кыхуа былымым шыщ жылэм зэрахуигуэщри, нэгъуэщ куэдхэри. Мыбыхэм ягуоувэ Щауей и адэр псэууэ, абы унагъуэ унафэр лэщлэу кызырыгъэлыгъуари [Быхурэ, Гъут 2020: 9].

Иджыпсту дгъэхъзыр «Нартхэр. Адыгэ эпос» кыдэклыгъуэхэм я епланэ тхылтымклэ дгъээжынщи, эпическэ лыхужьхэм теухуауэ иужьклэ кэунэхуа псысэм и нэщэнэхэр зыбгъэдэлъу абы хыбар зыжанэ хохъэ. Апхуэдэхэщ Пагуэ и къуэ Тэтэрщауэ и циклым шыщ зыкъомыр. Къапштэмэ, «Нарт Пагуэрэ Хьэнэжэрэ я хыбары» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-м. П. 1] лыхужь псысэу жыплэклэ ущыэнуккым, мыбы и теплъэхэр апхуэдизклэ ебэкыу бгъэдэлъщи. Сюжетыр Щауейрэ и хэщлэмрэ я хыбарым [Нарты. Адыгский эпос 2020: 465–481] тохуэр, нэхьыбэ дьдэу лъэпкъ куэдым я деж зыщызужыхэм ящыщщ. Апхуэдэу шыт пэтми, гъэщлэгъуэнращи, Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ я сюжетгъэлыгъуэм абы ущрихэллэрккым. Ар къилгытэри АТ-р и тегъэщлалгъуэ адыгэ псысэхэм я сюжетхэр щлэзыпщытыккэ Тхэмокъуэ Женя и тхылтым мыбы – 650 В* номырыщлэр щритащ [Сравнительный указатель...2018: 585]. Пэжщ, тырку псысэхэм я сюжетхэр щызэхуэхъеса Эберхарт-Боратава (адэклэ Еб-Во) сюжетгъэлыгъуэм Еб-Во 204 бжыгъэмклэ ар кыщыгъэлыгъуащ [Eberhard, Boratav 1953: 238–240], икли, Алий А.И. и псалгэхэм тепщлэхэмэ [Алиева 1986: 35–37], сюжетыр кызырыуэтар ди псысэхэм ейм хуэдэуш: лыхужькым бийм и шы табыныр крехужьэ; хаклуэм нэпкъыжэ трешлэри еутыпщыж; хаклуэм бийр кэхэ; лыхужьыр абы йозауэри хегъащлэ; апхуэдэ щыккэклэ щэнейрэ бийхэм йозауэри теклуэныгъэр зылэрегъыхъэ.

Псысэхэм зэрыщыхабзэщи, мы сюжетыр нэхьыбэрэ кызырыклуэр нэгъуэщлым (Еб-Во 279 III, 4–6) епхауэщ: цыхухуэ щыгынклэ зехуапэри, хыджэбзыр, къару егъэлея зыхэлгыр, къожэ, и адэм (и дэльхум) иль ищлэжыну; ар гъусэ хуейщи, зылыхуэр езым кыпэлъэщынщ; апхуэдэр къегъуэтри, абы и фыщлэклэ, лыыр ещлэж, езым нэхэрэ нэхь лъэщыжу кыщыщлэжккэ, ар щхъэгъусэ хуохуэри, зэуэлл-зеклуэл хьэл-щэнхэр зыхен, кызырыгуэкл унэгъуащэуи унагъуэм кьонэж. «Нарт Пагуэрэ Хьэнэжэрэ я хыбарри» аращ, ауэ зэрызэщхьэщыккэращи, зиль зыщлэж цыхубзым и пэклэ мыбдежым кыхэщыр Хьэнэжыщ, апхуэдэу щыхьукли, лыы кыдэзыщлэжа Пагуэ щхъэгъусэ хуэхур абы и шыпхурщ.

Пагуэ и къуэ Тэтэрщауэ ехьэлла циклыр мыпхуэдэ шапхъэхэмклэ къулейщ, икли, псоми я гугуэ дымышлми, кыжытлахэм къагъэлыгъуэ зи гугуэ тщлы псысэ лэужьыгъуэм ижэ мыбыи кызырыщлэхуар. Щауей хуэдэу, мыбы и образми курыт лэщлэгъуэм шыла зеклуэл, шууей хыжкэм и шыфэллыфэ зыкъом хыдолыгъуэ. Апхуэдэхэщ зиль зыщлэжыну къежыа шу мыщлэхур клэлгызрихьэ хэщлэгъэри, здишэми, зыщыщми щлэмыупщлэу иныжкхэм езэуэну хэщлэм зеклуэ зэрыдежэри, гъуэгуэ здытетым адыгэ хабзэм ипкъ итккэ пщлэ зэрыхуищлри, лэмалыншэ щыхьум деж, абы и кыщхьэщыжаклуэу кызырыуври. Мыпхуэдэ щытыккэхэр Тэтэрщауэ куэду бгъэдэлъщ, икли псоми къагъэлыгъуэращи, лъэпкъым и гупсысэмклэ адыгагъэм, цыхугъэм кызыщлригъуэбыдэу хуар мы образым клэрилъхьащ.

Къапштэмэ, сюжеткли образым и шыфэллыфэкли мыр дьдэращ «Пагуэ и къуэ Татар Щауэ и хыбарри» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-м. П. 5], «Нарт Сэкрэт нарт Пщыапщокъуэ кызыришам» теухуари [Адыгэ лугъуэуатэхэр 1963: 249–252], н.

Эпическэ лыхужьхэм теухуауэ иужьклэ кэунэхуа псысэм хуэдэу «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылтым и епланэ томым хыхьэхэр куэдккэ нэхьыбэ мэхуэ, сюжеткли, образкли зэмыллэужьыгъуэ куэдуи зэщхьэщоккыж. А псоми зы статья клэщккэ, дауиккэ, дьтепсэлгыхыфырккым, ауэ къэтхьа шапхъэхэм къагъэлыгъуэу

кыгшоху, мы Гуэрыуатэхэки лэужыгыгуэхэм кызыпача гуэгуанэр, ягуэ-та зыужыныгыэр. Кыжытла псом псалгуа зыбжанэ щыдгужынши, мыбыхэм ябгэдэлъ щхьэхуэныгыэхэм ящыщ зыщ, кэгуэтэкэкэ мыхэр тхыдэр зи льябжэ эпосыщлэм кыхьэ хыбарыжхэм пэгунэгуэ зэрыхуар. Ауэ абы кыкыркымы мыпхуэдэ псысэхэр псори «щлэщыгуэ» защлэу зэхэлъу. Мыхэр кыулейщ нарт эпосым, пасэрей лыхужь псысэм куэд щлауэ зрагьэпэща, зэманьжымы зи кыуэпсхэр кыщцежэ мотивхэмкэ, сюжетхэмкэ, образ хьэл-щэнхэмкэ. Кыапштэмэ, ахэр ебкыгу мыбыхэм зэрабгэдэлъри зы щхьэусыгуэу мэув, мыхэр пасэрей лыхужь эпосым щыхэбгэхьэ хьунуми.

А псом кыдэкгуэу, «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылым и епланэ томым мы псысэхэм щыгуу итынущ эпосым щхьэхуэу кыхэбелджылыкэ нартхэр зэрыкыуэдыжамрэ абыхэм я пэ «щыху цыкыгу» кызыриуамрэ кэзыгуэтэж сюжетхэри, нарт щынальэхэм ехьэла хыбар зыбжани, Алыдж, Тотрэш, Гуэрыгуэн, Джылахьстэн, Уэрсэрыж, Адиыху, Мэлычыху, Лашын, Кэуийцыкыгу сымэ теухахэри, н. Дэтхэнэ зы сюжетми, дэтхэнэ зы образми щхьэхуэныгыэ, щлэщыгуэ гуэрхэр ябгэдэлъ пэтми, псори кызыщлэзыкыуэ щытыкэ мыбыхэм ядыдолгагуэ: зэрызэхэлъ мотив, пкыгуэу куэдым, персонажхэм ябгэдэлъ хьэл-щэн, шыфэллыфэ зыкымом я кыуэпсхэр жыжэ дьдэ кыщцежэу щыт пэтми, мы лыхужьхэм ехьэла Гуэрыуатэр, езыхэм я образхэр нэгьэсауэ щызэтеуэр эпосым и ужыхыжыгуэ лээхьэнэм ирихьэллэу жыпэ хьунуш. Араш мыхэр зы тхылыкэ кызыщлэкыуа щлэхури.

Тегьэщлэпэ хьуа литературэр

1. Адыгэ Гуэрыуатэхэр. Томитгу. 1 т. / Зэхэз. КьардэнгушI З.П. Налшык: Кэбэрдей-Балькьэр тхыль тедзапэ, 1963. Н. 270. (Адыгский фольклор. В 3-х т. Т. 1 / сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 270 с.)
2. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
3. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
4. Астахова А.М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 120 с.
5. Быхурэ М.Ф., Гуэту I.M. Бэдынокыуэрэ Шауейрэ ехьэла хыбархэмрэ пшынальэхэмрэ (Бухуров М.Ф., Гутов А.М. Сказания и пшинатли о Бадиноко и Шауеэ) // Нарты. Адыгский эпос. В 3-х т. Т. 3: Бадиноко. Шауей / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. С. 7–16. URL: http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020_%D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 16.11.2020).
6. Гуэту I.M. Адыгэ Гуэрыуатэ // Адыгэ литературэм и тхыдэ. Томишу. 1 т. / ред. нэхьыщ. Пымыжэ Хь.Т. Налшык, 2010. Н. 37–81. (Гутов А.М. Адыгский фольклор // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. В 3-х т. Т. 1 / гл. ред. Х.Т. Тимижев. Нальчик, 2010. С. 37–81).
7. Гутов А.М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.
8. Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 207 с.
9. Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: «Издательство восточной литературы», 1960. 336 с.
10. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: «Издательство восточной литературы», 1963. 462 с.
11. Нарты. Адыгский эпос. В 3-х т. Т. 1: Ранние циклы эпоса. Сосруко / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 424 с.

12. Нарты. Адыгский эпос. В 3-х т. Т. 2: Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 468 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (дата обращения: 16.11.2020).

13. Нарты. Адыгский эпос. В 3-х т. Т. 3: Бадиноко. Шауей / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 582 с. URL: http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020_%D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения 16.11.2020).

14. Неклюдов С.Ю. Богатырская сказка. Тематический диапазон и сюжетная структура // Проблемы фольклора. М.: «Наука», 1975. С. 82–88.

15. *Пропт В.Я.* Русский героический эпос. М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1958. 603 с.

16. Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева) // Адыгэ таурыхьхэр. Томитгу. 2 том: Телыджей таурыхьхэр / зэхэз., пэублэ пс., коммент., сюжетггьэлъ. зытхар Тхьэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхьлхэр тедзэным шыхуагъхьэзыр къудамэ, 2018. Н. 553–588. (Адыгские сказки. В 2-х томах. Т. 2: Волшебные сказки / сост., вступ. ст., коммент., указ. сюжетов Ж.Г. Тхамокова (Браева). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 553–588).

17. *Хум Ш.Х.* Несказочная проза // Адыгский фольклор. Кн. II. Майкоп, 1980. С. 83–124.

18. *Eberhard W., Boratav P.N.* Typen Turkischer Volksmarchen. Wiesbaden: Frantz Steiner Verlag GMBH. 1953. 506 s.

19. *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.

АДЫГСКИЕ ПОЗДНИЕ СКАЗКИ ОБ ЭПИЧЕСКИХ БОГАТЫРЯХ

Бухуров Мухамед Фуадович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), mbf72@mail.ru

Статья посвящена одному из наиболее актуальных вопросов изучения адыгского фольклора – проблеме генезиса и эволюции так называемых позднейших произведений об эпических богатырях героического эпоса. Как известно, в настоящее время в филологической науке существует суждение о том, что богатырская сказка представляет собой одну из разновидностей раннего эпоса. Однако мы придерживаемся мнения С.Ю. Неклюдова, согласно которому следует разграничить архаическую богатырскую сказку, предшествующую классическому героическому эпосу, и «позднейшую сказку об эпических богатырях», которую можно рассматривать как одну из завершающих ступеней эволюции эпоса. В связи с этим в работе основное внимание уделяется прозаическим сказаниям нартского эпоса, возникшим в результате разрушения первоначальной песенно-стихотворной формы пшинатлей. К ним относятся сказания о бое Сосруко с нартом Тотрешем, о добывании огня, о первом выезде Бадыноко, о кровной мести Батраза и Ашамеза, а также практически весь цикл о нарте Шауее, в котором больше всего преобладает сказочная поэтика. К анализу привлекаются и тексты, отобранные для включения в очередной, четвёртый, том серийного издания «Нарты. Адыгский эпос», посвященный персонажам сказаний завершающего этапа продуктивной стадии нартского эпоса, где отчетливо наблюдаются признаки рассматриваемого явления.

Ключевые слова: адыгский нартский эпос, богатырская сказка, фольклор, историко-героический эпос, эпический богатырь, сказание, пшинатль.

ADYGHE LATE FAIRY TALES ABOUT EPIC BOGATYRS

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Sector of the Adyghe Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), mbf72@mail.ru

The article is devoted to one of the most pressing issues in the study of the Adyghe folklore – the problem of the genesis and evolution of the so-called later works about the epic heroes of the heroic epic. As you know, currently in philological science there is a judgment that the heroic tale is one of the varieties of the early epic. However, we adhere to the opinion of S. Yu. Neklyudov, according to which it is necessary to distinguish between the archaic heroic tale preceding the classical heroic epic, and the «later tale of epic heroes», which can be considered as one of the final stages of the epic evolution. In this regard, the work focuses on the prosaic legends of the Nart epic, which arose as a result of the destruction of the original song-poetic form of the pshinatls. These include legends about the fight between Sosruko and Nart Totresh, about making fire, about the first departure of Badynoko, about the blood feud of Batraz and Ashamez, as well as practically the entire cycle about Nart Shauei, in which fairy-tale poetics prevails most of all. The analysis also involves the texts selected for inclusion in the next, fourth, volume of the serial edition «Narts. Adyg epic», dedicated to the characters of the legends of the final stage of the productive stage of the Nart epic, where the signs of the phenomenon under consideration are clearly observed.

Keywords: Adyghe Nart epic, heroic tale, folklore, historical and heroic epic, epic bogatyr, legend, pshinatl.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-116-124

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Гергокова Лейла Созакбайовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), leylagergokova79@mail.ru

Данная работа посвящена обзору встречающихся в текстах карачаево-балкарского устного народного творчества образов демонологических персонажей, представляющих собой обитателей нашего реального или параллельного мира. Исследуемые сюжетные мотивы и образы в фольклоре данного этноса синтезируют в себе древние мифологические взгляды и отражают мировоззрение народа в целом. В устных произведениях упомянуты многие мифические образы: одни из них описаны более детально, другие – не так подробно. В представленной статье внимание акцентируется на таких антропоморфных существах, как юй иеси «домовой», жинле «джинны», шайтанла «черти», которые встречаются почти во всех жанрах устной словесности обозначенного этноса. Анализ образов этих демонологических существ на основе фольклорного материала позволил выявить значение мифологем в народном творчестве карачаевцев и балкарцев. Исследование позволило наиболее полно осветить архетипы, являющиеся началом народной мифологии.

В статье описываются ситуации, доказывающие, что мифические персонажи в произведениях фольклора несут различные функциональные нагрузки, иногда бинарные по отношению к человеку. Отмечается, что некоторые персонажи низшей мифологии символизируют идеи добра и созидания, в то время, как другие полностью противоположны им.

Ключевые слова: мифология, фольклор, былички, мифические персонажи, демонологические существа.

Домусульманские верования карачаевцев и балкарцев отражаются в повествованиях о покровителях животных, дома, очага, а также в объектах природы и представляют «определенную систему: боги, злые духи, мифологические образы. Люди верили в Тейри (верховное божество – Тейри «Божество Неба»), существовали также культы богини Умай, покровителя охоты и животного мира Апсаты, божества земледелия Эрирей и т.д. Согласно их представлениям боги и духи жили на небе, на земле и под землей, делились на злых и добрых» [Гергокова 2018: 126].

Необыкновенно богатым предстает мир мифических существ, обитателей параллельного мира, сохраненный в произведениях устного народного творчества и представленный персонажами *обур* «ведьма, колдунья», *алмосту* «длинноволосое демоническое существо в образе женщины», *агъач киши* «леший, лесной человек», *юй иеси* «домовой», *къая къызы* «эхо», *Басдырыкъ* или *Къара-Къура* «злой дух», *шайтан* «черт», *жин* «джинн» и т.д. Эти демонологические персонажи упоминаются в различных жанрах фольклора: «в пословицах и заговорах, в песнях и былинах, в сказках и преданиях, в легендах и анекдотах» [Померанцева 1975: 4], но чаще встречаются в быличках. «В них сильнее, чем в каком-либо другом жанре, проявилось влияние мифологического мышления, именно в них получила наиболее

полное отражение система языческих взглядов наших предков (хоть и в несколько трансформированном виде)» [Гулиева 2015: 48].

Бытует поверье, что каждое жилище имело своего духа-покровителя, который являлся хранителем семейного очага. Многие из нас в детстве слышали от старших о змеях – духах дома. По поверьям, их местом обитания были подполья и под крыльцом. Считалось, встретив белую змею у дома, нельзя было трогать, тем более бить или убивать ее. Она могла проклясть человека, который вмешался в ее существование. Как известно, народ верил, что проклятия мифических существ всегда сбывались. Интересно обратить внимание и на то, что к змеям у людей «двойное отношение: с одной стороны, они добрые духи, покровители дома и домашнего очага, с другой – существа, несущие зло» [Муртузалиев 2012: 129]. Изучение этих «поверий и сложившихся на их основе рассказов имеет исключительно важное значение для раскрытия эволюции древних воззрений, оно может дать ключ к пониманию, как идеологии далекой древности, так и развивающихся позже идей, которые нашли отражение в фольклоре» [Традиционный фольклор 1991: 267].

Наряду с домашним духом-покровителем в змеином облике, по верованиям карачаевцев и балкарцев, существовал и дух-домовой, которого называли *юй иеси* «хозяин дома, домовый». Считалось, что домовый мифологический хозяин, благодетель, заступник и покровитель дома: он следил за его благополучием, обеспечивал плодородие земель. Обычно этот персонаж был невидим, но в народе полагали, что домовый имел антропоморфный вид: обросшего, лохматого старика. Рассказывали, что он может быть связан с родом жильцов или с одним из членов семьи. Люди верили, что это дух одного из их предков и поэтому он оберегал и охранял семью. За заботу о домочадцах, чтобы задобрить домового, хозяева дома должны были взамен делиться с ним едой. Проголодавшись, он начинал издавать шум – это мог быть тихий стук, наподобие тиканья, или же сильный грохот. Домочадцы должны были в тот же час положить ему еду в то место, откуда исходил звук. Надо было накормить голодного духа, чтобы он не покинул жилище или же не навредил жильцам (побил посуду и т.п.). Дом, который оставлял домовый, постигало несчастье.

В.И. Даль считал, что во всех бесчинствах мифических существ виноваты люди: они их сами провоцировали: «Нормы религии, нравственности, общежития человек, к сожалению, склонен нарушать, когда, например, “не хочет признать его [домовика, или домового]”, “не кладет ему за столом ложки и ломтя”» [Полное собрание сочинений Владимира Даля, 1898: 54]. В этой ситуации проявлялась обратная сущность демонического существа, вызывая страх, тревогу, удивление, вводя человека в состояние растерянности и оцепенения. Например, в быличке «*Юй иеси*» – «Домовой», записанной в селении Бабугент от Жикеевой Кузайдан и сохранившейся в архиве ИГИ КБНЦ РАН повествуется о домовом:

«Аны къаргъышындан Аллах сакъласын», – дейдиле. “Улбашланы сызгъыры-учусу” деп, аллайгъа айтхандыла. Аланы юйлеринде бир адам айланганды, киши кёрмей. Ол юйде къуллукъ этип тургъанды, боза биширгенди. Анга адамла азыкъ чыгъарып тургъандыла. Азыкъ къоймасала, хар затны къатышдырып къоя эди, ачыуланьп».

«Говорят: “Пусть от его проклятия уберезет Аллах”. “Ульбашевский свистун” про такого сказали. В их доме кто-то ходил, не видимый никому. Он в этом доме служил, варил бузу. Ему люди выделяли пищу. Если не оставляли еды, он, рассердившись, все переворачивал вверх дном» [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 15].

В приведенном выше фольклорном тексте *юй иеси* «домовой», «домашний дух», или мифический предок-родоначальник, является покровителем домашнего хозяйства. Специального места обитания домового у карачаевцев и балкарцев не было. Дух появлялся внезапно и так же внезапно исчезал. В быличках он изображен

как идеальный хозяин, блюститель порядка в доме, который гневается, когда кто-то нарушает правила.

В рассказе акцентируется внимание на том, что люди боялись разозлить духа дома, страшились его проклятий, но вместе с тем не хотели расстаться с ним: и та, и другая ситуация заканчивалась несчастьем семьи. «Особенностью демонологических рассказов о домовом становится нравственный фактор: домовый, как мифологический персонаж, принимает участие в отношениях “человек – семья”, “человек – окружающие люди”, “домовой – человек”. Он может проявлять себя как спутник в жизни, в быту, как предсказатель. В современном представлении обязанности домового не отличаются от традиционных: охрана дома, предупреждение человека о беде, наказание или милость, предсказание событий будущего и пр.» [Грахова 2014: 68].

Приведенное суждение может быть полностью отнесено и к персонажу из карачаево-балкарской мифологии. Так же примечательно и следующее замечание:

«Контакт человека с домовым может происходить как в дневное, так и ночное время. Таким образом, возможна классификация исследуемых текстов на повествования, отражающие дневное проявление домашнего духа (как правило, это звуковое обозначение присутствия существа параллельного мира), и, соответственно, повествования о контактах во время ночного бдения или во сне» [Грахова 2014: 67]. Злым духом, который приходил к человеку ночью и садился на него, когда он погружался в глубокий сон, был *Басдырыкъ* или *Къара-къура*. В фольклоре карачаевцев и балкарцев об этом существе нередко упоминается:

«Басдырыкъ деген адамлагъа арталда кёрюнмейди, адамны басдырыкъландырып къояды, къурушдуруп. Къаллай сыфатха киреме десе да, къолундан келеди ол – жилиян, макъа, баиша харам жаныуар сыфатха. Сабийлени да бек къыйна-учуду. Сабий, тохтамай, басдырыкъланып турса, бешик башына бир ётмек салыргъа керекди. Аны ашан, ол Басдырыкъ сабийге андан сора келмейди. Къара-къура деп да бир зат барды, шайтан къауумданды ол да. Адам бир аман тюш кёрсе, андан элгенсе. Къара-къура этгенди дей эдиле» [Къарачай-малкъар мифле 2007: 168].

«Басдырык никогда не показывается людям, он приводил человека в состояние оцепенения. Он мог принять любой облик, какой захочет, мог превратиться в змею, лягушку и любое другое недозволенное животное. Он сильно мучил детей. Когда ребенка все время мучил Басдырык, нужно было положить кусок хлеба к изголовью колыбели. После того как Басдырык ел этот хлеб, он больше не приходил к ребенку. Есть еще дух Кара-Кура, он из рода чертей. Если человек увидит плохой сон и испугается, говорят, что это сделал Кара-Кура».

Мифическими существами, наделенными сверхъестественной способностью вселяться в людей, являются *жинле* «джинны» и *шайтанла* «черти». «Задолго до появления человека разумного на свет Божий, на планете Земля, которую мы также вполне закономерно считаем родной, поселились, обосновались и достигли процветания некие высокоразвитые существа, которых впоследствии люди называли “джиннами”, или “теньями”. Потом джинны возгордились и перестали подчиняться воле Творца...» [Ёзден адет 2005: 21].

Джинны были созданы из пламени, они делятся на *белых* – добрых и *черных* – злых. Считается, что джинны и черти способны обмануть человека. Белые джинны часто помогают больным, изнеможенным людям, но стоит им навредить, как они тут же навлекут несчастье. В народе ходит поверье, что человек, имеющий связь с добрыми джиннами (джинны, как добрые, так и злые, могли сотрудничать с человеком), может познать тайны лечения болезней и порчи. Джинны, умные и хитрые создания, способные принимать любой облик. Они могут переноситься на огромные расстояния, пользуясь простодушием людей, эксплуатировать их. Их цивилизация более древняя, обладающая большими возможностями, они старались

«внушить еще неопытным, незрелым умом людям, что их богами являются они, джинны, что следует выполнять их повеления, приносить им жертвы и т.д.» [Ёзден адет 2005: 22]. Белые джинны всегда заступаются за простодушных, доверчивых созданий – людей.

Например, в рассказе «Джин уруи» – «Война джиннов» [Къарачай-малкъар мифле 2007: 177] говорится о борьбе белых и черных джиннов между собой. Первые воевали на стороне людей, защищали от злых джиннов, пытающихся все время навредить им. С тех пор джинны между собой не ладят.

Считается также, что джинны очень обидчивые: они перестают общаться с теми, кто нарушил клятву или соврал. В рассказе «Жинлени тиллери» – «Язык джиннов» [Къарачай-малкъар мифле 2007: 177] описывается такая ситуация: человек забыл поприветствовать их, и они перестали ему отвечать.

В карачаево-балкарском нартском эпосе изредка встречаются эпизоды контактов нартов с джиннами (чертями). Интенсивные, звучные напевы *кобуза* в устном народном творчестве являются предвестием появления нечистой силы. Эти духи очень любили играть на гармошке и устраивали танцы. На один из таких праздников они пригласили нарта Ёрюзмека. В сказании «Сатанай Ёрюзмекни къалай алдагъанды» – «Как Сатанай обманула Ёрюзмека» нарт Ёрюзек услышал звуки гармошки, подходя, увидел праздник шайтанов:

«Ёрюзек шайтанланы тойларында ойнайды, дейди,
Къобузчулары сайлайды, дейди» [Нарты 1994: 113].

«Ёрюзек участвует на празднике джиннов (чертей), говорят,
Выбирает гармонистку, говорят».

У джиннов, по поверьям, были очень красивые девушки, которые смогли обмануть даже такого нарта, как Ёрюзек.

Наряду с джиннами среди людей живут *шайтанла* «черти». Бытуют рассказы о том, что люди уничтожали шайтанов, и они ушли жить под землю, когда их и там нашли, они приняли человеческий облик и растворились среди людей.

Во все времена люди верили в то, что черти могут принести зло, когда наступишь на их жилище (а у них жилища могут быть везде). Нельзя было выливать горячую воду на землю: можно обжечь детеныша черта или джинна и тем самым заработать проклятие от них. Ночью ходить под орешник без головного убора и наступать на грязные места, куда пролилась кровь, тоже было запрещено. «Так, например, балкарцы и карачаевцы верят, что джинны (демоны) устраивают себе гнезда в старых деревьях, особенно орешниках. Срубивший такое дерево, испугавшись, может ослепнуть, сойти с ума или даже умереть, а вылечить его может только человек, изгоняющий духов (знахарь, эфенди, мулла)» [Гулиева 2015: 51]. Не разрешали рубить орешник мужчинам из семьи, просили об этом чужих людей.

Черти в фольклоре встречаются и как доброжелатели. Например, в рассказе «Маммаш тюк» – «Волос Маммаш» [Къарачай-малкъар фольклор, 1996: 207], повествуется о том, как Маммашевы стали очень имущим и быстро богатеющим родом. В народе бытуют истории о том, как дедушку Маммашевых *шайтан* «черт» благословил: «Бёрюден баламы къалдыргъанынг ючюн, сен да, сени туудукъларынг да, киши къолуна къарамай, байлыкъда жашагъыз» – «За то, что ты спас моего ребенка от волка, и ты, и твои потомки, невзирая на чужие руки, живите в богатстве». После этого они разбогатели, но богатство Маммашевых почему-то не пошло им на пользу: как пришло, так и ушло.

«Черти обладают способностью исчезнуть мгновенно, потому человек не может их одолеть. Лишь волк, молния и огонь в состоянии одолеть их» [Таказов 2013: 780].

Люди на свадьбах и при рождении ребенка стреляют из ружья. Считается, что при употреблении ружей число джиннов и чертей намного сокращается. Увидеть чертей способны только волки. Они выжидают, когда родится чертенок, выхватывают его и съедают. В тексте «*Бёрю бла адам*» – «Человек и волк» [Къарачай-малкъар фольклор, 1996: 55] описывается, как люди во все времена оберегали себя от чертей:

«*Бёрю тону неда бёрю териси болгъан юйге шайтанла кирмейдиле. Алгъын шайтан тиймезча, бешиклеге бёрю тери хурттакла, бёрю тиш неда бёрюню баш сюегин такъгъандыла*» [Къарачай-малкъар фольклор 1996: 55].

«В дом, где имеется волчья шуба или волчья шкура, черти не смеют входить. Раньше, чтобы черти не трогали ребенка, в колыбели вешали кусочки волчьей шкуры, волчий зуб или голову (череп) волка».

Бытуют поверья и о том, что человек, случайно оказавшись в месте, где собирались черти, обязательно пострадает: в него мог вселиться черт и свести с ума, поэтому в языческие времена придерживались обрядов-оберегов, которые необходимо было исполнить при такой встрече. В рассказе «*Шайтан бла Донду*» – «Шайтан и Донду» описывается одна из таких встреч:

«*Эртте заманланы биринде Донду деген бир киши кюз артында кече Чегемге келе болгъанды. Анга къабырланы ичи бла барыргъа тюшгенди. Къоркъаракъ да болуп келе тургъанлай, огъары жанындан, кешенелени къатындан шайтанланы тауушларын эшитгенди. Сора Донду: “Къартла шайтанланы къачырыр ючюн, адам кёнчегин тешип, башына кьерге керекди деп айтадыла да, бир кёрейим алай этип”, – деп, кёнчегин тешип, башына кийгенди. Ол алай этгенлей, барысы да тас болдула*» [Къарачай-малкъар фольклор 1996: 219].

«В давние времена один мужчина по имени Донду поздней осенью, ночью, шел в Чегем. Ему пришлось идти через кладбище. Когда он в страхе шел с верхней стороны, рядом с могилами он услышал звуки чертей. Тогда Донду, сказав: “Старики говорят, чтобы разогнать чертей, человек должен, сняв штаны, надеть их на голову, попробую-ка сделать так”, – сняв штаны, надел на свою голову. Как только он так сделал, все <черти> исчезли».

Таким образом, на основе анализа текстов устной словесности и научной литературы можно утверждать, что исследуемые зооморфные и антропоморфные образы в карачаево-балкарских фольклорных произведениях имеют глубокие корни. Эти домусульманские мифические персонажи встречаются в словесной традиции почти у всех народов. Несмотря на влияние ислама, устные повествования об этих духах у карачаевцев и балкарцев существуют и в настоящее время. В подобных рассказах наблюдается смешение языческих и мусульманских представлений.

Источники и литература

1. *Архивный фонд КБИГИ*. Балкарский фольклорный фонд. 1 папка, 15 паспорт.
2. *Гергокова Л.С.* Демонологические персонажи в мифологических представлениях карачаевцев и балкарцев (образ алмосту) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 6 (86). С. 125–129.
3. *Грахова С.И.* Устные рассказы о домашнем духе: психология контакта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–2 (31). С. 67–69.
4. *Гулиева (Занукова) Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
5. *Полное собрание сочинений Владимира Даля*. Т. 10. СПб., М.: Издание тов-ва М.О. Вольф, 1898. 148 с.
6. *Ёзден Адет*: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисл. и коммент. М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. 576 с.
7. Къарачай-малкъар мифле / жарашдыргъаны, ал сёзю Джуртубайланы М.Ч. Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 2007. 497 б. (Карачаево-балкарские мифы / сост., предисл. и коммент. М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. 497 с.).

8. Къарачай-малкъар фольклор: Хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: «Эль-Фа» басма ара, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: Хрестоматия / сост. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.).
9. *Муртузалиев Ю.М.* Домусульманские мифологические сюжеты и образы в фольклоре табасаранцев // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2012. № 2. С. 129–131.
10. *Нарты.* Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1994. 656 с.
11. *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 102 с.
12. *Таказов Ф.М.* Демонологические персонажи осетинского фольклора // Фундаментальные исследования. 2013. № 6–3. С. 778–782.
13. Традиционный фольклор народов Дагестана / ред. Г.Г. Гамзатов. М.: Наука, 1991. 496 с.

MYTHOLOGICAL SUBJECTS AND IMAGES IN KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Gergokova Leyla Sozakbayovna, candidate of philology, senior scientific worker of the sector of karachay-balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), leylagergokova79@mail.ru

This work is devoted to an overview of demonological characters, found in the texts of the karachay-balkarian oral folk art, who are residents of a parallel world. The investigated plot motifs and images in the folklore of this ethnos synthesize ancient mythological views and reflect the worldview of the people as a whole. Many mythical images are mentioned in oral works: some of them are described in more detail, others in less amply. In the presented article attention is focused on such anthropomorphic creatures, as *uy iyesi* «brownie», *jinle* «jinns», *shaytanla* «devils», which abound in almost all genres of oral literature of the designated ethnos. Analysis of images of these demonological creatures on the basis of folklore material made it possible to reveal the meaning of mythologemes in the folk art of the Karachais and Balkars. The study made it possible to fully illuminate the archetypes, that are the beginning of folk mythology.

The article describes situations, that prove that mythical characters in works of folklore carry multi-functional loads, sometimes binary in relation to a person. It is noted, that some characters of lower mythology symbolize the ideas of goodness and creation, while others are completely opposite to them.

Keywords: mythology, folklore, bylichki, mythical characters, demonological creatures.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-125-130

КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ М. ХАКУШЕВОЙ «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ»

Бетуганова Елена Нартшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), betuganovaelena@yandex.ru

Глобализация оказала трансформирующее воздействие на духовные сферы общества, которые формируют личность, она значительно расшатала его традиционные системы ценностей. Ведущей чертой современной литературы стало пробуждение национального чувства, как защитная реакция на глобализацию, нивелирование национального компонента. Обновленческие процессы в стране выявили возрастающую роль и значение «национального вопроса» во всем комплексе составляющих его параметров (национальное самосознание, национальное своеобразие, проблемы языка, истории). В литературе стали актуальны вопросы: что такое национальная идентичность и национальный характер, как их защитить от нивелирующих все и вся глобальных процессов, где их корни и источники. Процесс переоценки ценностей, коснувшийся самых различных сторон жизнедеятельности современного человека в постсоветский период, привел писателей к поиску новых аксиологических ориентиров, алгоритмов сохранения этнической культуры. В центре внимания – вечно актуальная проблема социального взаимодействия личности и общества. В статье рассматривается, как процессы глобализации изменили морально-этический и психологический облик человека.

Ключевые слова: цивилизация, национально-культурная идентичность, роман, духовный надлом, самобытность, уникальность, унификация, свобода.

Одним из главных вызовов человеческому сообществу в конце XX – начале XXI вв. стало противостояние универсальных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национально-культурной идентичности – с другой. Противоречивость процесса глобализации состоит в том, что, с одной стороны, налицо объективная потребность различных стран во взаимодействии для решения экономических, политических и других проблем, поэтому процесс глобализации предстает как общецивилизационный вызов. С другой стороны, создавая новую социокультурную среду, раздвигая рамки пространственно-временных и информационных ограничений, процессы глобализации создают предпосылки для стандартизации образа жизни, создания стереотипных моделей социального поведения. Во вновь сложившейся ситуации у нового человека появлялось много новых возможностей для полного раскрытия своей индивидуальности, но возникала также опасность, что человек мог нивелироваться, незаметно даже для себя самого подчиниться тем коммуникативным стандартам, которые навязывает универсализация, так как глобализационные процессы задавали ему правила мышления и поведения. «Культурный империализм» неизбежно вызывал ответную реакцию: повышенную потребность в самоутверждении, сохранении основных элементов своей национальной картины мира и образа жизни. Человек все больше задавался вопросом: «Кто я», «В чем моя национальная идентичность».

Стремительные изменения, вызванные нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, нашли свое отражение в романе Дины Арма в романе «Дорога домой». Главная героиня с помощью семейного архива открывает для себя трагическую историю своего народа и ищет пути к обретению собственной национальной идентичности в разноликой противоречивой действительности. Глобальные изменения в мире Дина Арма выражает с помощью хронотопа «большой дороги». Мотив ухода из дома осмысливается как выход в сферу новых ценностей, повлекший за собой необратимые изменения характера. В свою очередь, возвращение домой могло означать только одно – осознание своей отличительности и целостности в условиях глобализации. Жизненный путь главной героини дан в оболочке «метаморфозы», который «сохранил еще достаточно энергии для охвата целого жизненной судьбы человека в ее основных переломных моментах» [Бахтин 1986: 152]. В соответствии с этим роман дает два или три различных образа главной героини Дины, разъединенных и соединенных кризисами и перерождениями его. Однако названный роман по своей структуре более приближается к типу биографий, представленным Плуархом. «Биографическое время у Плутарха – специфично. Это – время раскрытия характера, но отнюдь не время становления и роста человека. Сам характер не растет и не меняется, – он лишь восполняется: не полный, не раскрывшийся, фрагментарный вначале – он становится полным и округленным в конце. Следовательно, путь раскрытия характера ведет не к изменению и становлению его в связи с исторической действительностью, а только к завершению его. То есть только к восполнению той формы, которая была предначертана с самого начала» [Бахтин 1986: 177]. Героиня не погибает физически и нравственно, а, наоборот, переживает в романе как бы «второе рождение». Автора привлекает в качестве главного героя образ человека, находящегося в процессе постоянных исканий, притом человека со сложной и незавершенной духовной биографией, последняя ступень которой лишь намечена автором, но так и остается до конца не раскрытой. Это не история перерождения, не история духовного отрезвления героя от заблуждений, а история вторичного, и на этот раз окончательного, обретения им родины, духовного возвращения к неизвестному ему ранее народу.

В силу своих жанровых особенностей в романе «движение осуществляется от некоего центра, с исходной позиции вовне» [Скобелев 1982: 15]. Таким центром в романе стал монолог ординатора из Оренбурга, который предваряет сюжет романа. Будучи родом из Сибири, Саша глубоко переживал, что его предки – малые народы Сибири – почти исчезли. Человеческим законам он противопоставляет удивительный мир животных: «Вот лосось – удивительная рыба. Он живет в океане, но на нерест обязательно возвращается домой, туда, где он родился. В океане, в миллиардах кубометров воды, эти рыбы безошибочно находят нужное направление и начинают свой первый и последний путь домой... Любовь к Родине меняет их, из обычных светло-серых рыб они превращаются в красно-зеленых красавцев. Преображенные лососи безошибочно находят дорогу и всегда возвращаются домой...» [Арма 2009: 7].

Символы дома и рыбы отражают авторское, индивидуально-личностное восприятие глобализационного процесса, наполняются субъективными значениями и смыслами, вызывают ассоциации. Образ лосося, который так отчаянно стремится вернуться на Родину, позволяет автору тонко передать состояние человека в эпоху глобализации, его желание защитить себя и свою уникальность.

Надо сказать, «правдивое воссоздание типических обстоятельств и характеров представляет большую сложность для писателей, пишущих о современности. Но все же в романе заложено желание узнать, зафиксировать мир, который стремительно изменился, отметить смещение качеств и приоритетов» [Ревякин 1959: 17]. Тем более самые существенные трансформации произошли в Новейшее

время, когда были заложены основы превращения локальных историй отдельных народов в единый всемирно-исторический процесс. Глобализационный процесс не только формировал новый образ общества, но и существенно преобразовывал личность: оказывал трансформирующее воздействие на духовные сферы общества, расшатывал ее традиционные системы ценностей. Менялись типы культурных систем, а вместе с ними менялись типы ценностных ориентаций. В результате у человека появилось новое мировоззрение, новое видение мира, новое понимание своего места в мире. В романе «Возвращение домой» Д. Арма отмечает, что изменения, порождаемые глобализацией, в первую очередь существенно преобразовали морально-этический облик современного человека. Так, Дина – главная героиня романа, которая работала врачом в больнице, обратила внимание на то, что при живых детях за пожилыми людьми совершенно некому было смотреть. На просьбу врачей проведать своих больных стариков дети отвечали в соответствии с веяниями Нового времени: «Послушайте, дама, очень сожалею, что не имею чести быть с вами знакомым. Может, вы, действительно, врач, как говорите. Но пока меня не покидает уверенность, что вы из благотворительной организации...» [Арма 2009: 9]. Такие понятия, как добро, сострадание, забота в новое время иронично высмеивались и не воспринимались обществом всерьез. Изображая лицо реальной действительности, М. Хакуашева «отбирает в нем по преимуществу существенное, характерное, ведущее в конкретно-историческом социальном проявлении. Сущность человеческого характера раскрывается не фотографически точным описанием, а посредством отбора и выдвижения наиболее главных, определяющих черт. Стремясь показать сущность изображаемого по возможности определеннее, выпуклее, писатель выдвигает и подчеркивает именно те стороны, которые с его точки зрения, выявляют эту сущность резче, нагляднее. При этом совокупность разнообразных, а иногда и противоречивых черт изображаемого человеческого характера подчиняется его ведущей особенности, которая, бросая свет на весь характер, придает образу ярко выраженное своеобразие» [Ревякин 1959: 63]. Д. Арма высвечивает различные стороны жизни общества, создает типичные образы отображаемой действительности, показывает характерные приметы мира; подчеркивает, что глобализационные процессы были чреваты упрощением духовной структуры человека, его дегуманизацией. Тот случай в больнице был не единственный: «Родственники, – усмехнулась медсестра, родственникам здоровые нужны, да и не всякие здоровые... Здесь каждый четвертый такой. Все в пролежнях, гниют заживо, да подойти некому» [Арма 2009: 12]. Человек нового времени не хочет отягощать себя такими несерьезными делами и перекладывает ответственность за своих родителей на плечи медсестер за определенную плату. Автор подчеркивает деструктивные процессы, характерные для современного цивилизационного развития; раскрывает мир человеческих отношений и чувств в контексте разрушения целостной картины мира. Нежелание заботиться о своих беспомощных стариках сигнализирует об изменениях внутренней сущности человека новой эпохи, его выход в сферу господства новых нравственных ценностей.

Олицетворением глобализации в романе стала Москва. Вот как характеризует столицу Дина: «Москва – это много миров, которые порой не соприкасаются, и в каких-то я чувствую себя дома больше, чем дома; В то же время Москва – это «чертово колесо», которое способно выкинуть в черную пустоту сквозь весело мигающие огни аттракциона» [Арма 2009: 17]. «Чертово колесо» символизирует нарастающие и весьма противоречивые процессы глобализации. Обращает на себя внимание фраза главной героини, что «в каких-то мирах она чувствовала себя больше, чем дома». Автор раскрывает противоречивость влияния глобализации на человека. С одной стороны, она позволяла личности более полно реализовывать себя, с другой – закрепощала и обедняла ее. Дина понимает, что политические,

социальные, культурные процессы, происходящие в современном мире, имели сходный характер. Ее радовало, что это создавало условия для улучшения понимания различными национальными культурами специфики друг друга, давало возможность человеку, выросшему в одной культурной среде, адаптироваться к иным условиям. Но в то же время интуитивно она чувствовала, что это самое «чертовое колесо» грозило опасностью. Черная пустота, в которую «колесо» может выкинуть, могла означать грядущее обострение кризиса национальной идентичности. «Как было рассказать о том, что живет во мне и чем я захлебываюсь, то, что есть во мне одинокого, отчаявшегося, ненайденного, неопределимого, – это мое «я» – говорит Дина [Арма 2009: 17]. Ее внутренний разлад с современным миром спровоцировал потребность в поиске своего места в жизни. Она проявлялась в настойчивых жизненных поисках. Ответы на свои вопросы она с упоением искала в произведениях своих любимых авторов. Переживала эпоху Льва Толстого, неповторимые русские времена года Тургенева, несравненный период Бунина, клубящийся в пурге Петербурга, типичные тоскливые улочки, увиденные глазами Достоевского, прозрачный слог Мандельштама». «Реальную» Англию для нее открыл Джон Голсуорси и Оскар Уайльд, Англию, полную зловещих тайн – Конан Дойль. Постигала она героическую и любовную Францию Гюго, Золя и Мопассана. Настоящими Колумбами, посвятившими ее в таинство Америки, стали Томас Вулф, Теодор Драйзер, Хемингуэй, Фитцджеральд, Фолкнер, Селинджер. В таинственный омут испанских ночей окунул Федерико Гарсия Лорка. Разбуженные чтением книг мысли рождали что-то похожее на новую концепцию. В конце своего увлекательного путешествия в мир книг, она пришла к выводу, что путь к собственной внутренней гармонии возможен, если отпустить на волю интуицию, которая безошибочно найдет путь к законам универсального порядка. Но увы... Так она и не обрела внутренней гармонии и душевного покоя. «Не нужно было живого воображения, чтобы почувствовать себя заключенной, – я так не изжила этого ощущения до конца пребывания. ... Тут я познакомилась с тоской, она стала навязчивым фоном, который в принципе давал жить, но не давал чувствовать себя счастливой. Странное чувство, – ему нет объяснения и даже названия: будто я лишилась чего-то очень важного, но не знала чего именно...», – говорит она с отчаянием [Арма 2009: 30].

Причину духовного надлома главной героини автор так и не поясняет, она изображает внутренний мир Дины, ее переживания и рефлексию через внешние проявления. И все же определенные эпизоды подсказывают читателю, что именно не давало ей покоя. В первую очередь – это странное и неожиданное увлечение Дины обустройством быта. Чтобы как-то приостановить свои поиски в мире художественных произведений, Дина решила взять на себя «львиную долю обязанностей мамы и тем самым погрузилась в домашний быт». «Каждое ее утро начиналось борьбой с беспорядком. Ей казалось, словно призрак быта мистифицировал ее. Читательский взор привлекает другой яркий эпизод из романа. На вечеринке Дина провозгласила: «Мы пойдем купаться в пруду!» [Арма 2009: 53]. Вот как она описывает свое погружение в воду: «Тело немело от студенной воды. Но мне это не мешало. Я ритмично плыла: вдох над водой, выдох в воду. Я уже не чувствовала боли. Я даже не чувствовала даже тела. Плыл один мой бесплотный дух. ... Я купалась до зари в новогоднюю ночь, 22 марта – по адыгскому календарю» [Арма 2009: 54].

Потаенный мир души Дины угадывается за внешними переменами. Читатель, для того чтобы осознать всю глубину содержания, сам должен проникнуть в суть происходящего, осмыслить причины тех или иных поступков героев, проделать определенную работу – тем самым дать им оценку. Данные эпизоды расшифровывают причину беспокойных метаний Дины. И погружение в быт, и погружение в воду проявляет логику инициации. Так, пребывание в быту – это мнимая смерть:

быту здесь соответствует преисподняя, – а выход из быта воскресение. Такую же смысловую нагрузку несет и другой эпизод из романа. Так же, как и погружение в быт, падение в низовые воды символизирует инволюционный путь души вниз. Погружение в воду означает возврат к преформальному состоянию, имеющий, с одной стороны, смысл смерти и уничтожения, а с другой – возрождения и восстановления, поскольку погружение укрепляет жизненную силу. Амбивалентность смерти как хождения в Хаос проявляется в том, что при «умирании» как бы рушится прежняя психологическая структура личности, расчищая место для новой – будущей. В символах духовного роста, духовной трансформации, погружение в быт, воду символизируют этап закономерной смерти, уничтожения всего прежнего, ненужного, отжившего, за которым следует воскресение – обновление и переход в новое состояние. Согласно логике мифа, смерть является обратной стороной жизни, благодаря чему разрушение одного дает начало другому.

Через символы автор показывает столкновение в душе героини разных непримиримых миров, культур, отражает противостояние ценностей национально-культурной идентичности, с одной стороны, и универсальных цивилизационных стандартов, – с другой. Исходя из сказанного, Дина обретет гармонию только в случае духовной трансформации, когда несовершенный мир цивилизации уступил бы место культуре, а вместе с тем – национальным вечным абсолютным ценностям. Примечательно, что день, когда она совершила свое удивительное плавание, Дина обозначила, как 22 марта – Новый год по адыгскому календарю, что еще раз говорит об ее глубокой тоске по своему народу, родине, по всему тому, что называется «национальная идентичность». В результате долгих исканий она приходит к следующим умозаключениям: «Выяснилось, что мы оба дозрели до понятия идеи «вечного возвращения», когда после опустошающего странствия во внешний мир возвращаешься к себе, и только тогда становится прозрачным «Царство божие внутри нас» – делает вывод героиня [Арма 2009: 55]. Дина понимает, что прежде, чем обрести гармонию, ей предстоит «опустошающее странствие в мир глобализации».

Автор тонко выделяет характерные особенности человека в эпоху глобализации, который в большей степени идентифицирует себя с социальной маской, не подозревая о своем внутреннем, глубинном измерении, не понимая, что это внешнее эмпирическое «я» вовсе не вся его личность, а лишь незначительная внешняя проекция. «Под социализацией я понимала все большее усвоение некой роли, которая задавалась невидимой, но могущественной силой. И поскольку она навязывалась извне, а не шла изнутри, то не определяла и не проясняла моей сущности. Она задавала лишь внешние, механические рамки, согласно, правилам этой «социо» – игры...», – рассуждает она [Арма 2009: 56]. Тем самым она отмечала, что глобальные преобразования деформировали духовно-нравственную сферу человеческого бытия, разрушали самобытность и уникальность, превращали его в безликого человека «одного дня», свободного от каких-либо «корней».

Чем сильнее глобализация отрывала культуру, ценности от ее собственной исторической почвы, тем сильнее Дина искала убежища в своем, предсказуемом мире норм и моделей поведения. Рост ее национального самосознания был защитной реакцией на стандартизацию социального бытия.

Свою «ностальгическую накипь она выплеснула Грише». Рассказала она, как не смогла сдержать свои слезы, когда в Лужниках, из «прокашлявшегося громкоговорителя вырвались звуки уорк-кафы, как в толчее вагона ее взгляд остановился на обычной, набившей оскомину картине: группа усталых женщин с тюками и баулами. Но самое интересное, что, несмотря на то, что они не проронили ни слова, она почувствовала, что они такие же кабардинки, как и она». Она твердо осознает, что хочет быть не только представителем некоего общего безликого мира, но и еще носителем конкретного этнокультурного, национального сообщества.

«Она начинает тосковать по своей исконной одежде, проникаясь презрением к примитивному разгулу чувств и страстей, и с новой силой ее начинает тянуть к неповторимому терпкому аромату адыгского духа, который не блещит, – только мерцает» [Арма 2009: 58]. Все вненациональное, наднациональное, интернациональное она расценивает как абстракцию, как абсурд, как дерево без корней. А национальное, она ощущает как себя. Она рассуждает об американцах, которые совсем по-другому стали оценивать процесс глобализации. «Если раньше говорили об Америке как об огромном плавильном котле, то сейчас говорят о миске салата, где каждый ингредиент имеет свой неповторимый вкус. Они страшно рады обнаружить каких-нибудь индейских или ирландских предков. ... Это тоска по корням» – пишет автор, подчеркивая, что у человека «одного дня» постепенно возникает потребность в ощущении глубоких корней, что ему важно осознавать себя звеном в определенной цепи человеческого рода, возникшей в праистории.

Вызревание в действительности новых тенденций нашло отражение в мышлении ее пациента Геры, который широко зарисовал типические обстоятельства, в которых формировался человек нового времени, руководствуясь закономерностями реальной действительности. В этом монологе он обобщил то, что возникало и назревало, имело тенденцию закрепиться, победить, стать широко распространенным явлением: «Меня заглатывает метро, шикарная преисподняя. Я наблюдаю бесчисленную движущуюся массу людей, которая растекается по велению разных указателей. Иногда это скопление приводит меня в ужас, мое чувство собственной значимости полностью уничтожается. Правда, к такой безличности постепенно привыкаешь, но до конца с ней не смиряешься» [Арма 2009: 65]. «Я напоминаю себе муху, схваченную паутиной. Творческий запал, дерзкие планы, свежесть, энергия, – все это давно рассеялось, еще в первые годы, растворилось в этом беспощадном, мертвящем часовом ритме» [Арма 2009: 66]. Глобализация ассоциируется у него с синтетической гигантской машиной, железобетонным муравейником, которые высасывают из него соки. Все, о чем он мечтает, ступать по обычной земле, настоящей земле. Глобализация в мире Геры – ненатуральное, неестественное. По его мнению, она растворяет отдельное человеческое «Я в безликости всеобщего». Человек в эпоху ассоциируется у Геры «с движущейся массой людей, которая растекается по велению разных указателей, с мухой, схваченной в плен». Как и Дина, он подчеркивает, что самоидентификация только лишь через принадлежность к обществу, группе, социальной роли, статусу чревата серьезными последствиями: человек останавливается на пути к самопознанию, открытию своего истинного «я». Выражаясь словами известного философа Х. Ортега-и-Гассета, наступала эра ценностей массы (толпы). «Положительный» человек, наделенный творческим началом и противостоящий косной массе, толпе, как бы выпадал из процесса существования общества. Человек в эпоху глобализации мыслится Гере, как человек – масса, человек средний, не отличающийся от остальных и повторяющий общий тип. Он ощущает таким же, как и все, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. Мир, чуждый его человеческой сущности, подавил его, лишил свободы и сделал его несчастным, он так и не смог выйти из-под его влияния. Гера глубоко страдал и не находил себе место в современной жизни в силу произвольного ограничения свободы, жесткой регламентации сознания и поведения, низведения его роли в жизни до простого «винтика». Автор делает вывод, что в условиях глобализации Гере как воздух была необходима – свобода, свобода от вещей, установок, представляющих ложные ценности, ценности не свойственные образованному, развитому человеку. В условиях глобализации при сильнейшем воздействии глобальной культуры он не сумел сохранить собственную идентичность, чувствовал себя покинутым, лишним. Впоследствии Гера и вовсе пропал «Все, кто был задействован в поисках Германа, сошлись на необъяснимом факте: человек вошел в подземку и не вышел» [Арма 2009: 68].

В отличие от Геры Дина не готова принимать мир, чуждый ее человеческой сущности. Особенно ярко это проявилось в главе «Лагерь», когда она вместе с группой врачей отправляется на практику. Ее смущают свободные отношения женщин и мужчин, в целом неуважительное отношение мужчины к женщине, к ее чести. Ей непонятно, как награды и почетные грамоты получают люди, которые совершенно далеки от идеала и благородства.

В произведении можно заметить композиционные особенности греческого романа. Мир греческого романа – чужой мир: все в нем неопределенное, незнакомое. Москва так же чужой мир для Дины. Однако если чуждость этого мира в греческом романе не подчеркивается, то в исследуемом романе «Возвращение домой» М. Хакуашева нарочито противопоставляет чужое своему. Оппозиция «свой-чужой», преломляясь в плоскости сознания Я, раскрывается, как и в философии, «Я-Другой». Наложить чуждое мировоззрение на уже сформированную первичную картину мира Дина так и не смогла. Она твердо была убеждена, что ее внутренняя природа, которая была раскрыта и развита родной культурой, национальными особенностями была полностью уместна и востребована в первоначальных условиях жизни. Первую часть «Москва» можно условно разделить на две части. Все главы резко противопоставлены главе «Диса». Такое соотношение контрастно поставленных характеров подчинено интересам анализа проблемы. Так, основная антитеза в рассказе – свое и чужое. В более глобальном понимании это два противоположных мировосприятия, мироощущения, две психологии, два образа жизни: «свое – традиционное», и «чужое – глобализация» и свойственные ему нравы.

Неслучайно Дине, прежде чем к ней в гости придет Диса, какая-то потаенная сущность скажет: «Ты дома». Вот как описывает ее появление в студенческом общежитии автор: «Безличный термин «красота» не передает и сотой доли той атмосферы магической завороченности, в которую все оказывались вовлеченными ...» [Арма 2009: 85]. Студенты-москвичи, очарованные красотой Дисы, отзывались о ней с восхищением. Один говорил, что она тянет на высшую планку, другой констатировал «Мировой уровень», третий доверительно начал обсуждать предложение по рекомендации моей сестры на Мисс красоты или очарования. Однако Дина характеризовала ее по-своему. «Диса – Дисана – Дыщана, – золотая мать», обращалась она к ней. Эпитет «золотая» автор ассоциирует с солнцем, являющимся одним из сакральных символов в кабардино-чересской литературе. Слово «Адыги» состоит из корня «Дыг», «Дыгъэ», что означает «Солнце», в свою очередь в переводе «Адыгэ» звучит как «Люди Солнца». В контексте сказанного Диса для Дины «стихия, которая называется «моя национальность». Поток жизни, как как-то особенно ощущаемый. Как-то особенно окрашенный» [Арма 2009: 60].

В романе «резюмирующая мысль латентно сформулирована автором – менталитет современного человека должен быть обусловлен в первую очередь национально-культурной традицией, должен развиваться из нее, по возможности сохраняя формулы идентификационного начала» [Узденова 2019]. Самая внутренняя, самая глубокая насущная потребность ее была в самоидентификации, возможность мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внутреннего и внешнего принуждения. Она хотела существовать в обществе, руководствуясь осознанным выбором жизненной позиции, отражающей ее внутреннюю индивидуальную человеческую сущность. В последней главе Дина видит сон, в котором цыганка в ее дом «занесла сквозняк». Она разом отразилась во всех мутных зеркалах, и они изумленно поглощали небывалое яркое многоцветие ее одежды, летящие черные волосы и смуглые босые ноги. Свободолюбивая цыганка предложила Дине взамен на ненужные вещи подкову. Такое странное предложение смутило Дину, лишь потом она четко все

осознала, что подкова – это название ее города. В свою очередь символ счастья в руках цыганки олицетворял – свободу, в которой так нуждалась Дина. Мнение автора очевидно: воистину счастливым может считаться человек внутренне свободный, с четко выстроенной личностной идентичностью. Только «свобода личности», по ее мнению, является одной из составляющих условий человеческого существования, а также спецификой, природой человеческого «я». Поскольку, выражаясь словами Канта, свобода была единственным прирожденным правом, способствующим как развитию человеческой индивидуальности, так и нравственности.

Источники и литература

1. *Арма Д.* Дорога домой: роман. Нальчик: Эльбрус, 2009. 356 с.
2. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 541 с.
3. *Бетуганова Е.Н.* Малые жанры в кабардино-черкесской литературе постсоветского периода: тенденции развития. Нальчик: Издательская типография: «Принт-Центр», 2019. 152 с.
4. *Betuganova E.N., Uzdenova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M.* (2019). Problem of national identity and ways of its resolution in works of adyghe and karachay-balkarian authors tarih kültür ve sanat araştırmaları (Проблема национальной идентичности и пути ее разрешения в творчестве адыгских и карачаево-балкарских авторов). V. 8. No 2. P. 660–670.
5. *Горелов А.А.* Культурология: учеб. Пособие. М.: Юрайт-М, 2002. 400с.
6. *Культурология в вопросах и ответах: учебное пособие.* Ростов н/Д: Феникс, 2003. 416 с.
7. *Линков В.Я.* Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989. 174 с.
8. *Лихачев Д.С.* Земля родная. М.: Просвещение, 1983. 256 с.
9. *Пушкова Ю.Б., Н.И. Шельнова, Д.Г. Мирошникова, Н.Г. Коршевер, В.Э. Вечканов.* Культурология: Учебное пособие. М.: Изд-во «Экзамен», 2008. 384 с.
10. *Ревякин А.И.* Проблема типического в художественной литературе. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1959. 366 с.
11. *Скобелев В.П.* Поэтика рассказа. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1982. 156 с.
12. *Сучков Б.Л.* Исторические судьбы реализма. Москва: Советский писатель, 1970. 453 с.
13. *Фридлиндер Г.М.* Поэтика русского реализма. Изд-во: Наука, 1971. 291с.

THE CRISIS OF SELF-IDENTIFICATION OF HEROES IN M. HAKUASHEVA'S ROMAN «RETURN TO HOME»

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Cherkess Literature of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), betuganovaelena@yandex.ru

Globalization has had a transformative impact on the spiritual spheres of society, which shape the personality, and shattered its traditional value systems. The focus is on the urgent problem of social interaction between the individual and society. The article examines how the processes of globalization have changed the moral, ethical, psychological appearance of a person.

Keywords: civilization, national and cultural identity, novel, spiritual breakdown, originality, uniqueness, unification, freedom.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-131-138

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА АДЫГОВ КАК ЧАСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА

Хагожеева Лиана Славовна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana1771@mail.ru

Основной целью настоящей работы является установление степени изученности духовных ценностей в адыгской фольклористике и определение перспективы развития данного направления в названной области науки. Как известно, выявление системы духовных ценностей – одна из наиболее важных задач современной фольклористики. В связи с этим, эстетические и этикетные нормы, бытовавшие в традиционном обществе, не раз становились предметом исследования ведущих адыгских фольклористов, этнографов и историков. Однако, несмотря на это, в настоящее время разработка данной проблемы остается одной из важных задач в адыгской фольклористике, так как изучение духовного мира может представить систему морально-нравственных моделей мышления, поведения и менталитет этноса в его эволюции и взаимосвязях. Более того, это может помочь в решении проблем в сфере культурного взаимодействия и взаимопонимания различных народов. Этим обстоятельством обусловлена актуальность представленной темы.

Ключевые слова: Адыгский фольклор, духовные и этикетные ценности, жанры, художественное преломление, специфика отражения действительности.

Для создания единой картины художественного восприятия, закрепившейся в памяти народа, необходимы знания о системе духовных и этикетных норм, которые формировали духовный мир всего адыгского (черкесского) общества. Эта система философских ценностей, впитала в себя форму мировоззрения, особенности мышления адыгского традиционного общества и является механизмом его системной интеграции, генерирующим нравственную силу и энергию этноса.

Устное народное творчество как источник исторической и нравственно-этической информации не раз рассматривалось в современной фольклористике, в том числе адыгской. Задача нашего исследования – изучение специфики преломления духовной культуры народа в произведениях фольклора; установление степени изученности нравственно-философских и этикетных норм в адыгской фольклористике.

Основные нравственно-этические ценности объективируются во всех исследуемых жанрах адыгского фольклора. Произведения устного народного творчества характеризуются исторически обусловленными, специфическими способами и формами отображения и преломления явлений реальной действительности. Поэтому рассмотрение особенностей отражения моральных и этических данных народа производится с учетом специфики объективации различными жанрами мировоззренческой информации. Если в народной прозе, в частности сказках, преданиях, система нравственных ценностей находит воплощение в образах персонажей, их действиях и поступках, обрисованы стандарты коммуникативного поведения, то в историко-героических песнях и плачах, в силу их жанровой

специфики такие описания отсутствуют, даются только отдельные штрихи, констатации действий героев в сражении, поединке. Нравственно-этические установки, которыми они руководствуются, сосредоточены в воинской среде, указывают на их героические действия и поступки, которые соответствуют кодексу чести адыгских воинов. В народной прозе – сказках и преданиях сфера изображения более широкая, она охватывает как воинскую, так и повседневную жизнь.

Так, например, в адыгском фольклоре в жанре сказок и преданий наиболее ярко описаны моральные и этикетные нормы, связанные с институтом гостеприимства и наездничества. В пословицах они представлены менее слабо и вне ситуативного контекста в форме правил и рекомендаций. В сюжетах, мотивах и образах народной прозы наиболее часто встречаются нравственные и этикетные установки, описывающие «правила благородной вражды», принципы мужества и мужской дружбы. А в историко-героических песнях и плачах, как правило, объективируются нормы воинской этики и морали.

Таким образом, система этических и эстетических ценностей, являясь отражением духовного мира народа, способна оказывать влияние на содержание фольклорных текстов, на его сюжеты, мотивы и образы. Кроме того, важно заметить, что она способствует возникновению своеобразных жанровых разновидностей и форм. В подтверждение этому Б.Н. Путилов пишет, что в фольклоре «работают» мотивы поддержания/нарушения традиционных моральных установок и норм, регулирующие поведение героев. Они попадают в конфликтные ситуации, формирующие образ героя, который встал перед выбором принятия или нарушения, действия или бездействия [Путилов 1994: 128]. Так, например, в адыгском фольклоре, сформировалась жанровая разновидность «этических» преданий [Бгажноков 1983: 198, 199] или, согласно классификации А.А. Ципинова «морально-этических» групп или циклов преданий [Ципинов 2000: 36], основная функция которых – контроль поведения, поддержание или отрицание существующих в адыгской традиционной культуре системы нравственно-этических, моральных и этикетных норм. Данная особенность «этических» преданий выступает в качестве сюжетобразующего принципа. Произведения данного типа подчеркивают идею необходимости беспрекословного следования объективируемых в них морально-этических установок и правил адыгского этикета. В целом, особенности отражения действительности в преданиях и историко-героических песнях в исследованиях многих адыгских фольклористов проходит в соответствии с положениями В.Я. Проппа о специфике историзма в этих жанрах, для которых изображение реальной действительности состоит в выражении исторического сознания, отношения «к историческим событиям, лицам и обстоятельствам» [Пропп 1976: 118, 120]. Предания представляют собой жанр, ориентированный на достоверное изображение действительности. Таким образом, выявление духовного мира адыгского народа здесь достигается за счет преобладания в них информативной функции, принимаемой как историческая информация. Предания, как и исторические песни, объективируя явления исторической действительности, впитывают в себя национальный дух и мировоззрение народа, систему моральных оценок изображаемых событий и фактов.

Ш.Б. Ногмов был первым исследователем, который использовал фольклор для реконструкции исторических событий [Ногмов 1947]. Ранние исследования адыгских песен и преданий как источник исторической информации принадлежат С. Хан-Гирею [Хан-Гирей 1978]. Реконструкция реальных событий с привлечением фольклорных источников были предприняты позже в статьях З.М. Налоева [Налоев 1978], З.П. Кардангушева [Кардангушев 1981], В.Н. Сокурова [Сокуров 1988; 1986; 1982], посвященных отдельным адыгским историко-героическим песням и преданиям. В своих статьях исследователи анализируют фольклорные источники и документальные сведения, чтобы выявить историческую основу адыгских песен и сопровождающих их преданий.

Помимо исследований подобного рода, появились работы, изучающие специфику отражения в фольклоре нравственно-этических ценностей [Унарокова 1998]. В этом плане представляет интерес монография Р.Б. Унароковой «Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект)» [Унарокова 2004], в которой фольклор рассматривается как источник духовного мира этноса и как особый способ осмысления мира и одновременно как искусство. В работе изучаются формы и способы объективации морально-этических принципов и основанных на них институтов, анализируются специфика отражения политической истории в песнях. В своем исследовании Р.Б. Унарокова принимает за основу положение о том, что адыгские историко-героические песни сочетают в себе информационную и эстетическую функции, что позволяет автору рассматривать песню как жанр, объединивший в себе исторические и морально-этические представления этноса. Монография С.Ш. Аутлевой [Аутлева 1973] является первым исследованием, в котором адыгские историко-героические песни изучаются в процессе его исторического развития, исследуется проблематика, образность и художественная форма. З.М. Налоевым была разработана обстоятельная жанровая классификация архаических [Налоев 1980] и героико-лирических песен адыгов [Налоев 1986], исследован жанр очистительных песен [Налоев 1978]. В статье В.Х. Кажарова [Кажаров 2005] адыгские песни рассматриваются как источник истории, традиционной культуры и исламских мотивов, получивших развитие в период Кавказской войны.

В сказочной прозе, нравственные и этические принципы, в соответствии со специфическими особенностями данного жанра, подвергаются художественному переосмыслению. Система моральных представлений, которым следуют сказочные герои, остаются в рамках общепринятой этической системы координат, независимо от того, что в них, как правило, присутствуют элементы фантастического. Как отмечает Б.Н. Путилов, фольклорные сюжеты, воссоздают отношения, поддерживающие или нарушающие принятые нормы [Путилов 1994: 124]. В волшебных, в частности, «богатырских» сказках (А.И. Алиева [Алиева 1986], М.Ф. Бухуров [Бухуров 2015]), в которых преобладает художественный вымысел и доминирует эстетическая функция, духовные ценности воплощены в сюжетах и мотивах, в поступках и действиях героев. Образ героя волшебной и богатырской сказки пронизан идеями общепринятых моральных принципов. Идеальный герой сказок и преданий (в особенности «морально-этические» предания), наказывает нарушителя нравственных установок, тем самым, утверждает и поддерживает нормы, эталонные в традиционном адыгском обществе.

Функцией утверждения моральных принципов обладают и пословицы, а также существующий в адыгском фольклоре специфический жанр, обозначенный в исследовании З.Ж. Кудяевой как «паремическая тирада» [Кудяева 2001]: «Псалъэ пэжищэ» (каб.) или «Шъыпкъишгэ» – «Сто истин» [Шъыпкъишгэхэр 1999], состоящая из ста паремий – пословиц, поговорок и примет. В пословицах и поговорках основные моральные и этические ценности нашли воплощение в форме констатаций, рекомендаций и нравственных императивов. Они являются одним из способов реализации обычаев, традиционных норм, мировоззренческих представлений этноса. Основная часть этого жанра, так называемых пословиц-правил, предписывают элитные нормы нравственного поведения, способствуя формированию его социально одобряемых форм, тем самым выполняют функцию утверждения моральных принципов. «Язык пословиц, – отмечает В.В. Жданова, – консервирующий в себе архаические элементы мировоззрения, оказывается одним из самых богатых и надежных документальных свидетельств форм человеческой культуры» [Жданова 2004: 154].

Одним из первых специальных исследований адыгских пословиц и поговорок является вступительная статья А.Т. Шортанова к двухтомному собранию «Адыгэ Гуэрыуатэхэр» («Адыгский фольклор»), составленному З.П. Кардангушевым

[Адыгэ Иуэрыуатэхэр... Т. 1 1965; Т. 2. 1969] и к двухтомному изданию пословиц А.М. Гукемуха и З.П. Кардангушева «Адыгэ псэльэжьхэр» («Адыгские пословицы») [Шортанов Т. 1 1965; Т. 2 1967]. Изучение поэтики адыгских паремий и выявление в них явлений традиционной культуры принадлежит З.Ж. Кудаевой [Кудаева 2001]. В основе диссертационной работы М.Ч. Кунашевой [Кунашева 1995] лежит лингвокультурологический анализ моральных ценностей в пословицах и поговорках, а также совместного исследования И.М. Баловой и М.Ч. Кремшомкаловой (М.Ч. Кунашевой) [Балова 2009]. В работе Л.А. Гутовой пословицы и поговорки изучены в ситуативном контексте, исследована специфика их бытования [Гутова 2006; 2011]. В сборниках К.Г. Шаова [Шаов 1998] и Л.А. Гутовой [Гутова 2011] пословицы и поговорки приводятся в контексте их употребления в художественном тексте и даются их толкования.

Теоретической основой в изучении духовного мира этноса явились также исследования Б.Х. Бгажнокова [Бгажноков 1988; 1978; 2010; 1983], Мирзоева [Марзей 2004], Р.А. Ханаху [Ханаху 2002] и др. В своих трудах Б.Х. Бгажноков [Бгажноков 1988; 1978; 2010; 1983; 1991; 2011] исследует культуру и специфику общения, выявляет основные конструктивные принципы адыгского этикета, выявляет основы адыгской этики как нравственно-этического, социального, идеологического, организующего стержня традиционного адыгского общества.

В области определения природы и сущности адыгской духовной культуры также значимы теоретические исследования Р.А. Ханаху [Ханаху 2002], Р.А. Ханаху и О.М. Цветкова [Ханаху, Цветков 1996], где исследуется природа «адыгства» с философских, общесоциологических, общекulturологических позиций. Адыгский этикет также хорошо изучен в трудах М.И. Мижаева [Мижаев 1980], Х. Шогенова и З.П. Кардангушева [Шогенов, Кардангушев 1995], С.М. Мафедзева [Мафедзев 2000], А.М. Гутова [Гутов 1998] и др.

Таким образом, данный анализ показал: что в фольклоре находят воплощенные типовые ситуации, которые оцениваются с точки зрения существующих и морально одобренных эстетических ценностей и этикетных правил и установок, характерных для адыгской традиционной этнической культуры; различные жанры фольклора обладают специфическими свойствами художественного преломления реальной действительности; произведения устного народного творчества объединяют в себе информационную и эстетическую функции, что способствует их изучению в аспекте отражения в них морально-этических представлений, существовавших в адыгском традиционном обществе; конфликт, который лежит в основе мотива, сюжета и образа фольклорного героя, вызван социальной природой самого фольклора и обусловлен историческими, социальными процессами, происходящими в действительности. Эти особенности учитываются в исследованиях адыгских ученых, которые сегодня все чаще обращаются к духовным ценностям этноса. В этом видится дальнейшая перспектива развития данного направления в адыгской фольклористике.

Источники и литература

1. Адыгэ Иуэрыуатэхэр. ТомитӀу (Адыгский фольклор. В 2-х томах) / сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, Т. 1. 1965. 339 с.; Т. 2. 1969. 412 с.
2. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 279 с.
3. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 228 с.
4. Балова И.М. Философские и нравственные концепты в русских и кабардинских паремиях [Электронный ресурс] / И.М. Балова, М.Ч. Кремшомкалова. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 192 с. Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/26483-pall.html> (дата обращения: 11.11.2020).

5. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
6. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 160 с.
7. *Бгажноков Б.Х.* Антропология морали. Нальчик: Изд. отд. КБИГИ, 2010. 128 с.
8. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.
9. *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. Сюжет. Семантика. Мантика. Нальчик: Адыгская энциклопедия, 1991. 188 с.
10. *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 510 с.
11. *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. Нальчик: Эльбрус, 2015. 159 с.
12. *Гутова Л.А.* Адыгские пословицы и поговорки: ситуативный контекст, функционирование. Нальчик: Полиграф сервис и Т, 2006. 42 с.
13. *Гутова Л.А.* Народная афористика в художественном контексте (сравнительный анализ на материале адыгского, английского и русского языков). Нальчик: Изд. Отдел КБИГИ, 2011. 130 с.
14. *Гутов А.М.* Этюды о кавказском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1998. 124 с.
15. *Жданова В.В.* Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-языкового сознания // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Яз. славян. культуры, 2004. С. 151–161.
16. *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 29–86.
17. *Кардангушев З.П.* Къэрэкъэщкъэтау зауэм хуауса уэрэдымрэ хыбарымрэ (Песня и предание о Каракашкатауской битве) // Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик: КБИИФЭ, 1981. С. 45–64.
18. *Кудаева З.Ж.* Адыгская паремия: система, поэтика. Нальчик: Эльбрус, 2001. 88 с.
19. *Кунашева М.Ч.* Лингвокультурологический анализ терминов народной морали (на материале кабардинских пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 23 с.
20. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «зекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 301 с.
21. *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычай и традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 360 с.
22. *Мижаев М.И.* Адыгэ хабзэмрэ ди зэманымрэ (Адыгский этикет и современность). Черкесск: Ставроп. кн. изд., 1980. 129 с.
23. *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. С. 5–34.
24. *Налоев З.М.* Из истории «Песни Большого ночного нападения» // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 100–116.
25. *Налоев З.М.* Очистительная песня в адыгском фольклоре // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 82–99.
26. *Налоев З.М.* У истоков песенного искусства адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I. М.: Сов. композитор, 1980. С. 7–30.
27. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабгосиздат, 1947. 159 с.
28. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.
29. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура [Электронный ресурс] / Б.Н. Путилов; отв. ред. А.С. Мыльников; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Наука, 1994. 238 с. Режим доступа: <http://www.infolib.info/philol/putilov/3.html>; То же: <http://eicadr.org/book/kultura/159781-folklor-i-narodnaya-kultura/50> (дата обращения: 15.11.2020).
30. *Сокуров В.Н.* Исторические основы фольклорных сюжетов // Героико-исторический эпос народов Кавказа. Грозный, 1988. С. 61–64.
31. *Сокуров В.Н.* Канжальская битва // Актуальные вопросы Кабардино-Балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик: Эльбрус, 1986. С. 48–64.
32. *Сокуров В.Н.* Кулькужинская битва 1614 года // Вопросы Кавказской филологии и истории. Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 58–67.
33. *Унарокова Р.Б.* Песенная культура адыгов (Эстетико-информационный аспект). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 220 с.
34. *Унарокова Р.Б.* Формы общения адыгов (опосредованные формы общения в традиционной культуре адыгов на материале фольклорных текстов). Майкоп: Меоты, 1998. 128 с.
35. *Ханаху Р.А.* Морально-этнический феномен адыгагэ основа народной культуры // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп: Качество, 2002. С. 177–184.

36. *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Некоторые типологические характеристики традиционной культуры адыгов (к проблеме ментальности) // *Философия и социология*. Майкоп: АРИГИ, 1996. № 4. С. 44–60.
37. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии / вступ. ст. и подгот. текста к печати В.К. Гарданова, Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус, 1978. 333 с.
38. *Ципинов А.А.* Народная историческая проза адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 157 с.
39. *Шаов К.Г.* Псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ (Пословицы и поговорки) / сост. К.Г. Шаов. Нальчик: Эльбрус, 1998. 224 с.
40. *Шогенов Х.И., Кардангушев З.П.* Адыгэ хабзэу щыIахэр (Адыгский этикет в прошлом). Нальчик: Эльбрус, 1995. 135 с.
41. *Шортанов А.Т.* Цыхубэм я гупсэ (Душа народа) // *Адыгэ псалъэжхэр*. Томитгу (Адыгские пословицы. В 2 томах) / сост. А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, Т. 1. 1965. 202 с.; Т. 2. 1967. 251 с.
42. *Шышкыишхэр* (Сто истин) / вступ. ст., подгот. текстов, коммент. Р.Б. Унароковой. Майкоп: Адыгя, 1999. 92 с.

STUDYING THE FOLKLORE OF THE ADYGES AS A PART OF THE SPIRITUAL CULTURE OF ETHNOS

Hagozheeva Liana Slavovna, Candidate of Philology, Junior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

The main goal of this work is to establish the degree of knowledge of spiritual values in the Adyghe folklore studies and to determine the prospects for the development of this direction in the named field of science. As you know, the identification of the system of spiritual values is one of the most important tasks of modern folklore studies. In this regard, the aesthetic and etiquette norms that existed in traditional society have repeatedly become the subject of research by leading Adyghe folklorists, ethnographers and historians. However, despite this, at present, the development of this problem remains one of the important tasks in the Adygeyan folklore studies. Since, the study of the spiritual world can present a system of moral and ethical models of thinking, behavior and mentality of an ethnic group in its evolution and interconnections. Moreover, it can help in solving problems in the field of cultural interaction and mutual understanding of different peoples. This circumstance determines the relevance of the topic presented.

Keywords: Adyghe folklore, spiritual and etiquette values, genres, artistic refraction, specificity of the reflection of reality.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-139-144

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия/ главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
 - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
 - сведения об авторе;
 - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
 - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корrekтнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961].

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

2. *АП* – Адыгэ псалгальэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

4. *Къыцокъуэ А. Хъуэпсэгъуэ нур.* Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.

5. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/sem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.

7. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

8. *Малкондугев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 28 (67). С. 146–154.

9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // *Медиаскоп*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).

10. *Павшук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.

11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.

12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
12,9

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 269

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*